РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск 232

Главный редактор Н. А. МАКАРОВ

УДК 902/904 ББК 63.4 К 78

Главный редактор: Акалемик РАН. Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции), к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН, к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН, к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 232 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 236 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620 ISBN 978-5-9551-0733-2

Предлагаемый читателю выпуск Кратких сообщений ИА РАН посвящен результатам новейших археологических исследований, проводившихся в последние годы на всей территории нашей страны — от Дальнего Востока до центра Европейской равнины. Публикуемые статьи впервые вводят в научный оборот материалы, полученные при раскопках памятников разных эпох — от каменного века до Средневековья. Особый интерес представляют собой уникальные находки из царского кургана Филипповка 1 и памятники наскального искусства Сибири. Второй информационный блок содержит целый спектр публикаций, посвященных исследованиям Отдела охранных раскопок Института археологии РАН.

Выпуск несомненно привлечет внимание археологов, историков, этнографов, антропологов и всех заинтересованных в сохранении историко-культурного наследия России.

ББК 63.4

На задней стороне обложки изображен бронзовый котел из «царского» кургана 1 могильника Филипповка 1 (к статье Л. Т. Яблонского)

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу «Пресса России», т. 1, индекс 11907. Официальный электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

ISBN 978-5-9551-0733-2

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2014
- © Авторы, 2014
- © Языки славянской культуры, 2014

ПРОБЛЕМЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОТКРЫТИЯ

Л. Т. Яблонский

НОВЫЕ НАХОДКИ В «ЦАРСКОМ» КУРГАНЕ 1 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА 1 (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)*

L. T. Yablonsky. New finds in the «royal» burial-mound 1 in the Filippovka 1 cemetery (preliminary report)

Abstract. During the completion of work on the eastern half of burial-mound № 1 an underground passage over 25 metres in length was fully excavated. It led eastwards from the central grave-pit and it was 80 cms wide at the outset. At its eastern end it rose up to the level of the ancient ground surface over five steps and at that point its width was 2,5 metres and the bottom step was approximately 2 meters deep. Not far from the stepped entrance into it a large cauldron cast in bronze was found (see back cover). Under the eastern side of the burial-mound, near the edge of the mound, a grave-pit was found which had not been disturbed by looters. On the floor of the pit on a multi-layered matting a human skeleton was unearthed accompanied by exceptionally rich and diverse grave-goods (Fig. I).

Ключевые слова: Филипповка, курган 1, погребение 2, находки, датировка.

Великолепные сокровища из сарматского кургана на Южном Урале, раскопанные летом 2013 г., имеют неоценимое значение для изучения истории кочевой культуры, которая процветала в евразийской степи в I тыс. до н. э. Археологическое изучение замечательной древней гробницы было проведено экспедицией Института археологии РАН. Древние кочевые народы не имели собственной письменности, и ученые могут узнать об их материальной и духовной культуре только по данным археологии. Курганы, разбросанные по всей степи, содержат уникальные реликвии скифской и сарматской культур. Сарматы, конные воины, успешно взаимодействовали с носителями древней персидской цивилизации Ахеменидов и с другими народами, но при этом сохраняли собственную уникальную традиционную культуру.

Курган 1 могильника Филипповка 1 в Оренбургской области раскапывался впервые в период с 1986 по 1988 г. уфимской археологической экспедицией

^{*} Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект №13-01-00053.

(НИИИЯЛИ Башкирского филиала РАН) под руководством А. Х. Пшеничнюка¹. Памятник находился в центральной части могильника. Высота кургана составляла более 8 м, а его диаметр превышал 80 м. Раскопки центрального захоронения и тайников, расположенных поблизости от центральной могильной ямы, дали большое количество предметов, сделанных из драгоценных металлов, включая знаменитых «золотых» оленей (26 экз.). После серии выставок, организованных как в нашей стране, так и за ее пределами, издания каталогов этих выставок на русском и иностранных языках (Золотые олени... 2001; The Filippovka kurgans... 2000) результаты этих раскопок приобрели мировую известность.

Однако в связи с форс-мажорными обстоятельствами восточная пола насыпи кургана, сегментовидная в плане, высотой около 5 м и длиной около 50 м осталась не исследованной и подвергалась постоянным попыткам ограбления. Основной задачей экспедиции ИА РАН в сезоне 2013 г. было полное доследование этой части насыпи с целью завершить изучение уникального памятника, уже вошедшего в анналы мировой культуры, и предотвратить его полное разграбление современными вандалами.

Под восточной полой насыпи на уровне древнего горизонта были расчищены многочисленные кости лошадей. Некоторые из них находились в анатомическом сочленении, другие были разрознены в результате работы плуга. Здесь же обнаружены жертвенные комплексы (6 шт.), представленные прикопанными в землю наборами деталей конской уздечки (бронзовые и железные удила и псалии, налобник, наременные пряжки, фрагмент каменного жертвенника).

Судя по научному отчету А. Х. Пшеничнока (1988), под эту полу насыпи уходил подземный ход. Такие подземные ходы фиксировались в филипповских курганах и ранее. Два из них были обнаружены и при исследовании насыпи кургана 1 в ходе первого этапа раскопок памятника.

Подземный ход длиной свыше 25 м был направлен к востоку от центральной могильной ямы и в устье имел ширину 0,8 м. В восточном окончании он поднимался на поверхность древнего горизонта пятью ступеньками и здесь достигал в ширину 2,5 м при глубине у нижней ступеньки около 2 м. В нынешнем сезоне в восточном подземном ходе, недалеко от ступенчатого входа в него, был найден массивный литой бронзовый котел с диаметром венчика 102 см и весом около 0,5 т. Его ручки выполнены в традициях скифо-сибирского звериного стиля и оформлены в виде объемного геральдического изображения голов двух грифонов (мифических птиц), соприкасающихся клювами (см. фото на задней стороне обложки).

Под восточной полой кургана вблизи края насыпи обнаружена нетронутая грабителями могильная яма. По форме в плане она приближалась к прямоугольнику общими размерами 3.57×2.6 м. Длинной осью она была ориентирована параллельно насыпи кургана на этом участке. Глубина ямы составляла 3.7 м. На уровне погребенной почвы и в профиле бровки насыпи зафиксированы остатки бревен деревянного перекрытия погребальной камеры.

¹ В то время памятник назывался Филипповка или Филипповские курганы. Однако после завершения раскопок могильника Филипповка 2 (*Яблонский*, 2013) он был переименован и стал обозначаться как могильник Филипповка 1.

На дне ямы на многослойной подстилке из коры, камыша и травы был расчищен человеческий скелет с исключительно богатым и разнообразным погребальным инвентарем (см. цв. вклейку, рис. I). Судя по его составу, захоронение принадлежало женщине (?). Она лежала в вытянутом положении на спине, головой в южный сектор. В изголовье слева находился сделанный из луба ларь, заполненный доверху предметами, включавшими две литые серебряные фиалы (одна из них использовалась в качестве крышки для другой); стеклянные и серебряный туалетные сосудики; кожаный ремень с прикрепленными к нему бронзовыми бубенчиками; плетеную покрытую кожей коробочку, доверху наполненную большими жуками (скарабеи и носорог); две костяные и одну бронзовую татуировальные иглы; наполненные пигментами кожаные мешочки; каменную орнаментированную (раскрашенную) по венчику чашечку с минеральным агрегатом² ярко-голубого цвета; сосудики из кожуры каштана и грецкого ореха; обработанные и необработанные камни; предметы из янтаря, деревянный сосуд с золотыми накладками и ручкой, выполненной в виде объемной фигуры медведя (см. цв. вклейку, рис. II, 1).

Между ларцом и черепом находилось развернутое золотое нагрудное украшение-медальон/талисман (?): от центрального звена отходят золотые цепочки с удлиненно-каплевидными подвесками. Предмет в целом (рис. II, 2) изображает солнечный диск; центральная часть округлой формы выполнена из золота в технике перегородчатой мозаики из разноцветного стекла. В центре украшения изображено мировое древо с охраняющими его крону мифологическими птицами симургами, частично покрытыми рыбьей чешуей. Корни дерева уходят в подземный мир. Венчает композицию распростершая крылья главная птица симург-охранительница.

К северу от короба лежало большое серебряное зеркало с позолоченной ручкой, украшенной в зверином стиле, и рельефной позолоченной композицией на тыльной стороне диска. В центре диска — изображение орла, окруженное фигурками крылатых быков в полный рост и внешним растительным фризом из чередующихся «пальметт» двух видов (рис. II, 3). Трехчастная композиция в целом отражает мифологическое понимание древними иранцами структуры мира, как и в случае с нагрудной бляхой.

Зеркало помещалось в футляр из коры, который застегивался с помощью гагатовой пронизи-путовицы. Под зеркалом найдены серебряный туалетный сосудик; деревянный предмет; белемнит; кожаный мешочек с черным пигментом; бусы из стекла, золота, самоцветов и бирюзовая подвеска, оправленная золотом; подвески из перламутра и резного камня; бронзовая и костяная ложечки; шесть золотых татуировальных иголок; кремневый (неолитический) наконечник стрелы; оселок, под которым лежала пара железных ножей, инкрустированных золотом.

Севернее зеркала стоял деревянный сосуд с серебряными накладками и носиком-сливом. Рядом с ним лежали предметы из железа. Под северным бортом могилы располагалось скопление обработанных деревянных брусков.

² **Агрегат минеральный** — скопления и срастания минеральных индивидов (кристаллов и зерен) одного и того же или разных минералов, отделенных друг от друга поверхностями раздела (минералогия).

В юго-восточном углу погребальной камеры находился деревянный сосуд с роговой крышкой, гравированной в зверином стиле. Он украшен золотыми накладками, одна из которых служила ручкой и была выполнена в виде объемной фигуры кулана или самки (безрогой) джейрана. Сосуд был помещен в плетеный из прутиков футляр, расшитый бисером.

Севернее лежало большое (диаметром 33 см) серебряное блюдо с ложковидным орнаментом, колчан с бронзовыми наконечниками стрел. Колчан многослойный, выполнен из луба, коры и кожи. Рядом с колчаном находились его детали: меловая, яшмовая и золотые пронизи.

У правой стопы располагалось деревянное блюдо и сосуд-алабастр в отдельном футляре. В пределах блюда стоял серебряный туалетный сосудик, заключенный в футляр из коры, и крупная золотая бусина в мешочке, расшитом бисером и бусами. Футляры украшены семью золотыми пронизями.

К северу от алабастра найдены две каменные палитры и пестик для растирания татуировальных пигментов и сопровождающие их многочисленные предметы, из которых отметим кожаный ремешок с бронзовыми колокольчиками; лошадиный клык, наполненный красной охрой; пронизи из полудрагоценных камней и морские раковины; разнообразные камни; скорлупу грецкого ореха; костяную ложечку.

За пределами подстилки находились бронзовые предметы: в северо-западном углу могильной ямы — чайник на ножках и ковш, у восточной стенки — жаровня. В северо-восточном углу могилы расчищен уздечный набор, который состоял из железных удил, бронзовых псалиев и бляшек.

Одежды (платье, рубаха и шаль) погребенной были украшены многочисленными нашивками, изображающими цветы-розетты; сцены терзания сайгака пантерой; сайгака, свернутого в кольцо (см. цв. вклейку, рис. III, $I\!-\!4$), — всего 656 штампованных нашивок из золотого листа. Кроме того, «бахрома» шали представлена золотыми цепочками из мелких литых деталей. Рукава рубахи расшиты разноцветным золотым и стеклянным бисером, образующим сложный геометрический орнамент.

В районе височных костей черепа находились две литые золотые подвески с деталями, выполненными в технике перегородчатой стеклянной мозаики (рис. III, 5, 6), подобно тому, как были сделаны нагрудное украшение и браслеты.

На каждом пальце рук находились литые золотые перстни (10 шт.) с изображениями в зверином стиле на щитках (рис. III, 7–11). Это фигуры лежащих с подогнутыми ногами оленей, рога которых превращаются в протомы грифонов.

На запястья были надеты по два браслета: один из каменных, стеклянных и золотых бус, другой из золотых деталей, которые оправляли элементы из сердолика.

Всего коллекция из раскопок 2013 г. насчитывает более тысячи предметов различного назначения.

Возраст смерти погребенного человека по состоянию зубной системы и швов черепа оценивается примерно в 35–40 лет. Определение пола по морфологии костей посткраниального скелета и черепа вызывает большие затруднения, и его можно уточнить только путем DNA-анализа.

Л. Т. Яблонский

Захоронение датируется в пределах IV в. до н. э. и синхронно, таким образом, погребению 1 этого кургана (*Пшеничнюк*, 2013).

Таким образом, раскопки кургана 1 могильника Филипповка 1 были продолжены и дали замечательный результат. Для анализов с помощью естественнонаучных методов были отобраны образцы золота, серебра, стекла, эмали, дерева, кожи, каменный материал, краски, кости животных и человека.

Все находки переданы в Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей.

ЛИТЕРАТУРА

- Золотые олени Евразии, 2001 / Ред. Р. Г. Кузеев, М. Б. Пиотровский, А. И. Шкурко. СПб.: Славия. 247 с.
- Пшеничнюк А. Х., 1988. Отчет о раскопках центрального (№ 1) кургана Филипповского могильника в Илекском районе Оренбургской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р1, № 12951.
- *Пшеничнюк А. Х.*, 2013. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале / Ред. Н. С. Савельев, Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН. 278 с.
- Яблонский Л. Т., 2013. Курган-святилище могильника Филипповка 2, роль и место животных в погребальном обряде // Археология восточно-европейских степей. Вып. 10 / Ред. В. А. Лопатин. Саратов: СГУ. С. 305–311.
- The Filippovka Kurgans at the Heart of the Eurasian Steppe, 2000 // The Golden Deer of Eurasia / J. Aruz, A. Farkas, A. Alekseev, E. Korolkova (eds). New York, Metropolitan Museum. 303 p.

Е. Г. Дэвлет, А. Р. Ласкин

К ИЗУЧЕНИЮ ПЕТРОГЛИФОВ АМУРА И УССУРИ*

E. G. Devlet, A. R. Laskin. On investigations of rock-art of the Amur and Ussuri rivers

Abstract. The paper considers rock art sites of Sikachi-Alyan and Sheremetievo in the Far East. The sites enter the rock art province located in the basins of the Lower Amur and Ussuri rivers. Field works related with monitoring of the sites' preservation resulted in discovery of a series of new rock art images, which represent an important contribution to the corpus of rock art of the Far East. Rare variants of anthropomorphic and zoomorphic figures, original mask-like images have been revealed on boulders and rock outcrops. One of them — a mask with wavy linear ornament is unique. Of special interest is diversity of ancient artists' attitude to texture of stone used for shaping rock carvings, reliefs and three-dimensional sculptures.

Ключевые слова: памятник наскального искусства Сикачи-Алян, памятник наскального искусства Шереметьево, наскальные изображения Дальнего Востока, Список культурного наследия ЮНЕСКО, сохранение культурного наследия памятников

Среди местонахождений наскального искусства российского Дальнего Востока наибольшую известность получили петроглифы Сикачи-Аляна, расположенные по правому берегу р. Амур в 60 км ниже г. Хабаровск, и наскальные изображения Шереметьево — местонахождение на правом берегу р. Уссури в 140 км выше по течению от места ее слияния с р. Амур. Памятники наскального искусства бассейна Амура и Уссури можно рассматривать как особую локальную провинцию наскального искусства, к которой относятся изображения Сикачи-Аляна, Шереметьево, Кии (Чертово Плесо), камень у с. Калиновка и утраченные рельефы в пещере Медвежьи Щеки на р. Суйфун (Окладников, 1971; Дэвлет, Дэвлет, 2005. С. 29–32; 2011). В бассейне Нижнего Амура и Уссури с эпохи неолита существовали крупные культовые центры и святилища (Медведев, 2005).

Изображения на скальных выходах, протянувшихся вдоль правого берега р. Уссури неподалеку от с. Шереметьево, известны науке более полутора столетий (см. *Окладников*, 1971. С. 5–16). Еще в 1859 г. Р. К. Маак, один из пер-

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00453(a), 13-01-00322(a).

вых исследователей этого края, во время своего путешествия по р. Уссури записал, что «...видел изображение человека верхом на лошади, птицу, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся; также очерк человеческого лица с лучами, исходящими от него по всем направлениям, высеченный в весьма грубых и неполных очертаниях. Об этих исторических памятниках не осталось, однако же, никаких преданий между тамошними природными жителями, которых мне приходилось расспрашивать, но, судя по нынешнему состоянию изображений, можно отнести их к временам весьма отдаленным, потому что хотя они и высечены в твердой горной породе, однако же от атмосферного влияния стали неясны, а некоторые фигуры так изгладились, что трудно даже заметить их» (Маак, 1861). В 1860 г. географ К. Ф. Будогоский, поместил в газете «Амур», издававшейся в те годы в Иркутске, заметку о загадочных изображениях «головы тигра, рыбы, каких-то знаков» на скалах по правому берегу р. Уссури (Будогоский, 1860). Более детальное описание наскальных изображений у с. Шереметьево сделал подполковник Генерального штаба Н. А. Альфтан. Он обозначил три пункта сосредоточения шереметьевских петроглифов, зарисовал ряд изображений (Альфтан, 1895). Позднее данные исследователя были использованы Ф. Ф. Буссе и Л. А. Кропоткиным в обобщающей сводке по археологическим памятникам Дальнего Востока (Буссе, Кропоткин, 1908).

Наиболее известное местонахождение региона – наскальные изображения Сикачи-Аляна, памятника мирового значения (рис. 1-3)1. Первые сведения о петроглифах относятся к концу XIX в. и известны по дневниковым записям русского востоковеда Палладия Кафарова (Ларичев, 1966). Первое опубликованное упоминание изображений на валунах у сел Сикачи-Алян и Малышево появилось в газете «Приамурские ведомости» в 1895 г. Его автор, штабс-капитан Петр Иванович Ветлицын, дал общую характеристику рисункам и технике их выполнения, сделал несколько зарисовок и привел легенду о происхождении петроглифов (Ветлицын, 1895). В зарубежной печати первые сведения о наскальном искусстве Амура опубликованы в 1899 г. и принадлежат американскому востоковеду Бертольду Лауферу – участнику этнологической экспедиции на Амур, организованной Американским музеем естественной истории. Им сделаны фотографии и эстампажи древних рисунков, а также приведена нанайская легенда о «трех солнцах», связанная с созданием петроглифов (Laufer, 1899). В 1908 г. краткое описание петроглифов у с. Сикачи-Алян сделал в ходе экспедиции в горы Сихотэ-Алиня известный дальневосточный исследователь В. К. Арсеньев (1947). Древние легенды, связанные с сикачи-алянскими петроглифами и народом, населявшим эти места, записал этнограф Л. Я. Штернберг во время

¹ В работе использованы фотографии авторов, А. Л. Бабаева, Е. Ю. Гири, И. Я. Шевкомуда, а также из архива Краевого государственного бюджетного учреждения культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края», собрания Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) и Краевого государственного бюджетного научного учреждения культуры «Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова» (ХКМ).

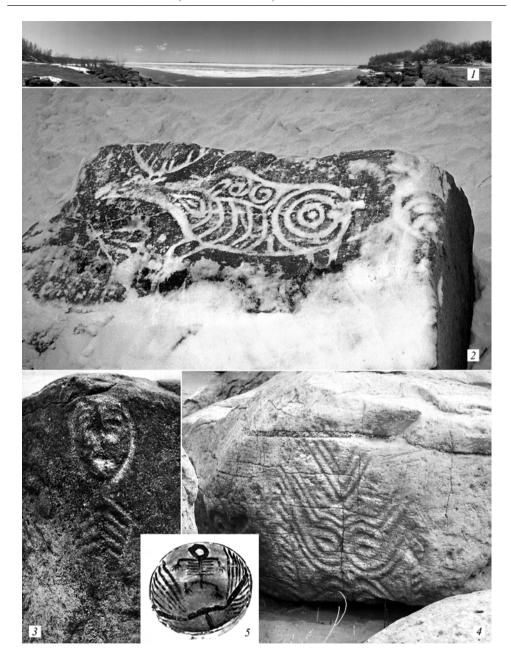

Рис. 1. Петроглифы Сикачи-Аляна (1-4) и аналогия (5)

I — панорама Сикачи-Аляна; 2, 3 — камень с изображением стреляющего в оленя лучника на основной плоскости, а также личины и протомы антропоморфной фигуры в рентгеновском стиле на гранях; 4 — валун с изображением антропоморфной личины (в настоящее время смещен в результате природного воздействия); 5 — керамический сосуд с антропоморфной фигурой в рентгеновском стиле, Мацзяяо, культура яншао, Китай (по: *Chang*, 1986. P. 152. Fig. 118)

Рис. 2. Сикачи-Алян. Петроглифы (1,2) на прибрежных валунах, подверженных сезонному воздействию воды и льда

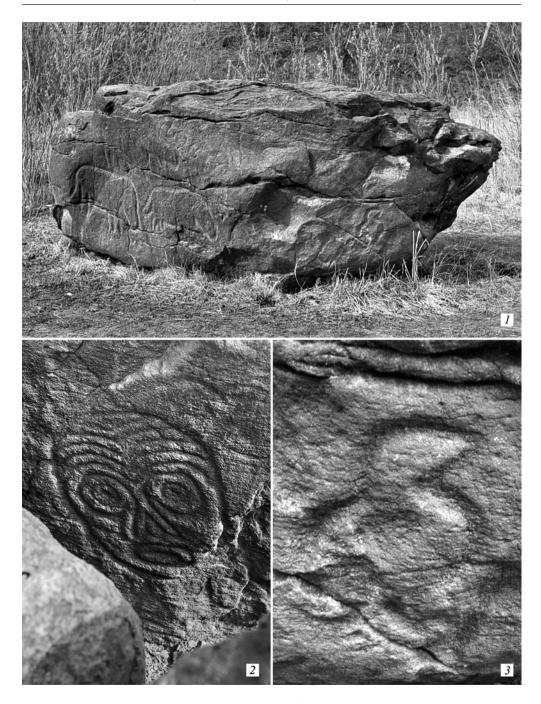

Рис. 3. Сикачи-Алян. Петроглифы

1, 3 – крупные зооморфные и орнитоморфные петроглифы, выполненные широким сглаженным наружу желобком, напоминающим граветтийскую технику «шамплеве»; 2 – личина

своего путешествия 1910 г. (Штернберг, 1933). Специальные исследования сикачи-алянских наскальных изображений в начале 1930-х гг. провел Н. Г. Харламов. Он описал их положение, выполнил фотографии и эстампажи, а также собрал небольшую археологическую коллекцию, включавшую каменные орудия и фрагменты керамики. Валуны с петроглифами он связывал с остатками древнего города Гальбу.

В 1935 г. петроглифы у сел Сикачи-Алян и Малышево обследованы участниками Нижне-Амурской археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова. Были калькированы наиболее значимые петроглифы, сделаны первоначальные наблюдения о стилях, периодизации и хронологии древних изображений (Окладников, 1951). С 1950-х гг. открывается новая эпоха в планомерном научном исследовании петроглифов Сикачи-Аляна, работы проводились под руководством А. П. Окладникова, позднее под руководством А. П. Деревянко (Деревянко, 1980; Деревянко, Медведев, 1994; 1995). Итогом этой огромной научно-исследовательской работы стала монография А. П. Окладникова «Петроглифы Нижнего Амура», опубликованная в 1971 г. Эта и последующая англоязычная публикация сделали уникальный памятник наскального искусства Приамурья достоянием мировой науки и культуры (Окладников, 1971; Okladnikov, 1981).

В 1959, 1968, 1970 гг. экспедиция под руководством А. П. Окладникова проводила изучение Шереметьевских скал. Эта работа позволила составить всестороннее представление о местонахождении наскального искусства: было прорисовано и описано большинство изображений, проведена археологическая разведка. В трудах А. П. Окладникова дана развернутая характеристика петроглифов, разработана их периодизация, хронология, семантика наскальных изображений, приведены этнографические параллели изобразительным мотивам и стилистическим решениям (Окладников, 1968; 1971; 1980).

Во второй половине XX в. наряду с полевыми работами А. П. Окладникова и А. П. Деревянко археологические изыскания проводились в этом регионе многими другими исследователями, в числе которых И. В. Жалковский, Ю. А. Полумисков, С. Г. Глинский, В. Е. Медведев и др. Собранные археологические материалы дополняют сведения о внутренней хронологии петроглифов, о возможной корреляции стилей этой весьма своеобразной провинции наскального искусства с другими археологическими материалами, в частности с орнаментированной керамикой, об иерархии культовых центров региона (Шевкомуд), 2004; Медведев, 2005; 2010; 2011б).

А. П. Окладников заложил основы научного подхода к интерпретации наскального искусства, поиску широких аналогий. Разработка вопросов семантического осмысления, начатая А. П. Окладниковым, была продолжена Е. А. Окладниковой, М. А. Дэвлет, З. С. Лапшиной и другими исследователями (Окладникова, 1979; Дэвлет, 1990; Дэвлет, Дэвлет, 2006; Лапшина, 2012; Табарев, 2012). В последние десятилетия изучение петроглифов региона было ориентировано преимущественно на документирование и поиск путей сохранения этой важной части культурного наследия (Ласкин, 2007; 2008; 2012; Devlet, 2008; 2012). Архитекторами М. И. Горновой, С. А. Дыминским и другими исследователями и энтузиастами в 2000–2012 гг. в рамках мероприятий

по сохранению петроглифов Сикачи-Аляна представлены ранее неизвестные объекты, собрана важная информация о потенциале выявления камней с изображениями, о сохранности петроглифов и доминирующих факторах разрушения (Ласкин, 2007; 2008; Ласкин и др., 2005; Ласкин, Дыминский, 2006). В 2009 г. в Сикачи-Аляне и Шереметьево была предпринята попытка трасологического исследования петроглифов, однако специфика пикетажа на базальтах требует дальнейших исследований. Перспективным оказалось и дистанционное исследование изображений по интернет-ресурсам (Слободзян, 2008). Важен архивный материал, который в дальнейшем позволит составить достоверное представление о динамике утрат (Пономарева, 2013). Периодическое обследование состояния сохранности изображений как на Сикачи-Аляне, так и у с. Шереметьево дало новые интересные результаты, а также позволило выявить ряд важных дополнений к корпусу петроглифов, которые мы попытаемся суммировать в данной статье.

Шереметьево. Местонахождение петроглифов включает три пункта с наскальными изображениями, расположенными на вертикальных скальных выходах по правому берегу Уссури, в 1,5–7,2 км ниже по течению от с. Шереметьево. Теперь в этот район попасть непросто, нужен специальный пропуск, поскольку левый берег Уссури относится к территории Китая, а правый принадлежит России. Затруднительно и планирование исследований на памятнике, поскольку уровень воды в реке во многом определяет возможности доступа. При высоком уровне воды в реке работать на памятнике можно только с лодки: вода подходит непосредственно к вертикальным скальным плоскостям с изображениями. Выявление новых изображений Шереметьево началось с середины 1990-х гг.

Характерная особенность состояния сохранности петроглифов по берегу Уссури – интенсивное развитие обрастателей на поверхности камня. Петроглифы, особенно расположенные на высоте трех и более метров, не подвержены воздействию реки во время паводков, поэтому они частично, а порой и полностью покрыты лишайниками. Удаление лишайника с некоторых перспективных участков позволяет выявить неизвестные рисунки или дополнить данные о зафиксированных ранее.

Помимо изображений на вертикальных скальных выходах по берегам р. Уссури, петроглифы на отдельно лежащих каменных глыбах, которые в значительном количестве заполняют береговую полосу, известны не были. Такая возможность представлялась вполне вероятной, ведь именно на валунах выбито большинство древних петроглифов у с. Сикачи-Алян на берегу Амура. Как и в Сикачи-Аляне, прибрежные камни на р. Уссури подвержены перемещению во время весеннего ледохода. Их осмотру помимо колебаний уровня воды препятствует то обстоятельство, что многие плоскости интенсивно покрыты лишайником. Затрудняют поиски и густые заросли тальника в прибрежной полосе. Все эти факторы не помешали, однако, обнаружить в 2012 г. предполагаемое недостающее звено в галерее наскального искусства у с. Шереметьево — петроглифы на отдельно лежащих базальтовых валунах.

Первый пункт. Проведенные полевые обследования последнего десятилетия продемонстрировали, что в расположенном ближе к селу первом пунк-

те петроглифов из описанных Окладниковым в 1958 г. на сегодняшний день сохранилось только одно изображение, схематично представляющее лошадь с дугообразным туловищем. В пункте третьем в результате обрушения части скального массива утрачено несколько небольших изображений, представленных в публикации А. П. Окладникова. В частности, поверх группы, которую исследователь воспроизвел по зарисовке Н. А. Альфтана, обозначив как рисунок 5, нанесены надписи масляной краской (Окладников, 1971. С. 53; Ласкин, 2008).

Второй пункт (рис. 4). Обнаруженные фигуры локализуются на двух противоположных вертикальных гранях небольшой ниши подквадратной формы, размерами около 1 × 1 м. Ниша обращена к реке, расположена на высоте 8,5 м у верхней границы центрального скального выхода. Ее образуют три вертикальные боковые грани и горизонтальное основание. Отмечен интенсивный рост лишайника. На северной вертикальной грани выявлено изображение личины шириной до 30 см и высотой до 45 см, выбитой глубоким и относительно широким желобком. Внешний контур в форме вертикального овала с горизонтальным срезом в нижней части обрамлен короткими линиями, образующими ореол, на лбу личины — два вписанных один в другой уголка. Обозначены узкие, раскосые глаза с округлыми зрачками. Короткий нос расширяется книзу, рот не просматривается. В нижней части двойной линией показаны два полукруга, примыкающие к нижнему срезу контура личины. В целом петроглиф напоминает изображение на фрагменте орнаментированной керамики, обнаруженной на поселении Кольчем 3 (Шевкомуд, 2004. Табл. 47, 1) (см. цв. вклейку, рис. IV, 1, 2).

Левее на вертикальном ребре скального блока глубоким узким желобком выбит внешний округлый контур небольшой личины. Внутреннее заполнение изображения прослеживается слабо. Однако при рассмотрении в профиль угадываются небольшие ямочки, обозначающие глаза, выступающий прямой нос, выраженный подбородок и углубление приоткрытого рта (рис. IV, I).

На южной стороне каменной ниши под лишайником просматривалась центральная часть личины, окруженной ореолом из лучей. Она и была обнаружена первой (Шевкомуд, 2004. Рис. на обложке). Полностью петроглиф документирован лишь после проведенной в 2009 г. расчистки водой и щетками, что позволило выявить изображение двойной личины (рис. IV, 4), состоящей из выбитых широким желобком ликов. Они расположены вплотную друг к другу, имеют почти идентичные размеры $(40 \times 30 \text{ см})$, но существенно различаются деталями. Слева помещена личина овальной формы. За исключением места соприкосновения с соседней личиной по внешнему контуру она сплошь окружена поперечными длинными линиями, образующими своеобразный ореол. В верхней части лица, на лбу, выбиты три недлинные наклонные полосы. Показаны крупные округлые глаза с углублениями-зрачками, проработан подтреугольный нос, узкий горизонтальный овал рта. По бокам – вертикальные волнообразные линии, напоминающие волосы. Справа к ней примыкает другая личина сердцевидной формы. В верхней части лица, на лбу, расположены одна под другой три дугообразные полосы, повторяющие верхнюю часть сердцевидного внешнего контура. Глаза большие округлые со зрачкамиямками. Длинный нос чуть скошен в левую сторону, рот подпрямоугольных

Рис. 4. Шереметьево. Общий вид пункта 2

очертаний. Три наклонные линии на лбу могут трактоваться как маркер изображения усопшего (Дэвлет, 1990). Сравнительно редко встречающиеся в искусстве петроглифов парные личины отражают единство и противопоставление образов, помещенных бок о бок. Подобная оппозиция известна (см. цв. вклейку, рис. IV, 3) в петроглифах Китая (Дэвлет, 1997).

В 1,3 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов в затапливаемой зоне выявлен относительно небольшой округлый камень с петроглифами, доступными для обзора только при низком уровне воды в Уссури. На одной из обращенных в противоположную от реки сторон выбито три изображения (см. цв. вклейку, рис. V, 1). Извилистым желобком показано тело змеи с отчетливо выделенной головой. Левее сплошным пикетажем обозначены силуэтные фигуры двух птиц. Одна из них, возможно хищная, с мощным туловищем и выделяющимся клювом, широким хвостом и лапами. Вторая птица может быть идентифицирована как цапля: проработано характерное овальное туловище, вытянутая шея и длинный острый клюв, лапы показаны укороченными, словно цапля стоит в воде во время охоты. Обе птицы обращены головами к змее. Подобные изображения птиц среди петроглифов Шереметьево ранее не были известны, а варианты орнитоморфных изображений во втором пункте представлены довольно крупной фигурой лебедя с крестообразным пересечением туловища, а во втором и третьем пунктах – одиночными и парными изображения уток (Окладников, 1971. С. 56, 57. Рис. 18, 19).

В 1,2 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов, в 8 м от края первой надпойменной террасы выявлен смещенный камень. Изображения в настоящее время развернуты на 180° (см. цв. вклейку, рис. V, 2). На южной вертикальной плоскости камня выбита нешироким глубоким желобком контурная личина округлой формы с насыщенным внутренним заполнением.

На лбу – вписанные друг в друга три уголка. По бокам, внутри контура личины симметрично расположены по две дугообразных полосы. Округлые глаза показаны небольшими углублениями-пятнами, под ними – широкий треугольный нос, ниже дугообразными полосами обозначен рот с сомкнутыми губами. Подобные личины со сложным внутренним заполнением представлены среди петроглифов Шереметьево и Сикачи-Аляна. На той же плоскости ниже личины изображен след животного из семейства кошачьих, вероятнее всего тигра. След показан в виде желобка в форме угла и четырех округлых ямок, изображающих подушечки на лапах хищника. Справа выше – еще два подобных отпечатка, но не столь отчетливо различимых (рис. 5, 3). На углу трех сходящихся граней слабо просматривается небольшая овальная личина (рис. 5, 1; рис. V, 2). Ее центральная часть утрачена в результате скола, сохранились лишь часть внешнего контура, округлые углубления глаз и два выделяющихся валика губ, обозначающих слегка приоткрытый рот. Размещение личины на схождении граней позволяло использовать природный рельеф камня. Такой прием - специфическая локальная черта наскального искусства рассматриваемого региона, подобные петроглифы отмечены как на Шереметьево, так и на Сикачи-Аляне, а также, по-видимому, на утраченном памятнике – в пещере Медвежьи Щеки (рис. 5, 6) (Окладников, 1971. С. 72–74). Изображения отпечатков звериного следа, тем более в сочетании с изображениями антропоморфных личин, зафиксированы в регионе впервые.

В 1,17 км к северо-востоку от второго пункта шереметьевских петроглифов и в 7 м от края первой надпойменной террасы, на западной наклонной грани относительно небольшого валуна широким желобком выбита крупная выразительная личина со сложной проработкой. Во все стороны от овального контура расходятся линии-лучи, образующие своеобразный ореол. Внутри на лбу расположены одна под другой две дугообразных полосы, а по бокам симметрично по одному вертикальному желобку в форме угла. Глаза большие, показаны в виде двух концентрических окружностей со зрачками-ямками по центру, под ними массивный овально-вытянутый нос, ниже небольшой рот, проработанный в виде овала (рис. 5, 2; см. цв. вклейку, рис. VI, *Ia*). В целом эта личина имеет значительное сходство с серией подобных изображений в наскальном искусстве бассейна Амура и Уссури (*Окладников*, 1971; *Медведев*, 2011б).

Примерно в 0,5 м от описываемого валуна в направлении реки обнаружен камень, природная форма которого была доработана древним мастером. Это фигуративное изображение лягушки размерами $64 \times 44 \times 44$ см. Нижняя сторонаоснова плоская. Туловище и голова разделены глубоким поперечным выбитым желобком. На слегка вытянутой мордочке отчетливо просматривается линия рта и маленькие глаза-ямки. В нижней части по бокам выделены передние и задние конечности (рис. VI, 16, 2).

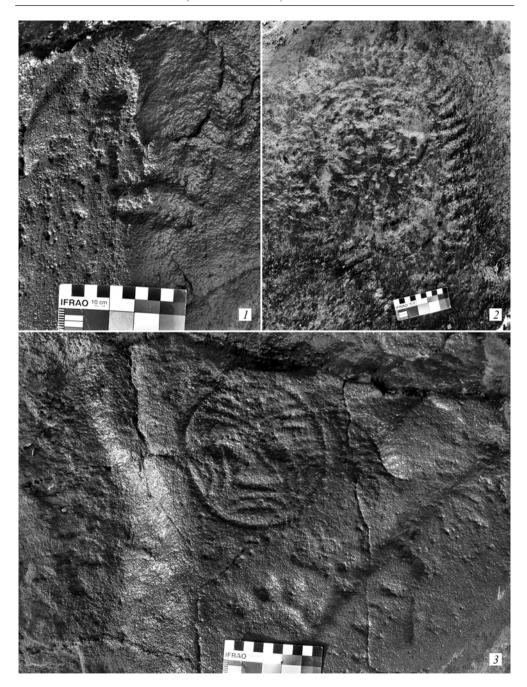

Рис. 5. Шереметьево. Петроглифы на валунах

I — рельефная личина на схождении граней; 2 — личина с ореолом из лучей; 3 — контурная личина и след тигра

Рис. 6. Рельефные личины

1, 3 – личины на стыке граней, Сикачи-Алян; 2 – Медвежьи Щеки (по: *Окладников*, 1971. Рис. 22)

В рассматриваемом регионе это первое фигуративное изображение лягушки, хотя в орнаментальной традиции нанайцев изображения лягушачьих лап имели важное значение и связывались с женским началом. Например, Е. Самар в записках о воззрениях нанайцев отмечает, что в «гэринском диалекте есть слово хэрэдекэ, переводится как "личина" женщины, то есть дочь водной стихии, лягушка...», а также указывает на наличие на свадебной одежде изображений в виде лягушачьих ног, которые, по ее мнению, сходны с изображениями на знаменитых фрагментах орнаментированной керамики с личинами из с. Вознесенское (Самар, 2003. С. 120–123). В китайской провинции Хэйлунцзян изображения лягушки представлены в декоре керамики культуры Байцзиньбао второй половины II – начала I тыс. до н. э. (Nelson, 1995. P. 229, 230). В Аньяне (рис. 7, 2) известны фигуративные изображения лягушек (*Chang*, 1986. Р. 329. Fig. 283). В эпоху раннего средневековья на территории Дальнего Востока лягушка/жаба считалась хранительницей кладов; бохайцы и чжурчжэни, придавая одному из близлежащих камней форму лягушки, отмечали место сокрытия клада. До сих пор у китайцев жаба/лягушка – символ богатства, материального, духовного благополучия и бессмертия. В Корее лягушка часто представлена в садово-парковых ансамблях (рис. 7, 3).

Лягушки в различных мифопоэтических системах имеют двойственную сущность. С одной стороны, они связаны с плодородием, возрождением, с другой – с хтоническим миром, мором, болезнью, смертью. В Индокитае и Бирме лягушку считали причиной затмения, из-за ее связи со злым духом, глотающим луну. В Китае лягушек называли «небесными цыплятами», полагая, что они падают вместе с водой с неба (Иванов, Топоров, 1988. С. 84, 85).

Третий пункт. В 5,9 км к северо-востоку от села и в 0,75 км к юго-западу от третьего пункта шереметьевских петроглифов, в 6 м от края первой надпойменной террасы, на наклонной плоскости отдельно лежащего камня выбита простая контурная личина округлой формы. Углублениями в виде лунок обозначены глаза и нос, ниже широкой дугообразной полосой показан рот (рис. 7, 1).

 $\it Cикачи-Aлян$ — крупнейшее дальневосточное скопление петроглифов, расположенное по правому берегу р. Амур к северо-востоку от г. Хабаровск. В публикациях А. П. Окладникова местонахождение известно как $\it Ca$ качи-Алян, но село в 1970-х переименовали, и в настоящее время памятник федерального значения изменил название. Петроглифы выполнены преимущественно на базальтовых валунах и частично на скалистом уступе береговой террасы, они концентрируются на береговой полосе от с. Малышево до верхнего конца с. Сикачи-Алян протяженностью 5—6 км в области прямого действия воды Амура (рис. 1, $\it I$; 2, $\it I$).

Известно более 110 массивных базальтовых глыб, на которые нанесено около 200 выбитых изображений и групп, локализующихся в шести пунктах. Столь основательные полевые исследования, как во времена работы экспедиции под руководством А. П. Окладникова, на объекте не проводились, но все же осмотр памятника в рамках мероприятий по сохранению петроглифов показал возможность новых открытий (*Ласкин*, *Дыминский*, 2006; *Ласкин*, 2007).

Петроглифы Сикачи-Аляна разнообразны по сюжетам и стилистике (рис. 1-3; 6, 1, 3; 8-10; см. цв. вклейку, рис. VII, 3, 4). Среди них представлены зооморфные и орнитоморфные изображения, лодки, чашечные углубле-

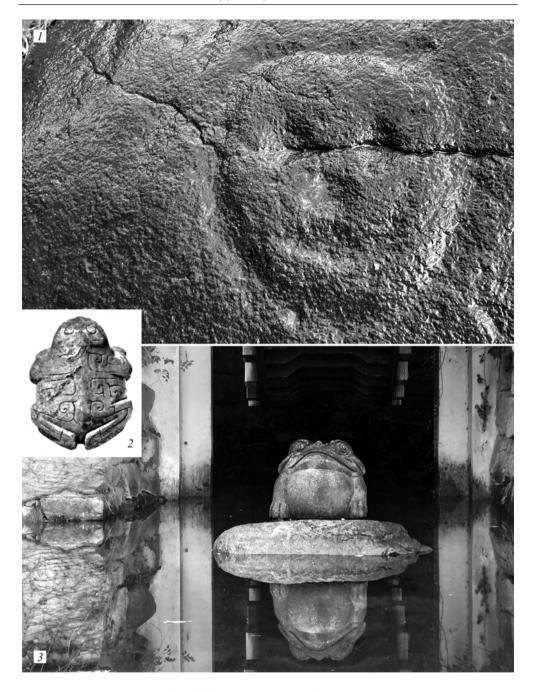

Рис. 7. Фигуративные изображения

I — простая контурная личина, Шереметьево; 2 — каменная лягушка, Аньян, Китай; 3 — каменная скульптура в парковом ансамбле, Кенчжу, Корея

Рис. 8. Сикачи-Алян. Личины (1, 2)

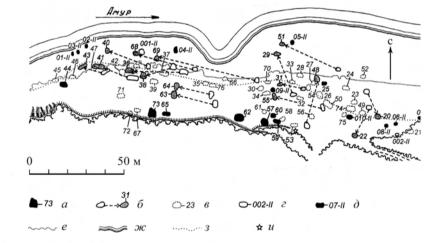

Рис. 9. Сикачи-Алян. Изменение местоположения камней с изображениями

2

I — вид на смещенные прибрежные валуны; 2 — сопоставление местоположения валунов с петроглифами, локализующихся в пункте II, по публикации А. П. Окладникова (1971. Рис. 11) и данным обследования 2003 г.

Условные обозначения: a — камни с петроглифами, не изменившие местоположения; δ — смещенные камни (стрелка указывает на положение в 2003 г.); ϵ — не зафиксированные при обследовании 2003 г. валуны с петроглифами; ϵ — валуны с петроглифами, отмеченные А. П. Окладниковым как утерянные; δ — ранее не описанные валуны с петроглифами; ϵ — уровень воды по схеме А. П. Окладникова; ϵ — уровень воды при обследовании 2003 г.; ϵ — средний многолетний уровень воды; ϵ — памятный знак

Рис. 10. Сикачи-Алян, пункт II. Антропоморфная рельефная личина

ния (лунки), концентрические круги и другие мотивы, но центральное место в сикачи-алянских петроглифах, безусловно, занимают стилизованные антропоморфные изображения – «личины» в разнообразных вариантах. Известны личины с абрисом и лишенные его, внутреннее заполнение многообразно, почти всегда показаны глаза, нос и рот. Многие проработаны с использованием сложных орнаментальных элементов, состоящих из углов, треугольников, дуг или их сочетания. Некоторые личины окружены ореолом из расходящихся лучей различной длины, расположенным в верхней части или по всему абрису. Крупные личины достигают 50-60 см и, как правило, выполнены поодиночке, в то время как личины небольших размеров (10–15 см) могут располагаться группами. Весьма необычны рельефные личины и парциальные изображения, выполненные на схождении двух или трех граней. Среди зооморфных и орнитоморфных образов – изображения лося, лошади, тигра, кабана, птицы, змеи и др. Особо выделяются два лося со сложным орнаментальным заполнением фигур. Обособленно лежащий подпрямоугольной формы камень с изображениями на нескольких гранях – самый крупный и эффектный объект в Сикачи-Аляне. Композиция на горизонтальной плоскости состоит из крупной, изощренно выполненной с применением завитков-спиралей и концентрических кругов фигуры лося и целящегося в него стрелка из лука, показанного весьма схематично. На схождении разных граней того же камня выбито парциальное антропоморфное изображение в рентгеновском стиле и простая личина. Камень для коренного населения до сих пор имеет важное значение и служит основным местом отправления культов (см. рис. 1, 2, 3).

Петроглифы Сикачи-Аляна включают несколько разновременных пластов, относящихся к периоду от раннего неолита (возможно и ранее) до раннего средневековья. Каждый пласт характеризуется своеобразием техники, стиля и репертуара образов, которые были обоснованы А. П. Окладниковым и соотнесены с археологическими культурами Нижнего Амура.

Особенность сикачи-алянского скопления состоит в том, что некоторые из валунов с петроглифами под воздействием Амура перемещаются, пик этого процесса приходится на время весеннего ледохода (рис. 2, 9). Из-за значительной глубины и скорости течения гигантские (толщиной до 1,5 м) плиты льда упираются в базальтовые глыбы и скальные выступы мыса Гася и, теснимые следующими, продвигаются вглубь берега на значительное расстояние. При этом многие камни переворачиваются, смещаются, еще А. П. Окладников в 1950-х гг. описал губительный для сохранности петроглифов процесс: «Там, где лежал когда-то хорошо знакомый камень с рисунками, его не окажется. Его замоет и занесет песком, или камень перевернет вниз рисунками ледоход, а то и совсем завалит другими глыбами» (Окладников, 1971. С. 3).

Сравнительный анализ современного положения камней с петроглифами и схем 1950-х гг., выполненных А. П. Окладниковым, показывает, что за последние 50 лет в I и II пунктах сикачи-алянских петроглифов более 25 камней с изображениями оказались перевернутыми или перемещенными на расстояние от 2 до 55 м (рис. 9, 2). Некоторые из отмеченных на схемах А. П. Окладникова камни с изображениями не обнаружены, но в то же время удалось выявить ряд новых объектов. Перемещению, в основном, подвержены камни, расположенные

в зоне затопления. Возможность обнаружить не документированные петроглифы представляется не так уж часто, в большинстве случаев необходимое благоприятное условие — низкий уровень воды в Амуре. При изменении положения камня, при выветривании песчаных отложений, которыми занесены некоторые из расположенных на берегу объектов, удается выявить, вернуть к жизни древние образы на скалах. Негативным фактором для сохранности петроглифов помимо смещения служит оседание на камнях ила, который после спада воды под воздействием солнца и ветра превращается в твердую корку.

В І пункте Сикачи-Аляна под воздействием ледохода за последние полвека порядка 10 камней перемещено на расстояние от 2 до 10 м в основном в направлении берега и вниз по течению реки. Во ІІ пункте направление смещения валунов зачастую противоположно движению воды, что связано с образованием обратного течения у мыса Гася. Расположенные в зоне затопления даже значительные валуны, а также локализующиеся в глубине прибрежной полосы некрупные камни могут быть перемещены на расстояние от 3 до 20 м, а в некоторых исключительных случаях до 55 м.

Неотвратимый природный процесс, связанный с сезонным колебанием уровня воды в Амуре и ледоходом, наносит существенный вред целостности памятника. В нем кроется и объяснение, почему многие докуменитрованные изображения теперь не выявляются. В то же время при отсутствии в поле зрения ранее документированных петроглифов рано говорить об их безнадежной утрате, возможно, что в последующие годы при новом перемещении их можно будет видеть вновь. Из этой специфической особенности памятника приходится исходить при определении стратегии дальнейшего использования петроглифов Сикачи-Аляна как объекта историко-культурного и природного наследия. Представляется целесообразным обратиться к идее изменения положения камней для их сохранения и показа.

Тщательно подходя к документированию петроглифов, А. П. Окладников представил описание и схематические зарисовки некоторых изображений со слов местных жителей, поскольку петроглифы были вне обзора. Один из подобных камней расположен в северо-западной части пункта II и бывает виден лишь при низком уровне воды. Выбита лишенная внешнего абриса личина, глаза выделены двумя контурами, широкий рот показан углублением. Выше — серия упорядоченных ямок-лунок (Ласкин, 2007. С. 139). Другой камень А. П. Окладников обозначил схематическим рисунком без порядкового номера, однако уже тогда отмечал как один из лучших в Сикачи-Аляне образцов скульптурных, рельефных личин (Окладников, 1971. С. 246. Табл. 114, 10).

Созданное с использованием фактуры камня рельефное изображение личины возможно видеть выступающим из песка в юго-восточной части пункта у намывной песчаной косы. Личина с расширенной верхней частью выполнена на трех плоскостях отдельно лежащего небольшого камня. Показаны глаза в виде двух концентрических окружностей, сложной формы нос с выделенной переносицей и широкими ноздрями, рот в виде симметрично расположенных ямок, соединенных желобком (рис. 6, 1). Эта личина в совокупности с другими, обнаруженными на местонахождениях бассейна Амура и Уссури, знаменует переход в искусстве петроглифов от плоскостного изображения к трехмерному, иллюст-

рирует значимые приемы придания изображению объемности, использования фактуры камня (рис. 5, I; 6). Подобный прием известен и в других провинциях наскального искусства, например, в Туве описаны примеры использования особенностей скальной поверхности для придания рельефности изображению (Дэвлет, 1998. С. 234, 235). Создатели петроглифов стремились задействовать особые свойства фактуры, имеющиеся в камне включения и трещины, чтобы придать образу выразительность и, возможно, использовать при проведении обрядов и ритуалов.

В северо-западной части пункта, ниже границы среднего многолетнего уровня воды выявлена уникальная крупная личина, выполненная рельефом на двух вертикальных гранях (рис. 10). Четкий овальный абрис полностью заполнен желобками, волнообразными внутри и расходящимися вовне наподобие лучей. Центр личины представляет собой сердцевидный контур с глубоко проработанными глазами и выступающим носом. На противоположной вертикальной плоскости имеется еще одно, пока неопределенное изображение с подтреугольным элементом и параллельными желобками. Камень зажат со всех сторон другими, так что рисунки документировать затруднительно.

К северо-востоку от предыдущего расположен камень с изображением на одной из плоскостей двух личин, выполненных в разном стиле и, скорее всего, в разные эпохи. Первая, более ранняя, овальной формы, нанесена глубоким широким желобом. Глаза показаны в виде двух концентрических кругов, небольшой рот — в виде полукруглого углубления. Часть личины утрачена в результате природного скола, но ее очертания и стиль исполнения вполне определимы. Вторая личина также овальной формы, но выполнена совершенно в ином стиле. Все внутреннее заполнение личины, от раскосых глаз до рта, состоит из тонких горизонтальных желобков, лишь одна вертикальная линия, начинающаяся от основания лба, обозначает нос. От края внешнего контура изображения в разные стороны расходятся лучи, образующие своеобразный ореол.

Между предыдущими двумя камнями выявлен еще один, сильно затертый. На наклонной плоскости слабо просматривается личина без внешнего контура, проработаны глаза в виде двух концентрических кругов.

В северной части пункта, в зоне почти постоянного затопления на вертикальной плоскости камня четко просматривается контур, обозначающий голову и туловище животного, по очертаниям напоминающего лошадь. Нижняя часть рисунка утрачена в результате скола.

В северной части пункта, ниже границы среднего многолетнего уровня воды, напротив охранного знака обнаружена крупная подпрямоугольная плита, на вертикальной плоскости которой выбита фигура лося. Хорошо просматривается голова животного с небольшими рогами, мощное туловище. Обозначены глаз, линия рта. Контур туловища полностью завершен, ноги не проработаны, по-видимому, изображен плывущий лось.

В самом начале пункта, у намывной песчаной косы выявлен наполовину углубленный в песок камень. На обращенной к Амуру вертикальной плоскости, в верхней ее части, выбита череповидная личина с широким лбом, зауженная книзу. Глаза показаны в виде концентрических кругов, выпуклый нос треугольной формы, под ним широко раскрытый рот. В верхней части горизонтальной

плоскости просматриваются две концентрические окружности, которые обозначают глаза личины, форму которой трудно определить.

Камень сложной пирамидальной формы в юго-восточной части пункта в верхнем углу одной из плоскостей имеет скопление чашечных углублений-лунок, напоминающих отпечаток следа животного. На другой грани фиксируются параллельные борозды, оканчивающиеся окружностью. Детали трудноразличимы из-за множества природных сколов.

Рядом в юго-восточной части пункта большая глыба базальта прямоугольной формы одним ребром углублена в песок. Верхняя часть камня откололась и смещена, под этим сколом на наклонном вертикальном ребре выявлена парциальная личина. Глаза большие в виде двух концентрических кругов, узкая линия переносицы заканчивается широкими крыльями ноздрей. Небольшой рот показан в виде овала. Рядом с личиной слабо прослеживаются продольные желобки выбивки (изображение идентифицировать не удалось).

В юго-восточной части пункта, выше полосы среднего многолетнего уровня воды обнаружен почти полностью углубленный в песок камень, выступающий над дневной поверхностью на 40–50 см. Выявлена парциальная личина, обозначены большие глаза овальной формы, две ноздри и изогнутая линия рта (рис. 8, 2).

Глыба базальта с округлыми краями расположена в центральной части пункта выше среднего многолетнего уровня воды. На вертикальной плоскости сохранилась часть крупной парциальной личины, поврежденной сколом, точнее глаз, выполненный в виде двух концентрических окружностей.

Выявленные в результате последних исследований изображения Сикачи-Аляна в целом соответствуют выделенным А. П. Окладниковым ключевым стилям и варьируют преимущественно в пределах описанных исследователем характерных мотивов. В целом находки на Нижнем Амуре и по р. Уссури пополнили корпус петроглифов этой своеобразной провинции наскального искусства редкими вариантами зооморфных и антропоморфных образов, самобытными рельефными личинами, выполненными на гранях валунов или скальных выходов. Уникально изображение личины с волнообразным внутренним заполнением. Обращает на себя внимание многообразие вариантов использования фактуры камня для выполнения петроглифов, создания круглой скульптуры, рельефов.

Изучение нижнеамурских петроглифов таит в себе еще значительный потенциал новых открытий, расширяет представления о плодотворном развитии на этой территории, начиная с эпохи камня, мощного и самобытного очага древнего наскального искусства. Петроглифы Сикачи-Аляна — особо ценный объект культурного наследия, единственный российский памятник наскального искусства под открытым небом, который включен в предварительный список культурного наследия ЮНЕСКО².

³ Вызывает тревогу, что из многочисленных памятников наскального искусства РФ ни один не включен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, а в предварительном списке значатся только петроглифы Сикачи-Аляна и номинация с наименованием «Башкирский Урал», в которую входит Капова пещера (Шульган-Таш).

Е. Г. Дэвлет, А. Р. Ласкин

Широкий временной диапазон существования петроглифов Сикачи-Аляна от эпохи камня до средневековья, обширные этнокультурные параллели с традиционной культурой современных народов, населяющих регион, диахронные трансокеанские параллели, исключительная выразительность художественной традиции, уникальные черты природного контекста делают петроглифы Сикачи-Аляна неповторимым историко-культурным и природным ландшафтом, имеющим мировую значимость. Это предъявляет особые требования к охране, организации туристического посещения и музеефикации памятника, необходимо найти правильный подход к эффективному практическому использованию объекта культурного наследия с учетом местной специфики (Дэвлет, 1999; 2002; Медведев, 2011а).

ЛИТЕРАТУРА

- Альфтан Н. А., 1895. Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Труды Приамурского отдела РГО. Т. II.
- *Арсеньев В. К.*, 1947. Сочинения. Т. III: В горах Сихотэ-Алиня. Владивосток: Примиздат. 283 с. *Будогоский К. Ф.*, 1860. Юго-восточная часть русской Маньчжурии // Амур. № 1–2.
- *Буссе Ф. Ф., Кропоткин Л. А.*, 1908. Остатки древностей в Амурском крае // Записки общества изучения Амурского края. Т. XII. Владивосток. С. 1–66.
- Ветлицын П. И., 1895. Заметка о древних гольдских памятниках близ селения Малышевского // Приамурские ведомости. № 56. С. 17–18.
- Деревянко А. П., 1980. В поисках оленя Золотые рога. М.: Советская Россия. 413 с.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е., 1994. Исследование поселения Гася: (предварительные результаты, 1986–1987 гг.). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН. 95 с.
- Деревянко А. П., Медведев В. Е., 1995. Исследование поселения Гася: предварительные результаты, 1989–1990 гг.). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН. 64 с.
- Дэвлет Е. Г., 1997. Две личины из Внутренней Монголии и лунно-солнечный календарь // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. С. 25–28.
- Дэвлет Е. Γ ., 1999. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений // Российская археология. № 2. С. 77–85.
- *Дэвлет Е.* Γ ., 2002. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир. 256 с.
- Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А., 2011. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. URL: http://archaeolog.ru/media/books_2011/Devlet.pdf. Дата обращения: 19.06.2013. Доступ свободный.
- Дэвлет М. А., 1990. О сакрально-магических знаках на петроглифах и оленных камнях // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР / Отв. ред. М. А. Дэвлет. М.: ИА РАН. С. 237–238.
- Дэвлет М., 1998. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли. 288 с.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Γ ., 2005. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетейя. 472 с.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г., 2006. Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред. Д. Г. Савинов и др. Вып. 2: Культура и ее окружение. СПб.: Петро-РИФ. С. 325–229.
- *Иванов В. В., Топоров В. Н.*, 1988. Лягушка: Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. Энциклопедия. С. 84–85.
- *Лапишна 3. С.*, 2012. Архаическая модель мира в наскальных рисунках Амура и Уссури. Хабаровск: ХГИИК. 212 с.

- Ларичев В. Е., 1966. Потерянные дневники Палладия Кафарова // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. № 1. 1966. С. 121–124.
- Ласкин А. Р., 2007. Перспективы дальнейшего изучения и сохранения петроглифов Сикачи-Аляна // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2. С. 136–142.
- *Ласкин А. Р.*, 2008. Исследования петроглифов Нижнего Амура // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (20–25 октября 2008) / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 3. М. С. 53–55.
- *Ласкин А. Р.*, 2012. Исследования Шереметьевских петроглифов в Хабаровском крае // Дальневосточно-сибирские древности: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В. Е. Медведева. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН. С. 51–54.
- Ласкин А. Р., Дыминский С. А., 2006. Новые петроглифы Сикачи-Аляна // Пятые Гродековские чтения: материалы Межрегион. научно-практической конф. «Амур дорога тысячелетий». Ч. 1. Хабаровск: ХККМ. С. 165–169.
- Ласкин А. Р., Дэвлет Е. Г., Бабаев А. Л., Судаков А. И., 2005. «Петроглифы Сикачи-Аляна» уникальный памятник древнего наскального искусства на Нижнем Амуре: (проблемы сохранения и использования // Мир наскального искусства: Сб. докл. Междунар. конф. / Отв. ред. Е. Г. Дэвлет. М.: Ин-т археологии РАН. С. 154–162.
- *Маак Р. К.*, 1861. Путешествие по долине реки Уссури. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°. 203 с.
- Медведев В. Е., 2005. Неолитические культовые центры в долине Амура // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (24). С. 40–69.
- Медведев В. Е., 2010. Неолит Амурского бассейна // III Северный археологический конгресс (8–13 ноября 2010, Ханты-Мансийск): Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд. дом «ИздатНаукаСервис». С. 54–91.
- Медведев В. Е., 2011а. Из истории организационно-охранных мероприятий на петроглифах Сакачи-Аляна // Наскальное искусство в современном обществе: (к 290-летию научного открытия Томской писаницы): Мат-лы Междунар. науч. конф. Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 179–183. (Труды САИПИ; вып. VIII).
- Медведев В. Е., 2011б. К разгадке происхождения амурской маски // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2011 г. Т. XVII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. С. 78–81.
- Окладников А. П., 1951. Раскопки на Севере // По следам древних культур: Сб. ст. / Авт. введ. и ред. Г. Б. Федоров. М.: Госкультпросветиздат. С. 36–38.
- Окладников А. П., 1968. Лики древнего Амура: Петроглифы Сакачи-Аляна. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 240 с.
- Окладников А. П., 1971. Петроглифы Нижнего Амура. Л.: Наука. 329 с.
- Окладников А. П., 1980. Северная Азия на заре истории. Новосибирск: Наука. 164 с.
- Окладникова Е. А., 1979. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука. 168 с.
- Пономарева И. А., 2013. Неопубликованные изображения и разночтения в копиях петроглифов Нижнего Амура: по материалам Ф. № 1099 Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук // Новые материалы и методы археологического исследования: Мат-лы II Междунар. конф. молодых ученых (Москва, 19–21 марта 2013 г.). М.
- Самар Е., 2003. Под сенью родового древа: Записки об этнокультуре и воззрениях гэринских нанайцев рода Самандё-Моха-Монгтол (рода Самар): Легенды, предания, священные места, священные объекты, сэвэны и амулеты гэринского этноса нанайцев. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во. 210 с.
- Слободзян М. Б., 2008. Об одной группе изображений животных Сакачи-Аляна // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале (20–25 октября 2008) / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. 3. М.: Наука. С. 75–76.
- Табарев А. В., 2012. Змеи, маски и танцующие шаманы: на перекрестках неолитических миров древней Пасифики // Дальневосточно-сибирские древности: Сб. науч. трудов, посвящ. 70-летию

Е. Г. Дэвлет, А. Р. Ласкин

- со дня рожд. В. Е. Медведева. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН. С. 96–103.
- *Шевкомуд И. Я.*, 2004. Поздний неолит Нижнего Амура. Владивосток; ДВО РАН. 156 с.
- *Штернберг Л. Я.*, 1933. Гольды // Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск. С. 454-458.
- Chang, Kwang-chih, 1986. The archaeology of Ancient China. New Haven: Yale Univ. Press. 450 p.
 Devlet E., 2008. Rock art studies in Northern Russia and the Far East, 2000–2004 // Rock Art Studies.
 News of the World. Vol. 3. UK: Oxbow. P. 120–137.
- Devlet E., 2012. Rock art studies in Northern Russia and the Far East // Rock art studies. News of the World. Vol. 4. UK: Oxbow. P. 124–148.
- *Laufer B.*, 1899. Petroglyphs on the Amur // American anthropologist. № 5. P. 749–750.
- Nelson S. M., 1995. The Archaeology of Northeast China. London; New York: Routledge. 263 p.
- Okladnikov A., 1981. Ancient Art of the Amur Region. Leningrad: Aurora Art Publishers. 160 p.

Е А Миклашевич

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ГРОТЕ ПРОСКУРЯКОВА (ХАКАСИЯ)*

E. A. Miklashevich. Rock images in Proskuryakov Grotto, Khakassia

Abstract. The paper presents materials from Proskuryakov Grotto – the rock art site in Khakassia situated on the Belyi Iyus River (Fig. 1). Images in the grotto are unique for the region where numerous rock art sites are known in the open air and dozens of caves and grottoes without any images. Excavations in Proskuryakov Grotto were carried out in the 1970-s and yielded abundant paleontological materials of the Pleistocene epoch (46–40 thousand years ago). Anthropomorphic images painted with red pigment on the grotto walls date from the Early Bronze Age (ca. 4500 BP) and are similar to the images of deities well known in the Okunevo culture and correspond to its early phase. The images are preserved in fragments and do not provide any new stylistic or iconographic data, yet the site is important as the evidence of ritual practice of Okunevo population. The article presents a detailed description of all images revealed in the grotto and colour photos (illustrations VIII and IX). In addition to the Early Bronze Age paintings located in the central part of the grotto scratched petroglyphs have been revealed in its small side part (Fig. 3; illustration IX, 4, 5). The latter should be considered as ethnographic evidences and elements of traditional Khakassian culture.

Ключевые слова: Грот Проскурякова, Хакасия, наскальные изображения, окуневская культура, эпоха бронзы, документирование.

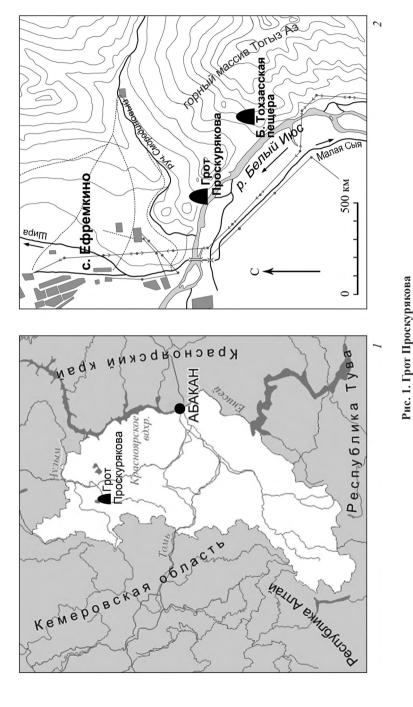
В Ширинском районе Республики Хакасия в горах Кузнецкого Алатау располагается Ефремкинский карстовый участок, на территории которого насчитывается около 40 пещер и гротов. В некоторых из них обнаружены ценные палеонтологические находки, а также следы пребывания древнего человека. На этом же участке находится известная верхнепалеолитическая стоянка Малая Сыя. Один из гротов Ефремкинского участка — так называемый Грот Проскурякова. Он располагается на правом берегу р. Белый Июс в скальном массиве Тогуз-Аз (другие написания — Тогыз-Ас, Тогыс-Асс, Тогзас, Тохзас) в 1 км к югоюго-востоку от с. Ефремкино. Первые исследования пещер на Белом и Черном Июсах провел в 1988 и 1889 гг. П. С. Проскуряков, археолог и краевед,

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-12033в.

учитель красноярской гимназии, первый консерватор (директор) Красноярского городского музея. Он осмотрел 17 пещер; в одной из них (известной сейчас как Большая Тохзасская) провел раскопки, давшие находки керамики, обработанной кости и палеонтологический материал, а также обнаружил выполненную краской руническую надпись на стене пещеры (*Проскуряков*, 1889; 1890). В честь этого исследователя и был назван позднее грот, о котором идет речь, расположенный в 0,6 км ниже (по течению Белого Июса) Большой Тохзасской пещеры (рис. 1).

В 1971 г. спелеологи из Новокузнецка и Кемерово С. А. Рыбаков и Р. Я. Цеттель, осматривая грот, нашли на его полу две каменные пластины, а в результате небольших раскопок вдоль задней стенки грота – кости крупных ископаемых животных. Эти находки вызвали большой интерес: в 1973 г. по поручению Института истории, филологии и философии СО АН СССР исследование грота продолжили Н. Д. Оводов, В. Е. Дмитриев и В. В. Дмитриева. Были обнаружены еще три каменные пластины и значительная коллекция костных останков животных (Окладников и др., 1975). Видовой состав млекопитающих указывает на его принадлежность «к так называемому палеолитическому или мамонтовому териокомплексу в его среднесибирском варианте, с характернейшими представителями: мамонтом, шерстистым носорогом, бизоном, дикой лошадью, песцом, пещерной гиеной и др.» (Там же. С. 113). Полученные позднее по костям бизонов и шерстистого носорога радиоуглеродные даты находятся в интервале от 40 до 46 тыс. л. н. (Васильев, Оводов, 2009. С. 78). Археологический материал, представленный пятью каменными пластинами (Окладников и др., 1975. Рис. 2), найденными в гроте прямо на поверхности пещерных отложений, «настолько выразителен и характерен по облику, что не оставляет сомнения в глубокой древности и в своей принадлежности к определенному культурному комплексу, хорошо известному ... из пещерных палеолитических поселений, а также ряда стоянок под открытым небом на юге Сибири»; эти пластины «имеют леваллуазский характер» (Там же. С. 114, 116).

Таким образом, древнейший период в истории этого памятника и палеонтологический аспект довольно хорошо освещены в научной литературе. А вот более поздние свидетельства посещения его человеком – наскальные изображения на стенах грота – как ни странно, пока не были предметом специальной публикации. По устным сообщениям, изображения, видимо, впервые заметил принимавший участие в раскопках начала 1970-х гг. В. Е. Дмитриев, хотя в статье А. П. Окладникова, Н. Д. Оводова, С. А. Рыбакова никаких упоминаний об этом факте нет. В дальнейшем рисунки в гроте осматривали и копировали многие исследователи. Наиболее хорошо различимая группа из трех изображений, выполненных красной краской, несколько раз публиковалась в археологической литературе при анализе различных аспектов искусства эпохи ранней бронзы (Кызласов, 1992. Рис. 3; Есин, 2010. С. 71. Рис. 14, 3; Заика, 2013. С. 37, 38, 42. Рис. 1, 6; 5). Фотографии этой же композиции довольно часто фигурируют в научно-популярной литературе, в последнее время во множестве представлены в Интернете, поскольку Грот Проскурякова, входящий в состав Ширинского археологического парка, - один из популярных объектов туристского посещения на территории Республики Хакасия. Однако кроме этой группы

1 – местоположение памятника на территории Республики Хакасия; 2 – ситуационный план

в гроте есть и другие рисунки. На противоположной стене имеется довольно отчетливый контур личины в треугольном головном уборе, и еще в нескольких местах просматриваются неясные остатки других изображений. Кроме того, при обследовании памятника в 2009 г. нами была обнаружена в гроте еще одна полость, на своде которой прочерчены схематичные рисунки, по всей вероятности, относящиеся к этнографической современности. Цель данной публикации — ввести в научный оборот наскальные изображения, выявленные на стенах грота.

Грот Проскурякова (координаты: 54°27.108′ с. ш., 89°27.176′ в. д., высота над уровнем моря 460 м) представляет собой карстовую полость в береговом утесе. сложенном известняковыми породами. Полость открывается на юг, ее размеры – около 14 м в глубину, около 6 м в высоту, примерно столько же от стены до стены в наиболее широкой части. В северо-восточной части – узкий, с низким сводом длинный сырой ход, возможно, выходящий на поверхность, так как по нему ощущается тяга воздуха. В нижней части северной стенки обнаружен узкий низкий лаз, ведущий к двум другим полостям небольшого размера, в которых с трудом могут поместиться два человека. В одной из них были обнаружены прочерченные рисунки, в другой – пятна копоти. Пол в основной полости имеет сильный уклон вниз в сторону входа. У стен и у входа лежат крупные скальные обломки. Каким был уровень пола до начала раскопок, сейчас установить трудно; упоминается, что снятый слой составил около 40 см (Окладников и др., 1975. С. 112). В дневное время при солнечной погоде грот полуосвещен благодаря небольшим размерам и высокому своду, но изображения на стенах основной полости без специальной подсветки различимы плохо, а во второй полости неразличимы совсем.

Зафиксированные в основной полости изображения выполнены красной краской разной степени интенсивности. Контуры практически везде размытые, прослеживаются с трудом, изображения сильно повреждены в результате отслоения и утраты как мелких фрагментов поверхностной скальной корки, так и больших фрагментов камня. Рисунки группируются на нескольких участках с более-менее ровными и доступными поверхностями на левой (западной) и правой (восточной) стенках. Рельеф северной стенки и высокий свод южной делают их неудобными для нанесения изображений. Нижние части стен привходового участка и основной полости, а также лежащие каменные блоки покрыты мхом, плесенью и пылью, в некоторых местах на них процарапаны посетительские граффити, поэтому трудно сказать, есть ли на этих поверхностях какие-то древние рисунки. Ниже следуют описания изображений основной полости.

 Π лоскость I — наиболее известная композиция грота, состоящая из трех довольно хорошо различимых антропоморфных фигур (рис. 2, I; см. цв. вклейку, рис. VIII). Она расположена на левой (от входа) стенке, в 2 м над полом, на поверхности с отрицательным уклоном, ориентированной в целом на северовосток, хотя состоит из двух граней: фигура 1 (левое изображение) нарисована на отдельной грани, располагающейся под небольшим углом к плоскости, где нарисованы фигуры 2 (центральная) и 3 (правая). Последняя сильно повреждена в правой части в результате утраты большого фрагмента камня. У первой

фигуры утрачены левая и нижняя части. Рисунки выполнены темно-красной краской, местами сохранившей четкий контур линий, но в основном размытой и растекшейся по мелким трещинкам скальной породы, что затрудняет выявление оригинальных контуров изображений. К тому же они были кем-то варварски обведены карандашом, видимо, для облегчения копирования. Скорее всего, с целью лучшей визуализации для фотографирования фигуры часто подвергаются и смачиванию, что тоже не способствует сохранности уникальных изображений (см. Дэвлет, 1999; 2002).

Эти рисунки обычно трактуются как «личины». В характерной для множества аналогичных изображений манере показаны абрисы «лиц» подтреугольной формы, двумя кружками – глаза, горизонтальным овалом – рот. Очень слабо определяются линии раскраски внутри контуров, но их конфигурацию выявить невозможно. У фигуры 2 между глазами под верхней линией контура отчетливо прорисован треугольник вершиной вниз, что придает всему изображению лица сердцевидную форму (подробнее об этом см. Заика, 2013). Отходящая от линии головы вертикальная черта прослеживается и у фигуры 1, но она идет ниже и надо ртом раздваивается. У всех личин по бокам головы нарисованы свисающие вниз «косички» (?). У фигур 1 и 2 изображены не только лица, но также верхние части «туловищ» и согнутые в локтях «руки». Ниже рельеф скальной поверхности сильно изгибается; возможно, поэтому линии рисунков не были продолжены, но не исключено, что из-за рельефа они и стерлись. Надо отметить, что на расположенной ниже грани под фигурой 2 определенно прослеживаются следы красной краски. Неясно, относятся ли они к этой фигуре, либо это было отдельное изображение. В любом случае, более корректно определять рисунки плоскости 1 не как личины, а как антропоморфные изображения.

Плоскость 2 располагается на выступе скалы, нависающем над плоскостью 1. Он выступает вперед по отношению к зрителю. Это довольно ровная поверхность, вытянутая по диагонали вправо-вверх от плоскости 1, ориентированная в целом на северо-восток, с отрицательным уклоном. Нижний край этого выступа неровный, вероятно из-за множественных утрат фрагментов камня. Прослеживаются неясные остатки изображений на четырех участках выступа: они расположены вдоль его края один за другим, каждый примерно 12–15 см длиной, с промежутками по 15–20 см между ними (см. цв. вклейку, рис. ІХ, 1). Можно предположить, что нижние части изображений утрачены вместе с камнем. Оставшиеся фрагменты не имеют четких контуров, краска размыта. Определить, что же было изображено, уже невозможно. По оттенку и текстуре краска не отличается от изображений плоскости 1. По всей площади также прослеживаются слабые следы наклонных линий и пятен черного цвета, вероятно сделанных обугленной палкой современными посетителями (угадываются буквы). Отметим, что даже эти линии плохо сохранились.

Плоскость 3 располагается слева от плоскости 1, отделена от нее трещиной и перепадом рельефа. Стенка в этом месте почти вертикальная, с небольшим отрицательным уклоном, ориентирована на северо-восток. Выполненное краской изображение (рис. 2, 2; рис. IX, 2) сохранилось фрагментарно в результате отслоения и утраты местами скальной корки. Части изображения позволяют

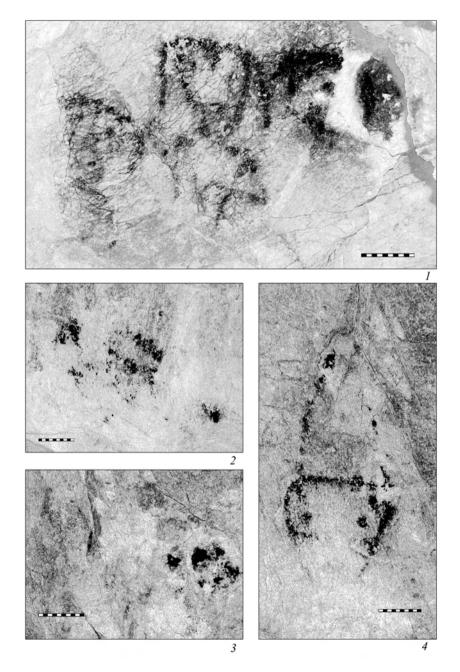

Рис. 2. Грот Проскурякова. Выполненные краской изображения эпохи ранней бронзы. Пигментные карты

I – плоскость 1; 2 – плоскость 3; 3 – плоскость 4; 4 – плоскость 5

предполагать, что здесь была нарисована крупная личина, от которой остались лишь линия контура верхней части головы и правый глаз. Прослеживаются небольшие фрагменты других характерных линий. Следы краски обведены карандашом. Правее и немного ниже личины — еще одно небольшое, но ярко выраженное пятно краски.

Плоскость 3 расположена по правую сторону свода входа в грот (если стоять лицом к выходу). По левую его сторону располагается плоскость 4, относящаяся уже к юго-восточной стенке. Расстояние между плоскостями 3 и 4 – около 2.5 м.

Плоскость 4 представляет собой небольшой неровный скальный выступ, расположенный высоко (около 3 м) от современного уровня пола, на котором прослеживаются остатки неидентифицируемого изображения, нанесенного красной краской (рис. 2, 3; см. цв. вклейку, рис. IX, 3). Краска не расплывшаяся, яркая, но конфигурацию линий определить невозможно из-за их фрагментарности вследствие утрат скальной корки и выраженной рельефности поверхности.

Плоскость 5 располагается слева от предыдущей, отделена от нее трещинами, неровностями и перепадами рельефа (рис. ІХ, 3). Это довольно большой участок ровной поверхности, почти вертикальный, с небольшим отрицательным уклоном, также находящийся высоко от современного уровня пола (около 2,5–3 м), хотя подобраться к нему можно. Прослеживается изображение верхней части личины с глазами и наклонными черточками над ними, показан высокий треугольный головной убор (рис. 2, 4). Краска имеет тот же оттенок, что на других изображениях в гроте, линии слегка размыты и во многих местах фрагментированы, но все же читаются довольно уверенно. Нижняя часть изображения утрачена вместе с поверхностным слоем скальной корки, но на обнажившейся светлой поверхности слабо прослеживается линия контура головы и, возможно, рот. Сохранились фрагменты поперечной линии, которая, по-видимому, была прорисована надо ртом. Это изображение также подведено карандашом и вдобавок мелом. Кроме того, по всей плоскости прослеживаются следы надписей и линий, выполненных углем (?), а также процарапанные граффити. Черноватые линии проходят и по самой личине. Не исключено, что черным пигментом (углем?) могли быть выполнены и древние рисунки, но пока выявить внятные фигуративные очертания среди надписей не удалось.

Кроме описанных изображений, еще на нескольких участках основной полости грота можно рассмотреть едва заметные бледно-красные следы краски. По-видимому, некогда грот был декорирован гораздо большим количеством рисунков, из которых сохранились лишь их остатки. Особенности скального субстрата, сезонные перепады температуры, периодическое увлажнение и другие причины природного характера способствовали утрате росписей. Внес свою лепту в это и человек. На протяжении многих тысячелетий расположенный на берегу реки грот с удобным подходом явно не испытывал недостатка в посетителях: на его стенах имеются многочисленные сколы, прочерченные линии, надписи, следы копоти и т. д.

Вполне возможно, что грот посещался не только как убежище, но и с некими ритуальными целями, причем как в эпоху ранней бронзы, к которой

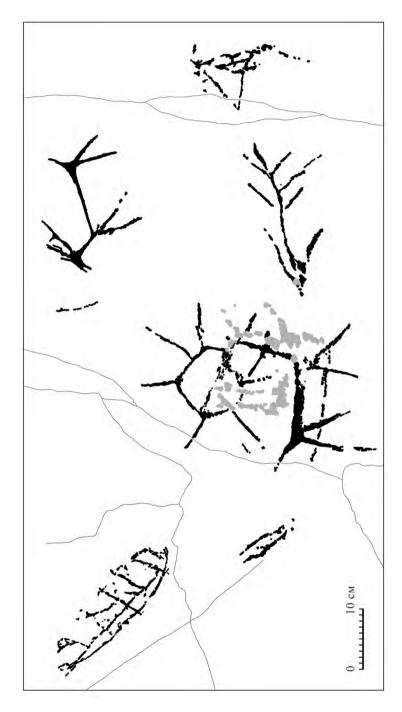

Рис. 3. Грот Проскурякова. Прочерченные изображения этнографического времени (?). Прорисовка

относятся описанные выше изображения, так и в сравнительно недавнее время. В нижней части северной стенки имеется узкий проход (лаз), который, как оказалось, примерно через 3 м приводит в другую полость, небольшую, с неровным сводчатым потолком в форме купола, на котором обнаружены схематические рисунки (рис. 3; см. цв. вклейку, рис. ІХ, 4, 5), выполненные в технике прочерчивания (проскабливания). Скальная поверхность здесь имеет сложный рельеф, с трещинами, ямками и выступами, как бы пузырчатую фактуру и коричневатый оттенок, более темный, чем желтоватая патина скальной корки в основной полости. На внутренней поверхности этого купола и прочерчены изображения, которые, судя по их стилю, можно предположительно отнести к так называемым этнографическим. О том что это не современные посетительские рисунки, говорит степень патинизации – они темнее свежих следов беспорядочной выбивки, перекрывающей два изображения (рис. IX, 4). Изображены две фигуры животных (олени?), одна ориентирована вправо, другая влево; солнце; предположительно лодка с гребцами; неопределенные изображения и линии. На прорисовке (рис. 3) представлена развертка этой композиции, занимающей свод узкой и низкой полости; изображения на развертке располагаются как бы вдоль дуги; на самом же деле находящийся в полости зритель видит каждый рисунок ориентированным горизонтально. Далее лаз приводит к еще одной небольшой полости-своду, в которой зафиксированы лишь современные надписи, сделанные копотью.

Документирование изображений Грота Проскурякова представляло непростую задачу. Одна из трудностей - отсутствие солнечного освещения и, следовательно, необходимость искусственной подсветки. Выявление изображений на стенах грота осуществлялось с помощью электрогенератора и электрического освещения. Фотосъемка проводилась в разных режимах: при электрическом свете; с фотовспышкой; в естественном состоянии при значении ISO 6 000 и длинной выдержке. Снимались как отдельные плоскости и детали изображений, так и все стены фрагментами по методу круговой панорамы. В последующем снятые в разных режимах фотографии обрабатывались в программе Photoshop с целью наилучшего выявления следов пигмента. Смонтированные из отдельных кадров фотопанорамы позволяли детально анализировать скальную поверхность при сильном увеличении на мониторе компьютера и выявлять остатки изображений, незамеченные при непосредственном осмотре. Панорамные снимки, кроме того, дают возможность представить себе пространственное расположение изображений. Мы не делали ни прорисовку изображений традиционным методом контактного копирования, ни графическое их воспроизведение по фотографиям, поскольку адекватно отобразить контуры размытых нечетких фрагментированных росписей таким образом невозможно.

Более объективным способом представления и лучшего выявления подобных рисунков представляется «пигментная карта», как предложил называть результат компьютерной обработки выполненных красным пигментом изображений А. К. Солодейников, разработавший метод цифровой фильтрации при документировании рисунков Каповой пещеры (*Solodeinikov*, 2005). Алгоритм обработки фотографий росписей по этому методу, а также особенности, преимущества и возможности пигментных карт подробно рассмотрены в специальной

работе (*Миклашевич*, *Солодейников*, 2013). Результаты применения метода цифровой фильтрации при документировании росписей из Грота Проскурякова представлены здесь в виде пигментных карт (рис. 2) наряду с исходными цветными фотографиями (см. цв. вклейку, рис. VIII, IX).

Прочерченные изображения во второй полости еще более трудны для документирования, поскольку фотографировать их можно только с искусственным освещением, но слишком тесный свод ограничивает возможности как вспышки, так и электрической лампы. Рельеф купола делает невозможной съемку общего вида полости и композиции, поэтому пришлось фотографировать их небольшими фрагментами для последующего фотомонтажа. Разумеется, при склейке панорамы, снятой со столь выраженно рельефной поверхности, не удалось избежать искажений. В результате по фотомонтажу выполнена прорисовка в виде развертки с некоторой коррекцией получившихся искажений. В отличие от выполненных краской рисунков основной полости, прочерченные изображения во второй имеют четкие контуры, поэтому и представлены в виде черно-белой прорисовки (рис. 3).

К сожалению, росписи в Гроте Проскурякова сохранились не лучшим образом: до наших дней дошли лишь фрагменты изображений и остатки некогда сложных композиций. Благодаря значительным сериям хорошо сохранившихся антропоморфных образов на открытых скалах, изваяниях и плитах из могил окуневской культуры эпохи бронзы Минусинской котловины, можно с большой долей вероятности атрибутировать аналогичные им фрагменты росписей на стенах Грота Проскурякова. Их возраст составляет, по крайней мере, 4 тыс. лет или даже более, поскольку подобные изображения, скорее всего, относятся к раннему этапу окуневской культуры (*Есин*, 2010. С. 71; *Заика*, 2013. С. 42). Нанесение рисунков на стены почти неосвещенного грота — уникальный случай для региона, где известны десятки памятников наскального искусства под открытым небом и десятки пещер и гротов без изображений.

Таким образом, рисунки в Гроте Проскурякова дают совершенно новые свидетельства ритуальной практики носителей окуневской культуры. Изображение божеств на стенах укромного убежища, предполагавшего искусственное освещение, — один из пока неисследованных аспектов окуневского культурного феномена. То же самое можно сказать и в отношении хакасской традиционной культуры, если подтвердится, что прочерченные изображения во второй полости грота относятся к этнографическому времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев С. К., Оводов Н. Д., 2009. Бизоны (Bison Priscus Bojanus, 1827) позднего плейстоцена Алтая и юга Средней Сибири // Енисейская провинция: альманах. Вып. 4. Красноярск. С. 77–90.
- Дэвлет Е. Г., 1999. О некоторых тенденциях в исследовании наскальных изображений // Российская археология. № 2. С. 77–85.
- Дэвлет Е. Г., 2002. Памятники наскального искусства: изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир. 240 с.
- 3аика А. Л., 2013. Сердцевидные личины в петроглифах Южной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 35–51.

- Есин Ю. Н., 2010. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник: Сб. науч. ст. / Отв. ред. Н. Ф. Степанова, А. В. Поляко. Барнаул: Азбука. С. 53–73.
- Кызласов Л. Р., 1992. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та. 224 с.
- Миклашевич Е. А., Солодейников А. К., 2013. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 1 (5). С. 176–191.
- Окладников А. П., Оводов Н. Д., Рыбаков С. А., 1975. Грот Проскурякова новая палеолитическая стоянка в Хакасии // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. № 44. С. 111–117.
- Проскуряков П. С., 1889. Июсские пещеры // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Т. 20. № 2. С. 32–34.
- Проскуряков П. С., 1890. Отчет о предварительном исследовании июсских пещер // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Т. 21. № 4. С. 20–25.
- Solodeynikov A., 2005. Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural) // International Newsletter on Rock Art. № 43. P. 10–14.

А. М. Обломский

ПОСЕЛЕНИЕ ПОДГОРОДНАЯ СЛОБОДА-2 И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ*

A. M. Oblomsky. The Podgorodnaya Sloboda-2 settlement and certain questions concerning the study of the Early Iron Age in the forest zone of the Dnieper region

Abstract. In this article materials concerning the in-fill of the defensive ditch at the Podgorodnaya Sloboda-2 settlement (Suzemka District, Bryansk Region) are published. The assemblage consists of fragments of vessels, most of which were made of clay containing crushed stone. The rims of the pots curved outwards. Their decoration consisted of imprints of potter's fingers or small sticks. Pieces of two bowls were also found. In the infill of the ditch a casting ladle, an iron knife and an arrowhead (or small perforator) were discovered. In the middle reaches of the Desna River there are parallels for the materials from the Podgorodnaya Sloboda-2 settlement to be found among antiquities from the upper level of the Poluzhye fortified settlement, its chronology ranging approximately from the 2nd century BC to the 1st century AD. Some controversial questions are examined concerning the study of Early Iron Age sites in the upper reaches of the Dnieper, the Desna valley and the upper reaches of the Oka. Sites of the same type as the upper level at Poluzhye, the middle level at Tushemlya and several settlements of the Upa-2 type are regarded as interrelated on the basis of their hand-made pottery. Antiquities of the type found in the upper level at Poluzhye and the Tushemlya middle level appeared during the classical Zarubintsy period. The Zarubintsy population played a part in the formation of all three cultural groups.

Ключевые слова: Подгородная Слобода, Среднее Подесенье, почепская культура, ранний железный век, позднезарубинецкий горизонт.

Памятник, которому посвящена настоящая публикация, впервые упоминается Н. П. Горожанским (1884. С. 50), обследован А. С. Смирновым (1975. С. 33; см. также: АКР, 1993. С. 231). В 2013 г. работы на нем проводились Раннеславянской экспедицией Института археологии РАН под руководством автора в ходе разведки в низовьях рек Сев и Усожа и прилегающей части долины р. Нерусса.

^{*} Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РГНФ № 13-01-18024.

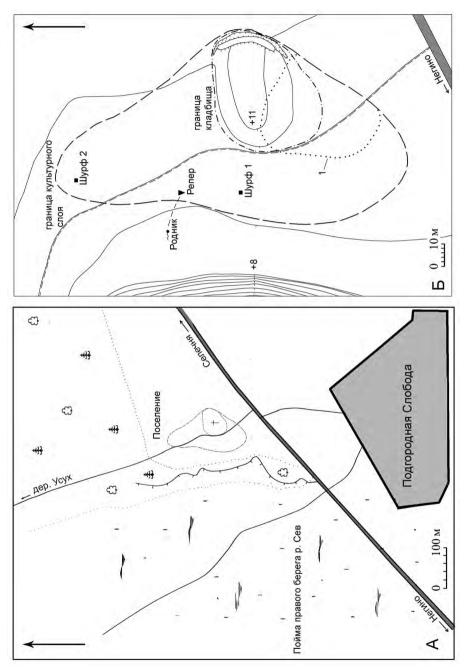

Рис. 1. Городище и селище Подгородная Слобода-2

A — ситуационный план; B — план площадки

Поселение расположено около кладбища, которое находится в 300 м к северо-северо-западу от северо-восточной окраины д. Подгородная Слобода Суземского района Брянской области, на краю второй надпойменной террасы правого берега р. Сев (приток р. Нерусса, притока р. Десна) на высоте 9–11 м от низкой поймы реки (рис. 1, А). Комплекс памятников состоит из городища и селища. Городище занимает небольшое (до 1,5 м высотой) всхолмление в 60 м к востоку от края террасы (рис. 1, E). Его размеры составляют 54×35 м. Вдоль восточного края прослежены остатки вала высотой 1,5 м и шириной около 3 м. С востока к нему примыкал ров шириной до 3 м и глубиной до 1 м. Городище полностью занято современным кладбищем, совершенно уничтожившим культурный слой. Судя по находкам отдельных черепков на кладбище, городище относится к новому времени (ориентировочно XVII-XVIII вв.). Керамика этого периода выявлена повсеместно и на территории селища, которое с севера, запада и юга примыкает к городищу. Область повышенной концентрации керамики нового времени и обломков кирпичей находится к югу от городища и имеет размеры около 40×40 м (рис. 1, E).

Селище нового времени накладывается на поселение раннего железного века, которое вытянуто вдоль края террасы на 180 м. Ширина составляет 50–80 м. В настоящее время его поверхность задернована, занята молодыми деревьями и кустарником, но ранее распахивалась. Для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника были заложены два шурфа, расположение которых обозначено на плане (рис. 1, E).

Площадь шурфа 1 составила $15 \, \mathrm{m}^2$. Общая толщина культурного слоя (серый песок) достигала $0.25-0.31 \, \mathrm{m}$. Он нарушен распашкой практически до материка. Местами сохранились пятна нетронутого слоя (коричневый песок) толщиной до $0.07 \, \mathrm{m}$. На поверхности материка прослежена обширная полоса темного гумусированного песка, пересекавшая шурф поперек. После разборки она оказалась участком рва (объект 1), очевидно, оборонительного, следы которого на поверхности поселения не читались. Ширина рва по верхним контурам — до $3.1 \, \mathrm{m}$, в нижней части — $0.8-1.2 \, \mathrm{m}$. Стенки рва с западной стороны пологие до глубины $0.31-0.37 \, \mathrm{m}$ от верхнего края объекта, затем несколько более крутые; восточные стенки также пологие (хотя и неровные, очевидно, осыпавшиеся). Общая глубина рва — $0.6-0.65 \, \mathrm{m}$ (рис. 2).

На дне рва, приблизительно посредине его наиболее глубокой части, прослежена канавка, разделенная небольшой перемычкой шириной 0,18 м. Размеры северной части канавки $-1,8\times0,18$ –0,42 м, южной $-1,1\times0,12$ –0,22 м. Вдоль северо-восточного борта канавки выявлен прокал материкового грунта длиной 0,22 м. В ее пределах зафиксированы следы четырех круглых и овальных неглубоких столбовых ям (№ 1, 1а, 3, 4), причем две из них (№ 1а и 4) частично выходят за пределы шурфа (параметры ям см. в табл. 1).

¹ В работах на памятнике принимали участие преподаватели Брянского гос. ун-та А. А. Чубур и В. Н. Гурьянов, а также студент Тамбовского гос. пед. ун-та, специализирующийся по археологии, Д. А. Чувилькин.

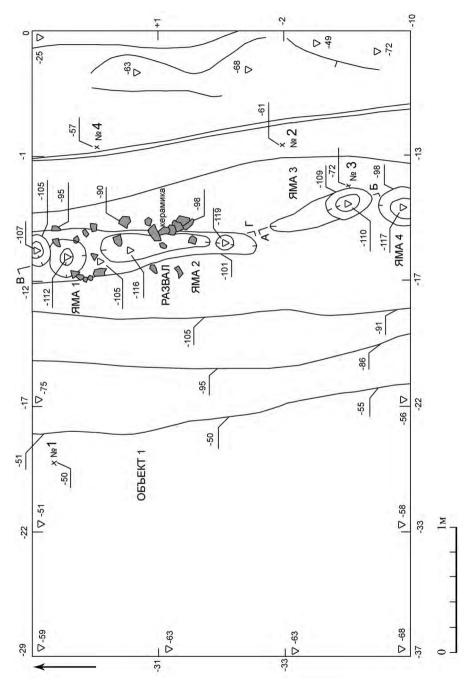

Рис. 2. Подгородная Слобода-2. Шурф 1, план. Нивелировочные отметки даны от репера на поселении

В средней части канавки, получившей обозначение «яма 2», наблюдалась овальная западина размерами $0.86 \times 0.12-0.22$ м, глубиной до 0.11 м. Очевидно, эта яма представляла собой след нескольких слившихся вместе углублений от столбов. К ней с юга примыкала маленькая круглая ямка диаметром 0.1 м и глубиной 0.09 м (рис. 2).

Большую часть заполнения рва составляла серая супесь, местами относительно темная или сравнительно светлая. Наибольшей мощности этот слой

№ ямы	Размеры по верхнему краю (в м)	Размеры по нижнему краю (в м)	Глубина от верхнего края ямы (в м)
1	0.28×0.3	0.1×0.14	0,07
1a	Диаметр 0,28	Диаметр 0,12	0,1
3	$0,36 \times 0,24$	$0,2 \times 0,12$	0,15
4	Диаметр 0,3	Диаметр 0,16	0,19

Таблица 1. Параметры столбовых ям

достигал у стенок рва, где он залегал от верхних его контуров до дна (рис. 3). В средней части рва зафиксирована линза черной углистой супеси с прослой-ками светлого и серого песка. Максимальная толщина этой линзы наблюдалась в северной части заполнения рва (до $0,6~\mathrm{m}$). В южной части углистый слой залегал пятнами толщиной до $0,17~\mathrm{m}$ на разных глубинах. В нижней части рва в слое черной супеси на глубине $0,44-0,48~\mathrm{m}$ от его верхнего края зафиксировано скопление керамики, занимавшее пространство размерами $1,2\times0,45~\mathrm{m}$, вытянутое вдоль оси объекта. Углистой супесью были заполнены канавка в основании рва и столбовые ямы в ее пределах.

Массовый материал из заполнения, представленный лепной керамикой и обломками глиняных блоков², при его разборке был разделен на несколько групп. Отдельно брались находки из серой и черной супеси, условно обозначенных как верх и низ заполнения, из скопления керамики и из ям в пределах канавки. Распределение керамики по этим группам показано в табл. 2.

В пахотном слое кроме обломков лепных сосудов найдено 23 фрагмента гончарных серо- и красноглиняных горшков, 2 кусочка кирпичей, 2 обломка оконных стекол. Еще один обломок стенки коричневоглиняного гончарного сосуда происходит из культурного слоя ниже пашни. Этот материал относится к новому времени.

Из заполнения рва происходит почти исключительно лепная керамика, если не считать двух фрагментов стенок поздних гончарных сероглиняных сосудов из верхней его части, явно занесенных сюда из культурного слоя кротами. По фактуре лепная керамика достаточно однородна: сравнительно тонкостенная, с плотным тестом, содержавшим примеси дресвы или мелкого шамота, часто в сочетании с песком, отчего на поверхности видны характерные блестки. Резко преобладает керамика с дресвой, значительно меньше черепков с шамотом.

² В рыхлом грунте поселения Подгородная Слобода-2 кости животных практически не сохранились. В нескольких случаях выявлен костный тлен.

Таблица 2. Массовый материал из шурфа 1

Стг/объект	Заглаженная керамика с дресвой в тесте			Заглаженная керамика с мелким шамотом в тесте			Заглаженная керамика с шамотом и дресвой в тесте			Керамика с шамотом или дресвой в тесте и штрихованной поверхностью						
	В	Д	С	%	В	Д	С	%	В	Д	С	%	В	Д	С	%
Объект 1, верх заполнения	7		34	68			12	20			4	7			3	5
Объект 1, низ заполнения	12	11	88	82	3		9	9			7	5			5	4
Объект 1, скопление керамики	16	9	65	87		1	9	10			1	1			2	2
Объект 1, яма 1	5	2	22	100												
Объект 1, яма 2	2	1	6													
Объект 1, яма 3			1													
Объект 1, яма 4	1		1													
Слой пашни			11													
Культурный слой ниже пашни	1		12													

 Π римечания. Стг – стратиграфический горизонт; В, Д, С – обломки венчиков, днищ и стенок сосудов.

Неопределимые фрагменты лепных сосудов составляли:

Объект 1, верх заполнения – 37,

объект 1, низ заполнения – 59,

объект 1, скопление керамики – 27,

объект 1, яма 2 – 10

Обломки сосудов с комбинированными примесями (шамот и дресва) крайне редки. Поверхность сосудов, как правило, заглажена. Штрихованная керамика составляет от 2 до 5 % (рис. 4–6). Чернолощеную поверхность имел единственный черепок (из шурфа 2).

Большинство горшков, судя по обломкам, были орнаментированы пальцевыми вдавлениями по краю венчика (рис. 4, 4–8, 13–15, 17–20; 5, 1–4, 8, 9, 11, 12; 6, 2, 4–11, 17, 18). Часто фиксируются отпечатки пальцев по шейке или плечикам сосудов (рис. 4, 3, 4, 7, 9, 12, 15, 18–20; 5, 1, 4, 8, 9, 13–15; 6, 2, 3, 6, 7). Реже на корпус горшков наносились вдавления палочками с плоскими круглыми или прямоугольными концами (рис. 4, 10, 11, 17; 5, 5, 16, 17). Они могут быть расположены поясом либо небольшими группами по два-три отпечатка, которые, как правило, составляли одну горизонтальную линию, в редких случаях два или три яруса. Интересен в этом отношении крупный фрагмент верхней части горшка из ямы 2 и из углистого слоя заполнения рва. По его шейке до обжига была проведена горизонтальная черта, очевидно для того, чтобы расположить отпечатки палочки в одну линию, что гончару не очень удалось сделать

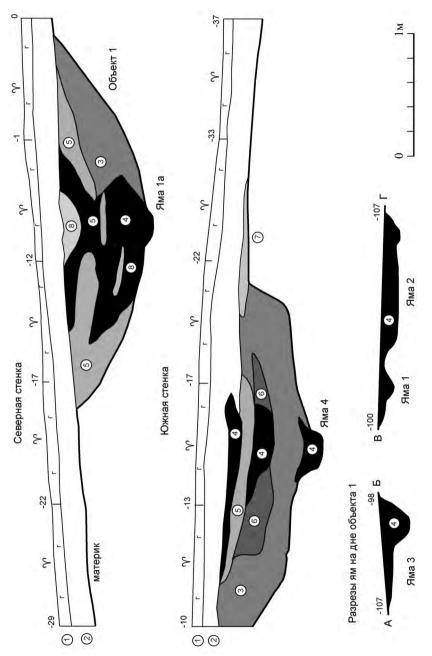

Рис. 3. Подгородная Слобода-2. Шурф 1, профили

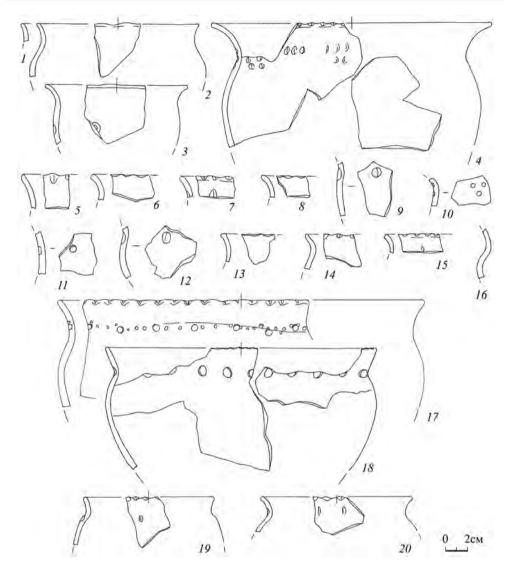

Рис. 4. Лепная керамика из заполнения рва в шурфе 1

1—3, 5—12— верх заполнения; 4— верх заполнения и скопление керамики; 13—16, 19, 20— низ заполнения; 17— низ заполнения и яма 2; 18— низ заполнения и скопление керамики; 16—фрагмент сосуда с мелким шамотом в тесте; остальное— с дресвой в тесте

(рис. 4, 17). Все горшки округлобокие, их днища в большинстве случаев имели изгиб перед дном, в том числе и довольно резкий, вплоть до образования характерной закраины (рис. 5, 18-21; 6, 12-16).

В качестве основы для описания форм сосудов использована классификация А. Г. Фурасьева, предложенная для керамики памятников типа среднего слоя городища Тушемля (*Фурасьев*, 2000. С. 202, 203).

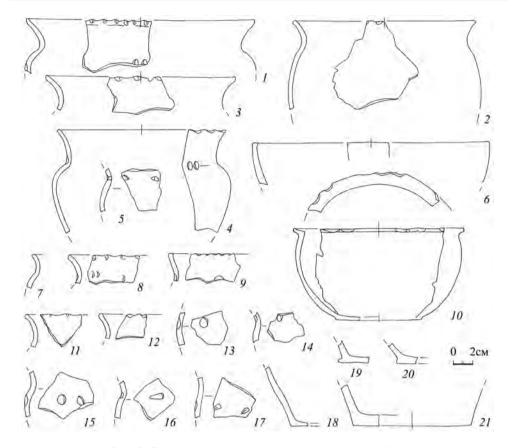

Рис. 5. Лепная керамика из заполнения рва в шурфе 1

10 – низ заполнения и яма 1; остальное – низ заполнения; 1, 3, 4, 5, 7 – керамика с мелким шамотом в тесте; 2, 5, 6, 8–21 – с дресвой в тесте

- 1) Открытые округлобокие горшки (диаметр венчика равен или превышает диаметр максимального расширения корпуса, которое находится несколько ниже шейки). Венчики изогнуты, отогнуты наружу (рис. 4, 3, 4, 17, 18).
- 2) Горшки подобной формы, но с более резкой профилировкой верхней части, четче выраженным плечиком (рис. 5, 1, 4).
- 3) Закрытые округлобокие горшки (диаметр венчика меньше диаметра максимального расширения тулова) с более плавной профилировкой (рис. 4, 2, 19, 20; 5, 2; 6, 1, 2).

Набор форм дополняется обломком уплощенного венчика округлобокой чашевидной миски (рис. 5, 6). Еще одну миску удалось восстановить до полного профиля. Она также чашевидная округлобокая, но венчик резко выступает наружу, имеет плоскую поверхность, Г-образную в сечении форму. Внешний край венчика орнаментирован пальцевыми вдавлениями, расположенными по два (рис. 5, 10).

Керамика из заполнения рва представляет собой однородный массив материала. Группы, по которым он был разделен в соответствии со стратиграфией

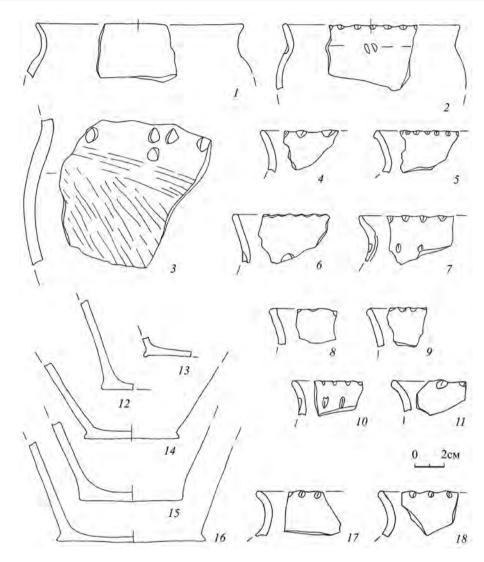

Рис. 6. Лепная керамика из заполнения рва в шурфе 1

I-10, I2-16 – скопление керамики; I1, I7, I8 – яма 1; I4 – фрагмент лепного сосуда с мелким шамотом в тесте; остальное – с дресвой в тесте

объекта 1, условные. Черепки сосудов разных групп неоднократно подклеивались друг к другу (см. подписи к рис. 4–6), что свидетельствует о принадлежности их к единому комплексу.

Вторую категорию массового материала из шурфа 1 составляют обломки глиняных блоков. Они плохо обожжены, имеют рыхлое песчанистое тесто с примесью органики. Из серого слоя заполнения происходит 23 фрагмента, из черного – 35, из скопления керамики – 38, и только 1 обломок – из пахотного слоя. Как правило, большинство из них слишком мелкие для достоверных реконструкций. Более или менее крупные фрагменты принадлежат округлым или подцилиндрическим изделиям, обильно украшенным бессистемно расположенными пальцевыми вдавлениями по поверхности. На некоторых обломках блоков видны следы продольных отверстий диаметром около 1 см (рис. 7, 1-4).

Индивидуальных находок из заполнения рва немного. К ним относятся железный нож с прямой спинкой (рис. 7, 6), обломок глиняной льячки (рис. 7, 5) и железный черешковый либо наконечник стрелы, либо маленький пробойник (рис. 7, 7).

Керамика, близкая к обнаруженной в объекте 1, происходит и из шурфа 2, но в значительно меньшем количестве. Кроме того, она сильно измельчена.

Таким образом, в раннем железном веке часть поселения Подгородная Слобода-2 была огорожена рвом, т. е. представляла собой городище. По дну рва шел частокол из столбов, вероятно, частично засыпанный для прочности грунтом, судя по расположению по обе стороны от него слоев серой супеси. В какой-то из периодов существования поселения этот частокол сгорел. Ров был засыпан бытовым мусором и снивелирован.

Аналогичная происходящей из заполнения рва керамика, судя по характерной фактуре и обломкам венчиков с пальцевыми вдавлениями, найдена на поселении Подгородная Слобода-4, расположенном напротив на левом берегу р. Сев.

В Подесенье керамический комплекс Подгородной Слободы-2 имеет аналогии на памятниках типа верхнего слоя городища Полужье или первого и второго этапов почепской археологической культуры. Последняя была выделена А. К. Амброзом (1964) на основе материалов стратифицированного городища Полужье, селищ Синьково и Почеп. В Полужье верхний горизонт с керамикой, близкой к происходящей из Подгородной Слободы, перекрывает более ранний слой с классическими юхновскими материалами, в Синьково близкая к опубликованной мною керамика происходит из построек 19 раскопа III, 4 раскопа VI и нескольких ям. Для верхнего горизонта Полужья характерны «горшки с довольно высоким горлом» (по моей терминологии – округлобокие сильнопрофилированные), преимущественно с примесью дресвы в керамическом тесте, орнаментированные вдавлениями и насечками по венчикам. Пальцевые вдавления, образующие либо сплошную линию, либо группы из двух-трех ямок с интервалами между ними, могут располагаться на шейках горшков или несколько ниже. В качестве юхновского реликта А. К. Амброз называл орнаментацию сосудов отпечатками палочки. Многочисленны глиняные блоки, в том числе цилиндрические, найдены чашевидные миски, немногочисленные обломки лощеных сосудов (Там же. С. 59, 60. Рис. 2, 7–21). Целая чашевидная миска с относительно широким плоским венчиком из Подгородной Слободы-2 имеет прямую аналогию в Полужье (Там же. Рис. 2, 19). Кроме Полужья и Синьково в Подесенье подобные материалы происходят с городищ Монастырище (Лбище) (Падин, 1966. С. 145, 146), Хотылево (Кудеярка) (Карпов, *Чубур*, 2002. Рис. 1, 2), Красный Колядин (*Каравайко*, 2004. Рис. 1, 3–6), Мощенка (Шукин, 1989. Рис. 2, 10–14), Каничи (Шадыра, 1998. С. 89. Рис. 5–7), Селиловичи, Тихая Пристань, Федоровка, Бабинка (Узянов, 1972. С. 12–14.

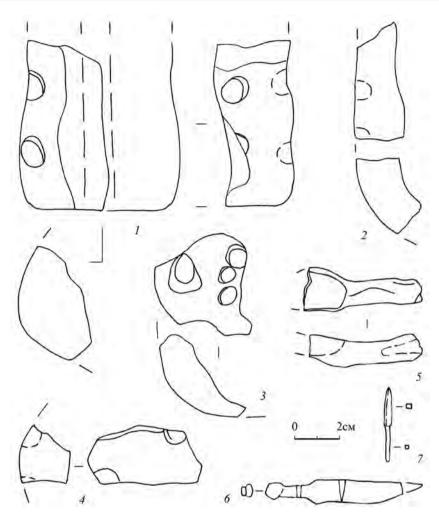

Рис. 7. Находки из заполнения рва в шурфе 1

I—4 — обломки глиняных блоков; 5 — фрагмент глиняной льячки; 6 — железный нож; 7 — железный наконечник стрелы или пробойник

Рис. 54, 2; 89; 100; 110), Старопочепье (*Пронин*, 1973. С. 48. Рис. 207), селища Борки 3 (*Шинаков*, 2006. Рис. 9, *3*, *5*–9; 15, *6*; 16, *1*–3; 17; 18, *4*; 33, *1*, 7).

Деснинскими памятниками список аналогий комплексу из Подгородной Слободы-2 не исчерпывается. Очень близкая керамика происходит из среднего слоя городища Тушемля в Верхнем Поднепровье и памятников среднетушемлинской культурной группы. Основной критерий их выделения — наличие сильнопрофилированной кухонной керамики с вдавлениями и/или насечками по венчику, иногда с вдавлениями, нанесенными пальцами или палочкой по шейке и плечикам сосудов, в сочетании с относительно редкой лощеной лепной и штрихованной

посудой (*Третьяков*, *Шмидт*, 1963. С. 54. Рис. 19; 22, 24–26; *Лопатин*, 1991. С. 51; *Короткевич*, 1992. С. 65, 66; *Фурасьев*, 2000. С. 202–206; *Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. С. 79–88; *Дробушевский*, 2011. С. 80). Недавно Е. В. Столяровым в бассейне Верхней Оки выделена группа памятников типа Упа-2. Материалы ее достаточно разнородны, что отражает первый этап изучения нового археологического явления. Тем не менее, судя по публикации (*Столяров*, 2012. Рис. 8, 10–12, 14–16, 18, 19, 24–26), керамика некоторых поселений (городища Торхово, Лобыньское, Супруты, Борисово, селище Упа-2) достаточно близка к материалам из Подгородной Слободы. О сходстве керамики древностей типа Упа-2 с материалами верхнего слоя городища Полужья и среднего слоя Тушемли пишет и сам Е. В. Столяров (Там же. С. 88, 89).

Таким образом, на территории лесной зоны Восточной Европы от Верхнего Поочья на востоке до верховьев Западной Двины на западе выделяется некий круг древностей с весьма сходной лепной керамикой. Ниже приведены некоторые соображения о проблемах их исследования.

Территория. При написании данной статьи автор столкнулся с трудностью технического характера, которая заключалась в невозможности точно определить количество памятников, принадлежавших каждой из перечисленных культурных групп. Сильнопрофилированная лепная керамика с вдавлениями и насечками, а также лепная лощеная, судя по описаниям и опубликованным к настоящему времени археологическим картам, происходит в основном из сборов и из раскопок памятников с относительно тонкими нестратифицированными слоями либо представляет собой «попутный материал» в более поздних слоях, который попал туда в результате перекопов и не слишком интересовал исследователей. Если учесть, что керамика с отпечатками пальцев и насечками по венчикам в лесном Подесенье и Поднепровье известна на памятниках не только типа верхнего горизонта Полужья и среднего слоя Тушемли, но также на мощинских и на относящихся к VIII–XI вв., а лощеная посуда распространена не только в зарубинецком классическом и позднезарубинецком круге древностей, но и позднее - от мощинской культуры до колочинской и раннесредневековой тушемлинской, то определение культурно-хронологической принадлежности того или иного памятника должно быть в каждом случае индивидуальным. Коллекции разведок (зачастую и раскопок) относительно бедных памятников железного века в музеях сохраняются крайне плохо, поэтому опираться можно лишь на материалы, которые опубликованы либо более или менее полно описаны в отчетах. Карта, приведенная на рис. 8, составлена именно по таким данным.

В соответствии с ней древности типа верхнего слоя Полужья занимают бассейн среднего течения Десны, причем поселения у Подгородной Слободы — самые юго-западные в этой группе. Памятники типа среднего слоя Тушемли распространены в верховьях Десны и Днепра, в Верхнем Посожье и в регионе верховий Западной Двины. Городища и селища типа Упа-2, по имеющимся данным, локализуются в Верхнем Поочье, в основном в бассейне р. Упа и на соседних территориях. Между последними и памятниками Подесенья пока наблюдается территориальный разрыв, но не исключено, что он будет заполнен.

Хронология. Памятники типа верхнего слоя Полужья, по схеме А. К. Амброза, заполняют лакуну между классическими юхновскими материалами и древностями

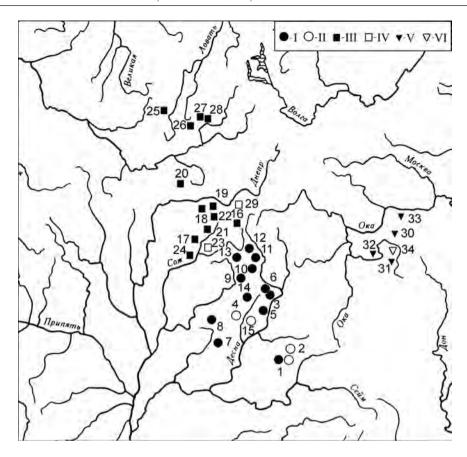

Рис. 8. Памятники типа верхнего горизонта Полужья, среднего слоя Тушемли и Упа-2

I — городища с материалами типа верхнего горизонта Полужья; II — селища с керамикой типа верхнего слоя Полужья; III — городища с керамикой типа среднего слоя Тушемли; IV — селища с керамикой типа среднего слоя Тушемли; V — городища типа Упа-2; VI — селища типа Упа-2; I — Подгородная Слобода-2; 2 — Подгородная Слобода-4; 3 — Полужье; 4 — Синьково; 5 — Монастырище (Лбище); 6 — Хотылёво (Кудеярка); 7 — Красный Колядин; 8 — Мощенка; 9 — Каничи; 10 — Селиловичи; 11 — Тихая Пристань; 12 — Фёдоровка; 13 — Бабинка; 14 — Старопочепье; 15 — Борки-3; 16 — Жарынь; 17 — Мстиславль (Девичья Гора); 18 — Демидовка; 19 — Церковище; 20 — Самсонцы; 21 — Тушемля; 22 — Лахтеево; 23 — Устье; 24 — Кричев (Городец); 25 — Полибино; 26 — Староселье; 27 — Назимово; 28 — Михайловское; 29 — Яново; 30 — Торхово; 31 — Лобыньское; 32 — Супруты; 33 — Борисово; 34 — Упа-2

третьего этапа почепской культуры (поселение Почеп, большинство комплексов Синьково). Почепскую культуру в целом А. К. Амброз датировал І в. до н. э. – II в. н. э. (Амброз, 1964. С. 62, 63). Д. В. Каравайко, рассмотрев наиболее поздние датирующие вещи на юхновских памятниках (предшествующих почепским), пришел к выводу, что большинство юхновских поселений датируется временем не позднее II в. до н. э. (Каравайко, 2006). Древности третьего этапа почепской культуры (по А. К. Амброзу) или позднезарубинецкие памятники почепского типа

(по нашей с Р. В. Терпиловским терминологии), судя по серии фибул, пряжке, другим хронологическим индикаторам и лощеной керамике, возникли не ранее середины І в. н. э. (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 56–58; Обломский, 2010а. С. 49). Именно в этот период началось массовое распространение лощеной керамики позднезарубинецкого стиля в Подесенье. Верхний слой городища Полужья должен быть, по крайней мере частично, синхронен зарубинецкой культуре или позднезарубинецкому горизонту: происходящие из него обломки лощеных мисок аналогичны набору среднеднепровских памятников типа Лютежа середины I в. н. э. или несколько более позднего времени (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 58, 59). Учитывая, что в заполнении рва на Подгородной Слободе-2 вообще нет лепной лощеной керамики, а из культурного слоя памятника происходит всего один ее черепок, можно заключить, что это поселение вряд ли существовало позднее первой половины I в. н. э. Максимально допустимая его дата – II в. до н. э. – первая половина І в. н. э., причем нижняя дата более условна, чем верхняя. Д. В. Каравайко, отмечая что многие датирующие вещи с юхновских городищ имели широкие периоды бытования, допускает, что некоторые поселения могли продолжать существовать и после II в. до н. э.

Средний слой Тушемли П. Н. Третьяков предварительно датировал началом І тыс. н. э. или рубежом и началом н. э. (*Третьяков*, *Шмидт*, 1963. С. 17; *Третьяков*, 1966. С. 233), по Н. В. Лопатину и А. Г. Фурасьеву, памятники этого типа на территории Верхнего Поднепровья и Подвинья относятся к концу І – рубежу ІІ–ІІІ или началу ІІІ в. (*Лопатин*, *Фурасьев*, 2007. С. 85). А. И. Дробушевский на основании находок лепной лощеной керамики на городище Городец в г. Кричев, имеющей, по его мнению, аналогии в Чаплинском могильнике, датирует возникновение этого круга древностей значительно более ранним временем – ІІ–І вв. до н. э. (*Дробушевский*, 2011. С. 80).

В отличие от памятников типа Полужья для определения даты древностей круга среднего слоя Тушемли оснований значительно больше. С городища Городок, керамика которого близка к набору посуды не среднего, а раннего слоя Тушемли (типа верхнего горизонта городища Мокрядино), происходит фибула среднелатенской схемы (*Третьяков*, 1966. С. 233; *Шмидт*, 1992. С. 101. Табл. 45, 5) со скобчатой спинкой варианта В Ю. Костшевского или Г2 по модифицированной классификации Ю. А. Кухаренко. Подобные застежки широко распространены на памятниках зарубинецкой культуры. По периодизации расположенного в Верхнем Поднепровье Чаплинского могильника аналогичные фибулы относятся к первой и второй фазам, что в абсолютных датах соответствует II — первой половине I в. до н. э. (*Обломский*, 1997. С. 143, 144). Для среднего слоя Тушемли они представляют собой *terminus post quem*.

Фибула среднелатенской схемы со скобчатой спинкой происходит из слоя со среднетушемлинской керамикой городища Девичья Гора в Мстиславле (Алексеев, 1963. С. 77, 78). Она типологически близка к фибуле из Городка, но изготовлена не из дрота, а из узкой пластины³.

³ А. И. Дробушевский высказал сомнения в правильности ее определения. Он считает, что рисунок неточен, а сама фибула близка к ранним зарубинецким с маленькими треугольными щитками (вариантов 1 и 2) (Дробушевский, 2011. С. 79). Л. В. Алексеев

Более поздняя фибула (вариант П/Р по Ю. В. Кухаренко) найдена на городище Самсонцы. Отсюда же происходит фибула с похожей профилировкой спинки, но с обломанным приемником ($UIMU\partial m$, 1992. Табл. 45, I, J). Фибулы этого варианта появляются в конце существования классической зарубинецкой культуры (третья фаза Чаплинского могильника, вторая половина I в. до н. э. -20–30-е гг. н. э.), но употребляются и в позднезарубинецкий период, в частности на памятниках почепского типа Подесенья (Oбломский, 2010а. С. 48, 49).

Глазчатая фибула с городища Церковище (Седов, 1964. Рис. 26, 5) относится к прусской серии, типу ІІІ по Р. Ямке (Лопатин, Фурасьев, 2007. С. 85). По современной центральноевропейской хронологии все фибулы прусской серии (серия В по Р. Ямке) существовали в течение периода В2а, который датируется на территории пшеворской культуры около 70–100 г. н. э. (Обломский, 2010б. С. 26). Глазчатые фибулы прусской серии хорошо известны на памятниках позднезарубинецкого культурно-хронологичесокго горизонта: могильнике Рахны, поселениях Лютеж, Картамышево 2 (Бидзиля, Пачкова, 1969. Рис. 11, 4; Обломский, 2010б. С. 26. Рис. 21, 2; 24, 16; Горюнова, 2004. Рис. 5, 1).

Одночленная прогнутая подвязная фибула с городища Тушемля (*Третьяков, Шмидт*, 1963. Рис. 21, *1*) относится к группе 16, подгруппе 4, серии I, верхнеднепровскому варианту по А. К. Амброзу, который датирует ее II в. н. э., правда, по типологическим соображениям (*Амброз*, 1966. С. 68).

Обломок характерной миски с вертикальным венчиком без грани и подтреугольным валиком на месте ребра происходит с городища Полибино. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев обратили внимание, что подобные миски характерны для позднезарубинецкого периода (*Лопатин, Фурасьев*, 2007. С. 80. Рис. 41, 7). По классификации, приведенной в нашей совместной с Р. В. Терпиловским монографии, она относится к таксону ІІІ,2,в. Такие миски действительно типичны для древностей позднезарубинецкого культурно-хронологического горизонта, в том числе и для памятников типа Почепа, но начали употребляться они раньше — в классической зарубинецкой культуре Среднего Поднепровья накануне ее распада, около середины І в. н. э. (*Обломский, Терпиловский*, 1991. С. 26–28. Рис. 2).

отметил, что автор классификации зарубинецких фибул Ю. В. Кухаренко застежку из Девичьей Горы видел и отнес ее ко «второй группе» по А. К. Амброзу, т. е. к фибулам среднелатенской схемы. А. К. Амброз поместил ее в списке изделий подгруппы 3 группы 2 (гладкие проволочные среднелатенские фибулы), а не подгруппы 2 (с треугольным щитком) (Амброз, 1966. С. 20).

⁴ В. В. Седов, автор раскопок памятника, отметил, что керамики типа среднего слоя Тушемли на городище нет, распространена штрихованная, хотя есть лепная лощеная посуда, «напоминающая позднезарубинецкую керамику Подесенья». Приведен только один обломок стенки округлобокого горшка (*Седов*, 1964). К памятникам типа среднего слоя Тушемли это городище относят Б. С. Короткевич, а также А. Г. Фурасьев (2000. С. 206), обломки сосудов этого круга опубликованы Н. В. Лопатиным и А. Г. Фурасьевым (2007. Рис. 40, *1*–5).

Получается, что памятники типа среднего слоя Тушемли должны были сформироваться не позднее I в. до н. э. (по соотношению фибул из Мстиславля и Городка) и существовать достаточно долго, включая позднезарубинецкий культурно-хронологический горизонт (для Подесенья – третий этап почепской культуры по А. К. Амброзу). Таким образом, скорее, прав А. И. Дробушевский, который указывал на более раннюю дату образования древностей типа среднего слоя Тушемли, чем Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев. Правда, это не касается конкретной даты городища в Кричеве. Действительно, как округлобокие, так и острореберные миски, найденные на этом памятнике, по общей структуре профиля похожи на миски из эталонного для зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья Чаплинского могильника, но у сосудов из Кричева более высокие венчики. Лощеная керамика из Кричева своеобразна и пока точных аналогий не имеет. А. И. Дробушевский совершенно прав, утверждая, что она не похожа на мощинскую. В гораздо большей степени она близка к лощеной посуде киевской культуры (Терпиловский, Абашина, 1992. С. 56–58), хотя и не идентична ей. Близкая по форме ребристая миска происходит, например, с городища Полибино (Фурасьев, 2000. Рис. 3, 5), где также есть керамика типа среднего слоя Тушемли.

Изучение хронологии памятников типа Упа-2 из-за малочисленности источников находится пока в зачаточном состоянии. Е. В. Столяров относит их к отрезку времени между финалом верхнеокской культуры и появлением древностей типа Ново-Клейменово, т. е. к последним векам I тыс. до н. э. – I в. н. э. (Столяров, 2012. С. 88).

Происхождение. А. К. Амброз считал, что почепская культура генетически связана с более ранней юхновской, а инновации в керамическом комплексе были результатом влияния зарубинецкого населения на племена Подесенья. Общая дата почепской культуры — І в. до н. э. — ІІ в. н. э. «Может быть, правильнее говорить о почепском этапе истории юхновских племен» (*Амброз*, 1964. С. 56—66). Позднеюхновскими считал почепские памятники и Ю. В. Кухаренко (1964. С. 8).

Противоположное мнение высказано П. Н. Третьяковым. На начальных этапах так называемой почепской культуры зарубинецкое влияние распространяется в среде местных культурных групп раннего железного века, юхновская основа при этом сохранилась. Древности I-II вв. н. э. в Верхнем и Среднем Подесенье составляют локальную группу позднезарубинецких памятников, связанную с миграцией южного населения на север, а не особую культуру. При этом «местные жители – обитатели городищ – далеко не сразу покинули поречье Десны, а в течение одного-двух столетий жили бок о бок с пришельцами», что привело к появлению юхновских культурных элементов на почепских селищах (Третьяков, 1966. С. 228, 229). Подобная точка зрения изложена и в наших с Р. В. Терпиловским работах: памятники типа Почепа Подесенья отнесены к позднезарубинецкому культурно-хронологическому горизонту. Они сформировались в результате миграции потомков зарубинецкого населения Среднего Поднепровья в Подесенье не ранее середины – третьей четверти I в. н. э. Памятники типа верхнего горизонта Полужья и круга Почепа в течение какого-то времени сосуществовали. Кроме хронологических выкладок, приведенных выше, в пользу этого свидетельствуют некоторые элементы почепских позднезарубинецких

древностей, имеющие корни в местной юхновской культуре раннего железного века: особенности орнаментации керамики, традиция возведения длинных наземных домов, распространение глиняных блоков и др. (Обломский, Терпиловский, 1991. С. 88; Обломский, 2010а. С. 50, 51).

Памятники типа среднего слоя Тушемли, по П. Н. Третьякову, сложились на местной основе в условиях зарубинецкого влияния (*Третьяков*, *Шмидт*, 1963. С. 22–25; *Третьяков*, 1966. С. 233, 234). Е. А. Шмидт, соавтор П. Н. Третьякова в публикации материалов исследований смоленских городищ, считает, что сильнопрофилированная и лощеная посуда, а также некоторые вещи под воздействием зарубинецкой культуры распространились в среде днепро-двинских племен. Он отмечает также наличие общей тенденции смены слабопрофилированной керамики кухонной сильнопрофилированной не только в Верхнем Поднепровье, но и в Подесенье (Полужье), и в бассейне Оки (*Шмидт*, 1992. С. 136). Б. С. Короткевич высказал мнение, что сильнопрофилированная керамика с защипами и лощеная посуда были заимствованы днепро-двинским населением у южных соседей в том виде, «в каком она сложилась у них в позднезарубинецкое время» (*Короткевич*, 1992. С. 65–67). По А. И. Дробушевскому, материалы верхнего горизонта Полужья и среднего слоя Тушемли отражают «зарубинизацию» местных племен (*Дробушевский*, 2011. С. 80, 81).

Но как распространялось зарубинецкое влияние? Перечисленные культурные группы выделяются по сходству лепной керамики, а традиции ее изготовления археологами обычно считаются одними из наиболее консервативных. Лепная посуда, особенно кухонная, не была предметом торговли, а распространение ее происходило вместе с миграциями людей. Очевидно, речь идет о начале проникновения зарубинецкого населения, как минимум, в верховья Днепра, на Среднюю и Верхнюю Десну. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев по этой причине отметили, что в формировании такого нового явления, как памятники типа среднего слоя Тушемли, сыграли роль как традиции местного днепро-двинского населения, так и пришлого зарубинецкого различного происхождения (верхнеднепровского круга Горошков-Чаплин и Чечерск-Кистени, в меньшей степени деснинского почепского). Сами тушемлинские древности они считают особой группой, отличной от днепро-двинской и зарубинецкой культур (Лопатин, 1991. С. 51, 52; Фурасьев, 2000. С. 206, 207). В совместной монографии Н. В. Лопатина и А. Г. Фурасьева древности типа среднего слоя Тушемли включены в «горизонт Рахны-Почеп», т. е. в круг позднезарубинецких памятников (*Лопатин*, Фурасьев, 2007. С. 88).

Относительно происхождения древностей типа Упа-2 Е. В. Столяровым высказаны две версии, которые при современном состоянии источников в равной степени вероятны. Памятники этого круга могли сформироваться в результате миграции в Верхнее Поочье части носителей культуры типа верхнего слоя городища Полужье, но не исключено и продвижение в этот регион позднегородецкого и «скифоидного» населения лесостепного Подонья (Столяров, 2012. С. 88, 89). Генетическая связь культурной группы Упа-2 с предшествующими им на Оке древностями верхнеокской культуры отрицается.

Выводы и некоторые проблемы изучения. По имеющимся немногочисленным данным, памятники типа верхнего слоя Полужья и среднего слоя Тушемли

явно близки по основному набору форм кухонных сосудов, их орнаментации, наличию штрихованной и лощеной керамики. Ряд памятников типа Упа-2 вполне сопоставим с ними. Вероятно, все эти три группы представляют собой родственные явления.

В отношении ранней даты памятников типа Упа-2 пока делать какие-то конкретные выводы преждевременно. Ясно лишь, что они возникли позже финала верхнеокской культуры.

Древности типа верхнего слоя Полужья и среднего слоя Тушемли появились в классический зарубинецкий период, причем последние — не позднее I в. до н. э. Основной период существования памятников типа среднего слоя Тушемли относится к I в. н. э., возможен «выход» во II в. Судя по наличию в составе позднезарубинецких древностей типа Почепа (третьего этапа почепской культуры по А. К. Амброзу) некоторых традиций более раннего не зарубинецкого происхождения и по обломкам лепной лощеной посуды из верхнего слоя городища Полужье, не исключено, что памятники типа верхнего слоя Полужья некоторое время сосуществовали с почепскими. Для древностей типа среднего слоя Тушемли этот факт доказан. Фибулы из Самсонцев, самой Тушемли и Церковища относятся к тому же периоду, что и поселение Почеп и большинство объектов Синьково.

Судя по специфической керамике, в формировании всех трех культурных групп сыграло свою роль зарубинецкое население. Древности Среднего и Верхнего Подесенья, Могилевского и Смоленского Поднепровья демонстрируют начало проникновения зарубинецкого населения на север. Не исключено, что тот же процесс наблюдается и в Поочье. Н. В. Лопатин и А. Г. Фурасьев правы, утверждая, что памятники типа среднего слоя Тушемли относятся к горизонту Рахны–Почеп (по М. Б. Щукину; позднезарубинецкому по нашей с Р. В. Терпиловским терминологии), но правы лишь отчасти. Зарубинецкий культурный элемент действительно присутствует в их составе, но возникли эти памятники гораздо раньше распада зарубинецкой культуры (середина – третья четверть І в. н. э.) и массовых миграций ее носителей.

Тем не менее, до сих пор непонятно, относятся ли среднетушемлинские древности, памятники типа верхнего слоя Полужья и наиболее близкие к ним поселения круга Упа-2 к единой культуре или представляют собой три разные культурные группы? Вроде бы только на памятниках типа Тушемли находят вместе с профилированной кухонной и лощеной керамикой грузики дьякова типа, в орнаментации некоторых сосудов круга Полужья наблюдаются юхновские реликты, а на большинстве памятников Подесенья обнаружены глиняные блоки, но эти различия могут быть и вариантными в рамках одного культурного явления.

Неясен также механизм распространения в Подвинье, Поднепровье, Подесенье и Поочье керамики, близкой к зарубинецкой. Кроме мнения о проникновении зарубинецкого населения на север, высказано и другое — о культурном влиянии. Наиболее последовательно вторую точку зрения отстаивает Е. А. Шмидт. Казалось бы, в пользу идей Е. А. Шмидта свидетельствуют данные о смене баночной слабопрофилированной керамики относительно сильно профилированной гладкостенной с вдавлениями по венчику и по верхней части корпуса горшка

не только в зоне от верховьев Западной Двины на западе до верховьев Оки на востоке, но и на дьяковских городищах бассейна Москвы-реки. Н. А. Кренке относит распространение этих инноваций в керамическом комплексе ко II—I вв. до н. э., что приблизительно совпадает с датой формирования древностей типа среднего слоя Тушемли, верхнего слоя Полужья и Упы-2 (разумеется, учитывая отмеченную выше условность датировок). Тем не менее, разобрав все аргументы за и против эволюционного развития дьяковской культуры, Н. А. Кренке пришел к выводу, что в бассейне Москвы-реки примерно на рубеже II—I вв. до н. э. появилось новое население (Кренке, 2011. С. 222, 223).

Отметим, что соотношение древностей типа среднего слоя Тушемли, верхнего горизонта Полужья и Упы-2 с более ранними культурами (днепро-двинской, юхновской, верхнеокской) не до конца понятно. Закрытых комплексов на среднетушемлинских памятниках нет совсем, а в Подесенье их известно всего четыре (две постройки из Синьково, заполнение рва из Подгородной Слободы-2, полуземлянка на городище Мощенка), причем последний из перечисленных не опубликован.

Все эти проблемы невозможно решить без проведения специальных исследований памятников конца I тыс. до н. э. — начала н. э. в лесной зоне Восточной Европы от Подвинья до Поочья, выполненных на современном уровне. Насущная задача при этом — скорейшая публикация материалов.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 1993. Археологическая карта России. Брянская обл. / Авт.-сост. А. В. Кашкин; под общ. ред. Ю. А. Краснова. М: ИА РАН. 304 с.
- Алексеев Л. В., 1963. Городище Девичья гора в Мстиславле // КСИА. Вып. 94. С. 73–79.
- Амброз А. К., 1964. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. // СА. № 1. С. 56–70.
- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. IV в. н. э. М: Наука. 111 с. (САИ; вып. Д1-30.)
- *Бидзиля В. И., Пачкова С. П.*, 1969. Зарубинецкое поселение у с. Лютеж // Новые данные о зарубинецкой культуре в Поднепровье / Отв. ред. П. Н. Третьяков. М: Наука. С. 51–74. (МИА; вып. 160.)
- *Горожанский Н. П.*, 1884. Материалы для археологии по губерниям и уездам. М.: Тип. А. А. Карцева. Вып. 1, 109 с.
- Горюнова В. М., 2004. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая эпоха) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье: Докл. науч. конф., посвящ. 60-летию со дня рожд. Е. А. Горюнова (Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2000 г.) / Ред. В. М. Горюнова, О. А. Щеглова. СПб.: Петербургское востоковедение. С. 43–87.
- Дробушевский А., 2011. Этнокультурные изменения в междуречье Днепра и Десны на рубеже н. э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 26. С. 76–83.
- *Каравайко Д. В.*, 2004. Матеріали юхнівської культури із фондів Чернігівського обласного історичного музею // Археологія. № 4. С. 66–70.
- *Каравайко Д. В.*, 2006. Бассейн Десны на рубеже эр (Юхново Почеп) // Археологічний літопис Лівобережної України. 2. С. 73–78.
- Карпов Д. А., Чубур А. А., 2002. Городище Кудеярка рубежа 1 тыс. н. э. у с. Хотылёво: (по материалам Ф. М. Заверняева) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 4. Ч. 1. С. 28–30.

А. М. Обломский

- Короткевич Б. С., 1992. Памятники типа среднего слоя городища Тушемля и днепро-двинская культура // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза: (да 80-годдзя з дня нараджэння А. Р. Мітрафанава). Менск: ИИ АН Белоруссии. С. 65–66.
- Кренке Н. А., 2011. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. I тыс. н. э. М: ИА РАН. 546 с.
- Кухаренко Ю. В., 1964. Зарубинецкая культура. М: Наука. 67 с. (САИ; вып. Д1-19.)
- Лопатин Н. В., 1991. Южные традиции в керамике Смоленского Поднепровья и северной Белоруссии в первой половине 1 тыс. н. э. // Археология и история юго-востока Руси. Курск: Курский гос. пед. ин-т. С. 50−53.
- *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.*, 2007. Северные рубежи раннеславянского мира. М: ИА РАН. 251 с. (Раннеславянский мир; вып. 8.)
- Обломский А. М., 1997. О некоторых спорных вопросах классификации керамики, периодизации и хронологии Чаплинского могильника // Stratum plus. Петербургский археологический вестник / Ред. М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов. СПб.; Кишинев: Научно-образовательный центр «Рудь Мэтониум». С. 138–146.
- Обломский A. M., 2010а. Памятники типа Почеп // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I II вв. н. э.). М.: ИА РАН. С. 45–53. (Раннеславянский мир; вып. 12.)
- Обломский А. М., 2010б. Памятники типа Марьяновки бассейна Южного Буга // Позднезарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I II вв. н. э.). М: ИА РАН. С. 16–35. (Раннеславянский мир; вып. 12.)
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В., 1991. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые вв. н. э. М: ИА АН СССР. 175 с.
- Падин В. А., 1966. Юхновские поселения Средней Десны // СА. № 2. С. 137–150.
- Пронин Г. Н., 1973. Отчет о работе Судостьского отряда Среднеднепровской экспедиции ИА АН СССР в 1973 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 4991.
- Седов В. В., 1964. Городище Церковище // КСИА. Вып. 102. С. 70-74.
- Смирнов А. С., 1975. Отчет о разведках Деснинского Левобережного отряда в 1974 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 5291.
- Столяров Е. В., 2012. Памятники типа Упа-2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов: конференция 3 / Ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Музей-заповедник «Куликово поле». С. 79—118.
- *Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.*, 1992. Памятники киевской культуры. Киев: Наукова думка. 224 с. (Свод археологических источников.)
- Третьяков П. Н., 1966. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л.: Наука. 308 с.
- Третьяков П. Н., Шмидт Е. А., 1963. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Наука. 194 с.
- Узянов А. А., 1972. Отчет о работе Брянского отряда Среднеднепровской экспедиции по обследованию археологических памятников Брянской обл. для составления Свода памятников в 1972 г. // Архив ИА РАН, р-1, № 4815.
- Фурасьев А. Г., 2000. Среднетушемлинские памятники Подвинья // Время великих миграций. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа. С. 201–208. (Stratum Plus; № 4/2000.)
- *Шадыра В. І.*, 1998. Аб паўднёвай мяжы днепра-дзвінскай культуры на Беларусі // Гістарычнаархеалагічны зборнік. № 13. Мінск. С. 88–97.
- *Шинаков Е. А.*, 2006. Многослойное поселение Борки-III под Погаром: (публикация материалов) // Русский сборник. Вып. 2–3 / Ред. А. А. Чубур, Г. П. Поляков. Брянск: БГУ. С. 55–68.
- *Шмидт Е. А.*, 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. М.: Прометей. 207 с.
- *Шукин М. Б.*, 1989. Семь сезонов славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа / Ред. Г. И. Смирнова. Л: Государственный Эрмитаж. С. 103–114.

А. Н. Кренке, Н. А. Кренке

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА КУРГАНОВ XI–XIII вв. В БАССЕЙНЕ МОСКВЫ-РЕКИ: ПОДХОДЫ К ВЫЯВЛЕНИЮ ЛОКАЛЬНЫХ СТРУКТУР И ЦЕНТРА ПОСЕЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

A. N. Krenke, N. A. Krenke. Kurgans of the 11th-13th cc. in the archaeological map of the Moskva River basin: Some approaches of revealing local structures and centres of settling system

Abstract. The paper analyses maps of medieval Russian kurgans in the Moskva River basin compiled with application of various methods, including GIS technologies. Analysis of the maps has revealed the advantages of the latter for accomplishing different investigational tasks. Maps showing number of the mounds in local groups prove to be most informative for revealing local centres of settling system and foci of initial settling of the territory. Maps of kurgans clusters' density with mounds number not shown appear to be promising, when establishing centres of population concentration within the macroregion, in given case the area 15 to 37 km large in the Moskva and Pakhra rivers interfluve. Diagrams of distances separating the sites and establishing the areas of Thiessen polygon tessellation let make an assessment of the degree of the territory structuring and determine the area of resource base for given dwelling sites.

Ключевые слова: средневековые курганы, ГИС, карты, структура расселения.

Целью статьи является анализ пространственного распределения важнейшей категории древнерусских памятников москворецкого региона — курганов XI–XIII вв. Выполнение этой работы с применением современных методов ГИС-анализа необходимо для ответа на вопросы, какова была поселенческая структура в Москворечье, где находились наиболее заселенные и интенсивно освоенные земли. Эта информация необходима для реконструкции исторических процессов, происходивших в регионе накануне сложения Московского княжества.

Историография. Задача составления карты древнерусских курганов Московского региона была поставлена еще А. П. Богдановым в 1865 г. (*Богданов*, 1865. С. 8) в связи с тем, что уже тогда курганы исчезали на глазах. Нужно отметить, что к моменту, когда писал А. П. Богданов, существовало несколько подробных топографических карт московских окрестностей с нанесенными на них курганами.

Самая древняя из них, но очень качественная — это «План села Черная Грязь» 1775 г. Курганы изображены также на карте 1826 г., снятой полковником Кахановым 2-м («Карта глазомерной съемки окрестностей Москвы между Звенигородскою и Тульскою большими дорогами», масштаб 200 сажень в дюйме). Две подробные топографическая карты Москвы и ее окрестностей с нанесением на них курганов были выполнены по материалам съемок 1838—1839 гг. офицерами Военно-топографического депо под руководством ген.-лейт. Ф. Ф. Шуберта. Наиболее детальную карту военно-топографического бюро масштаба 1 : 21 000 (в 1 см 210 м) никто из археологов ранее не использовал. Впервые информация данной карты была учтена при составлении каталога археологических памятников Москвы, изданного в 2004 г. (Кренке, 2004а). Эта карта дает информацию, сопоставимую с планами курганных групп Владимирской губернии, составлявшихся в ходе работ А. С. Уварова в 1850-е гг.

Перед Антропологической выставкой 1878 г. был опубликован список курганов Московской губернии за подписью М. А. Саблина (*Саблин*, 1879). Этот список является результатом суммирования ответов уездных исправников на разосланные через губернский статистический комитет анкеты. Сохранилась рукопись, составленная в губернском статистическом комитете в 1878 г.: «Сведения о курганах, находящихся в переделах Московской губернии» (ЦИАМ. Ф. 199. Оп. 2. Д. 94. Л. 92–111).

В 1920-е гг. исследователи стали наносить археологические памятники Подмосковья на довольно точные топографические основы. В основном использовались листы двухверстной карты (масштаб 1 : 84 000). На такую карту наносил памятники звенигородской округи А. В. Чаянов (Чаянов, 2007). Картудвухверстку Московской губернии использовал в 1927 г. студент В. Г. Карцов при составлении археологической карты р. Сетуни (Карцов, 1928). На этой же основе в первой половине 1920-х гг. была составлена археологическая карта верхнего течения Пахры (Дубынин, Киселев, 1929). Более подробную топографическую основу масштаба 1 : 42 000 использовал А. Я. Брюсов с коллегами при картировании курганов Рожайки и Истры (Брюсов и др., 1923). Особенно следует отметить тщательность работы учащегося (!) Сухановской школы П. А. Герасимова (Герасимов и др., 1925). Курганы в бассейне нижнего течения р. Пахры были нанесены им на топографическую основу, увеличенную до масштаба 1 : 25 000.

Археологические памятники центрального участка – в пределах Москвы и ее окрестностей, были картированы О. Н. Бадером. Он использовал карту Москвы и окрестностей масштаба 1 : 50 000, изданную в 1930 г., однако текст О. Н. Бадера был опубликован без самой карты (*Бадер*, 1947).

Исследователи, активно работавшие в Подмосковье по древнерусской тематике в 1960-е – 1980-е гг., – Р. Л. Розенфельдт, А. А. Юшко, Т. В. Равдина – обследовали, открыли и описали множество памятников, но были вынуждены использовать очень плохие, искаженные карты. Итоги работы по составлению археологической карты памятников Подмосковья древнерусского времени подведены А. А. Юшко (*Юшко*, 1991). Она впервые попыталась оценить плотность древнерусских памятников, разбив территорию обследования на квадраты площадью 100 км² каждый (Там же. Рис. 2).

Исходные данные. В основе настоящей работы лежит составленная авторами карта древнерусских археологических памятников бассейна Москвы-реки масштаба 1:500 000. Памятники наносились в соответствии с данными последних публикаций по Московской области (АКР, 1994—1997) и Москве (Кренке, 2004а). Утраченные памятники наносились на карту наряду с сохранившимися. Примерно 150 памятников, отсутствующих в АКР, нанесено на карту по данным, предоставленным авторами исследований и отчетам¹.

Количество памятников больше, чем было учтено в работе А. А. Юшко (1991). Особенно это касается селищ. Их количество выросло в три раза. Увеличилось и число картированных курганных групп, в основном за счет архивно-картографических исследований. Главное отличие составленной нами карты от данных, опубликованных в работе А. А. Юшко (*Юшко*, 1991. Рис. 42), заключается в более корректной привязке памятников к гидросети и определении их географических координат.

Общее количество учтенных древнерусских памятников в москворецком бассейне весьма впечатляющее — $1264~(829~{\rm курганных}$ групп, $425~{\rm селищ}$ и поселений на площадках городищ железного века, $3(2?)^2$ города и 7 городищ). На карту (рис. 1) нанесены $819~{\rm курганныx}$ групп 3 (табл. 1).

Регион	Численность курганных групп	Количество курганов				
Москва-река и мелкие притоки	455	4406				
рр. Руза и Озерна	34	536				
басс. р. Истры	71	806				
басс. р. Пахры	208	1594				
басс. р. Северки	62	329				
Всего	829	7671				

Таблица 1. Численность курганных групп и курганов в бассейне Москвы-реки

Методика и термины. Для анализа системы расселения была выбрана лишь одна наиболее представительная и более поддающаяся объективному анализу категория памятников — курганы. Сделав так, мы исходили из установленных ранее закономерностей в количественном и пространственном соотношении поселений и курганных могильников (Кренке, 2003; 20046; Кренке и др., 2008). Каждому поселению соответствовала отдельная курганная группа. Она располагалась, как правило, вблизи поселения на удалении не более 500 м. При крупных курганных группах размещаются относительно небольшие поселения

¹ Авторы благодарны за предоставленную информацию М. И. Гоняному, А. В. Лазукину, Д. В. Соловьеву, А. А. Юшко, Б. Е. Янишевскому

² Статус Звенигорода остается спорным.

³ Авторы благодарны В. Н. Мирон за проведенную техническую работу по нанесению памятников на карту и привязке их к координатной сетке.

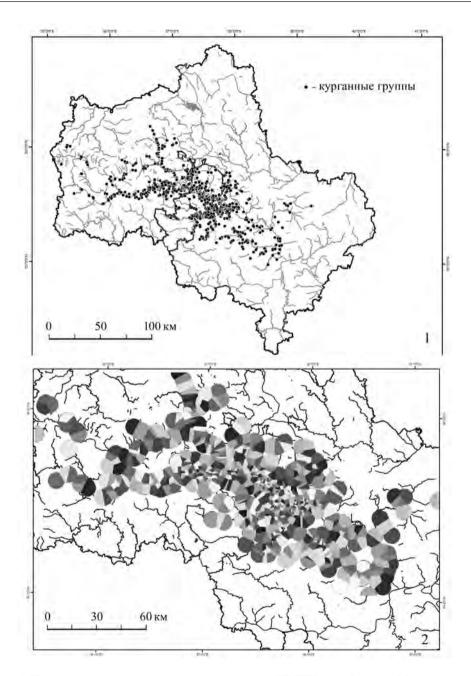

Рис. 1. Карта исходных данных – курганные группы XI–XIII вв. в бассейне Москвы-реки; полигоны Тиссена, характеризующие размер земельных владений древнерусских поселений

площадью в несколько тысяч кв. м, такие же, как и при маленьких курганных группах. Эти данные указывают на то, что численность курганов в группе определялась, прежде всего, длительностью функционирования поселения. Таким образом, анализируя карту курганов, мы фактически рассматриваем поселенческую систему. В идеале в будущем можно будет анализировать карту именно поселений. Пока же по нашей оценке лишь треть существовавших древнерусских поселений региона найдена, тогда как курганы зафиксированы почти все.

Изучение древнерусских древностей Подмосковья позволило авторам прийти к выводу, что было две волны древнерусской колонизации региона. Первая относится ко второй половине XI в. Древности этого периода представлены почти исключительно селищами, расположенными в долине Москвы-реки и Пахры. Вторая волна, датирующаяся рубежом XI/XII вв. — первой половиной XIII в., представлена поселениями и курганами, расположенными как в долине основных рек, так и по мелким притокам. Изучению древностей этой второй волны и посвящена настоящая статья.

В качестве основного инструмента пространственного анализа использовался алгоритм вычисления плотности заданных точечных объектов на местности. Алгоритм разбивает всю территорию на элементарные единицы (пиксели) и выставляет каждому пикселю условное значение плотности, соответствующее количеству объектов в некой зоне поиска вокруг пикселя. В данном случае размер пикселя равнялся 100×100 м. Управляющим параметром алгоритма является «чувствительность», которая задает радиус зоны поиска объектов для каждой элементарной единицы. Плотность может рассчитываться как с учетом веса каждой точки, так и без него. В первом случае, например, курганная группа из 10 курганов создает такую же плотность, как пять групп по два кургана. Во втором случае все группы считаются «равноправными» вне зависимости от количества курганов. Расчеты проведены обоими способами.

Ряд расчетов плотностей проведен с различными значениями чувствительности. Значения подбирались исходя из археологической семантики используемых дистанций. В итоге за основные значения «чувствительности» были приняты 5 и 10 км. Таким образом, построены четыре карты плотности (см. цв. вклейку, рис. X, XI).

Смысл такого подхода заключался в том, чтобы в первом случае выявить локальные центры поселенческой системы, а во втором — выявить положение «центральной области поселенческой системы», если таковая имелась. Параметры выбранных радиусов не вполне случайны. 5-километровый радиус — это стандарт при расчете ресурсных зон поселений. Неоднократно высказывались соображения, что расстояние, равное примерно одному часу пешего хода или 5 км это пространственный порог удаленности полей от поселений и вообще порог зоны интенсивной хозяйственной эксплуатации. 10-километровый радиус — это фактически «зона хорошей осведомленности» — расстояние, на которое можно отойти за один день, что-то сделать и вернуться обратно в исходную точку.

Как уже отмечалось выше, в результате микрорегиональных исследований было установлено, что численность курганов в группе не имеет положительной корреляции с размером поселения. То есть размер курганной группы определялся, прежде всего, длительностью функционирования могильника

(и поселения соответственно). Таким образом, учитывая численность курганов в группе, мы не оцениваем, пусть даже косвенно, плотность одновременно жившего населения, а оцениваем количество населения, жившего на данной территории за весь рассматриваемый исторический период. Можно условно назвать этот показатель «интенсивность освоенности ландшафта» (см. цв. вклейку, рис. Х, *I*; XI, *I*). Данное определение очень условно. Понятно, что численность людей, живших и умерших на какой-то территории, имеет очень многогранный смысл, в том числе имеет значение для этнолокального самоопределения, осознания группой людей конкретного участка земли как «своей» территории, сакрализации этой территории и т. п. Нет сомнений, что данный показатель имеет важное историческое значение, а его смысл нужно детализировать в будущих исследованиях.

Подход, когда численность курганов в группе не учитывалась, дает характеристику плотности расположения памятников. Фактически это показатель плотности поселенческой системы. Поскольку нет объективных данных для хронологического «расслоения» всего массива на более дробные хронологические группы, то 150-летний период с начала XII в. по середину XIII в. воспринимается как единый.

Результаты. Перейдем теперь к анализу полученных генерализованных карт.

В первом случае, когда радиус чувствительности точек равнялся 5 км (рис. X), карта «интенсивности освоенности ландшафта дает нам своеобразную «цепочку» локальных центров, выстроившихся с интервалом 5–10 км вдоль долины верхнего и среднего течения Москвы-реки (от устья р. Исконы до устья Пахры), в нижнем течении р. Пахры и ее притоке Рожайке, а также в верховьях р. Пехорки. Всего можно насчитать 15 таких локальных центров, не считая одного совершенно изолированного, расположенного в верховьях р. Рузы. Первое место (наиболее интенсивный цвет на карте) занимает локальный центр, расположенный в бассейне р. Самынки.

«Карта плотности памятников» дает совершенно иную картину. Ясно выделяются два наиболее значимых центра -1) в районе Теплостанской возвышенности в черте современной Москвы, включая долины мелких речек, стекающих с нее; 2) на «стрелке» междуречья Москвы-реки и Пахры. Размеры этих двух центров невелики — диаметры около 10—15 км.

Если оценивать степень освоения бассейна Москвы-реки в целом, то хорошо видно, что долины основных водных артерий освоены почти сплошь. Исключение составляют неосвоенные верховья Москвы-реки, Пахры, Десны, Мочи, Коломенки. Четко выделяется пустая зона от Исконы до среднего течения Рузы, отделяющая памятники верховьев Рузы от москворецких. Также пустая зона протянулась по водоразделу на левобережье Москвы-реки между реками Руза и Истра. Узкая полоса неосвоенной земли окаймляет с севера бассейн р. Северки, отделяя ее от основного массива памятников.

При подсчете с радиусом чувствительности точек в 10 км (рис. XI) картина меняется довольно существенным образом. Карта «интенсивности освоенности ландшафта» рисует четыре локальных центра (перечислены далее в порядке значимости): 1) «стрелка» междуречья Москвы-реки и Пахры, включая устье р. Рожайки, смыкающаяся с бассейнами рек Сетуни, Раменки, Очаковки; 2) район долины Москвы-реки от Дунино до Успенского, включая бассейн ее

правого притока Большой Вяземки; 3) бассейны левых притоков Москвы-реки Закзы – Самынки – Чаченки; 4) верховья р. Пехорки.

Карта плотности памятников показывает один «суперцентр» – правобережье Москвы-реки, начиная от бассейна рек Раменки, Очаковки до «стрелки» междуречья Москвы-реки и Пахры. Размеры этого пятна — 15×37 км. При этом центр тяжести находится в северо-западной части ареала (долины правых притоков Москвы-реки от р. Раменки до р. Людовки). При таком уровне генерализации хорошо видно, что фактически вся территория бассейна Москвы-реки входила в зону освоения.

Также для курганных групп были рассчитаны полигоны Тиссена и расстояния до ближайшего соседа (рис. 2). Суть метода построения полигонов Тиссена в том, что каждый полигон содержит только одну точку (курганную группу), и любое место в пределах этого полигона находится ближе к связанной с ним точке, чем к точке любого другого полигона. То есть граница двух соприкасающихся полигонов Тиссена проходит через середину отрезка расстояния между соседними точками.

Полигоны можно интерпретировать как «жизненное пространство» каждой курганной группы. В данном случае максимальный размер полигона был ограничен кругом вокруг курганной группы с радиусом 5 км. Таким образом можно оценить компактность курганных групп, при этом отдельно стоящие группы (курганы) не будут искажать общей картины.

Обе полученные гистограммы имеют логарифмический характер. Половина минимальных расстояний между соседними курганными группами приходится на диапазон 300–1000 м. Примерно 35 % минимальных расстояний приходится на диапазон от 1000 до 3000 м. Также существует класс совсем близко расположенных памятников, расстояние между которыми менее 300 м (их 6 %).

Полигоны Тиссена дают нам представление о степени парцеллизации культурного ландшафта. 35 % территорий, «принадлежащих» отдельным курганным группам, составляют от 2 до 400 га. Около 40 % «парцелл» имеют площадь от 400 до 2000 га. Маленькие парцеллы сосредоточены по долине Москвы-реки в ее среднем течении и в нижнем течении р. Пахры. Средняя толщина «коридора», заполненного маленькими парцеллами, составляет 7 км.

Обсуждение и выводы. Примененный подход с двумя уровнями генерализации и двумя способами подсчета плотности точек позволяет выделить «две стороны медали» — локальную структуризацию и главный центр. Полигоны Тиссена позволяют дополнительно выделить «центральную» и «периферийную» зоны. Центральная зона (7-километровый коридор в среднем течении Москвы-реки, нижнем течении р. Пахры и ее притока Рожайки) при любом способе подсчетов выделяется как зона постоянного расселения, где далеко не все объекты синхронны, а, видимо, сменяли друг друга. Это следует из того, что «жизненное пространство» каждого памятника в этой зоне крайне мало — менее 200 га, а расстояния между соседними точками в среднем менее 600 м. Именно эта территория может считаться как максимально окультуренный ландшафт и ядром расселения. Визуально хорошо прослеживается граница ядра (мелкофрагментированные парцеллы) и периферийной зоны. Также можно сделать выводы: 1) при заданном радиусе в 5 км для построения

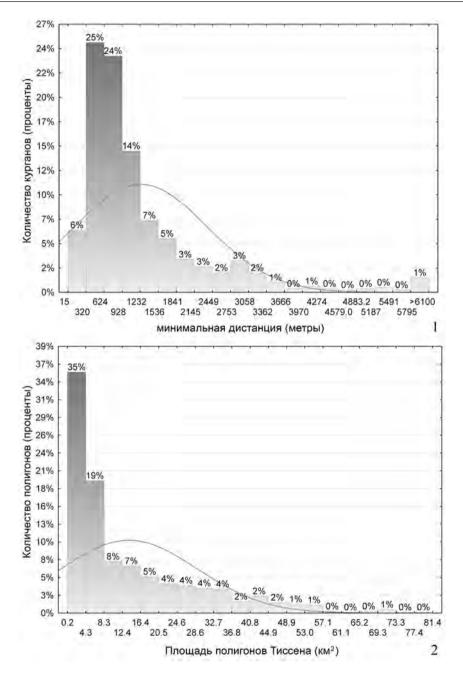

Рис. 2. Гистограммы минимальных расстояний между ближайшими точками (курганными группами) (1) и площади полигонов Тиссена (2)

полигонов вся территория образует непрерывный ансамбль; 2) периферийная зона «вытекает» из одного ядра.

Локальная структуризация поселенческой системы видна, главным образом, на картах интенсивности воздействия ландшафта. Этот факт ценен сам по себе, так как показывает методическую ценность подсчета плотности памятников именно с учетом числа курганов в группах. При использовании радиуса в 5 км наиболее четко выявляются серия компактных локальных центров, что имеет существенную историческую значимость. Два наиболее ярко выделенных цветом локальных центра – в бассейне р. Самынки и в среднем течении р. Рожайки (см. цв. вклейку, рис. Х), – вероятно, указывают на их особую значимость на ранней фазе колонизации. При изменении параметров подсчета плотности в сторону увеличения радиуса чувствительности точек эти центры «размываются». Применение радиуса чувствительности в 10 км (см. цв. вклейку, рис. XI) фактически рисует процесс слияния нескольких локальных центров (в районе междуречья Москвы-реки и Пахры) в один, «ослабление» мелких локальных центров в среднем и верхнем течении Москвы-реки. Выявленные на карте интенсивности освоения локальные центры второго порядка имеют существенное историческое содержание. Это очаги колонизации второй колонизационной волны (первая волна славянской колонизации региона XI в. почти не оставила курганов и здесь не рассматривается). Данные раскопок это подтверждают. В Горышкино были найдены курганы с обрядом трупосожжения, поселения и курганы Самынки, Рожайки и Пехорки дали комплексы с лепной и раннекруговой керамикой конца XI в.

Таким образом, переход от одной карты к другой можно воспринимать как процесс исторического развития. Карта с радиусом чувствительности 5 км лучше отражает раннюю ситуацию раздробленности, карта с радиусом чувствительности в 10 км лучше характеризует относительно позднюю ситуацию «консолидации» конца XII – XIII в.

Оба метода подсчета с учетом количества курганов и без их учета при радиусе чувствительности точек в 10 км согласованно выделяют одну наиболее насыщенную область (выше она была названа ядром) – простирающуюся по правому берегу Москвы-реки от долины р. Сетуни (в черте современной Москвы) до р. Пахры. При этом карта с радиусом в 5 км рисует два «полюса» в этой области (возможно, так было на раннем этапе!). Эта сравнительно небольшая территория (площадь не более 500 км²) являлась ядром сельского расселения в бассейне Москвы-реки (центр первого порядка). Именно здесь следует видеть центр сложения своеобразной культуры региона, искать мастерские, производившие «этноопределяющие» украшения (семилопастные височные кольца, перстни, браслеты, гривны и пр.). В пределах этой области уже были выявлены уникальные артефакты – раннекруговой горшок X-XI вв. на селище Царицыно-2, находки височных колец начала XIII в. с изображениями на лопастях, имевшими сложную семантическую нагрузку (ромбы, свастики, «книжные» плетенки). Вероятно, именно в пределах этого региона находились места (место?), где решались важнейшие вопросы (административные, в т. ч. судебные, бытовые, сакральные) жизни всей москворецкой группы славян.

А. Н. Кренке, Н. А. Кренке

Город Москва максимально приближен к этой области, но не включен в нее, а наоборот, как бы «противостоит» и «притягивает». Видимо, эти пространственные соотношения далеко не случайны, за ними кроются определенные социальные антагонизмы.

Таким образом, установив 5-километровые зоны для плотностей и полигонов Тиссена, мы получили компактный и пространственно непрерывный ансамбль расселения. Разделение на ядро и периферийную зону целиком не отражает разнообразия расселения. Очевидно, что существовало несколько типов зон (плотности освоения/расселения), обусловленные природными, а, возможно, социальными и хозяйственными факторами. Возможный путь к выделению и дальнейшему анализу этих зон находится в области исследования оптимальных «жизненных пространств», при которых не нарушается непрерывность освоения территории. Так можно подойти к обоснованному районированию сельского расселения.

ЛИТЕРАТУРА

- АКР, 1994—1997. Археологическая карта России. Московская обл. / Под ред. Ю. А. Краснова. Т. 1–4. М.: ИА РАН.
- *Бадер О. Н.*, 1947. Материалы к археологической карте Москвы и ее окрестностей. МИА. № 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 88–167.
- Богданов А. П., 1865. Курганное племя Московской губернии. М.: Университетская типография. 24 с
- *Брюсов А. Я., Липеровская Е. Н., Городцов М. В.*, 1923. Отчет о разведках, произведенных студентами Факультета общественных наук 1-го Московского университета в Воскресенском и Подольском уездах Московской губернии // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Д. № 95.
- Герасимов П. А., Ахламов Д., Костомаров В., 1925. Археологическая карта нижнего течения р. Пахры // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 101.
- Дубынин А. Ф., Киселев С. В., 1929. Материалы для археологической карты Московской губернии. Археологическая разведка по верхнему течению р. Пахры // Московский краевед. Вып. 2 (10). М. С. 3–6.
- Карцов В. Г., 1928. К материалам по составлению археологической карты Московской губернии: археологическая карта бассейна р. Сетунь // 1 МГУ. Сб. научно-археологического кружка. Вып. 1. М. С. 9–11.
- *Кренке Н.А.*, 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII–XIII вв. // Русь в XIII веке. М.: Наука. С. 151-167.
- Кренке Н. А., 2004а. Каталог памятников археологии X–XIII вв. на территории Москвы // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука. С. 319–378.
- Кренке Н. А., 2004б. Система поселений и землепользования в долине р. Язвенки в XII–XIII вв. // Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. 1. М.: Наука. С. 77–124.
- Кренке Н. А., Бакунова Т. Н., Нефёдов В. С., Русаков П. Е., 2008. Древнерусские поселения на Верхне-Царицынском, Шипиловском и Борисовском прудах // Археология парка «Царицын». М.: ИА РАН. С. 81–92.
- Саблин М. А., 1879. Список курганов Московской губернии // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXXV. Вып. 1. М. С. 185–188.
- Чаянов А. В., 2007. Отчет об археологических работах в Звенигородском уезде в 1928 и 1929 гг. // Археология Подмосковья. Вып. 3. М.: ИА РАН. С. 26–40.
- *Юшко А. А.*, 1991. Московская земля IX–XIV вв. М.: Наука. 198 с.

Л. Э. Голубев, В. Н. Чхаидзе

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТАНИЦЫ НОВОДОНЕЦКАЯ (ВЫСЕЛКОВСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)*

L. E. Golubev, V. N. Chkhaidze. Medieval stone sculptures from the environs of the village of Novodonetskaya (Vyselkovsky District, Krasnodar Region)

Abstract. This article is devoted to two medieval stone sculptures which were discovered in 2010 in the environs of the village of Novodonetskaya (Vyselkovsky District of the Krasnodar Region). The first sculpture was of a standing male figure and the second depicted a standing female figure. Their chronology has been established as falling within the 12th–14th centuries. The sculptures could be associated with a nomadic Polovtsi community.

Ключевые слова: каменные изваяния, половцы, средневековье, степное Прикубанье.

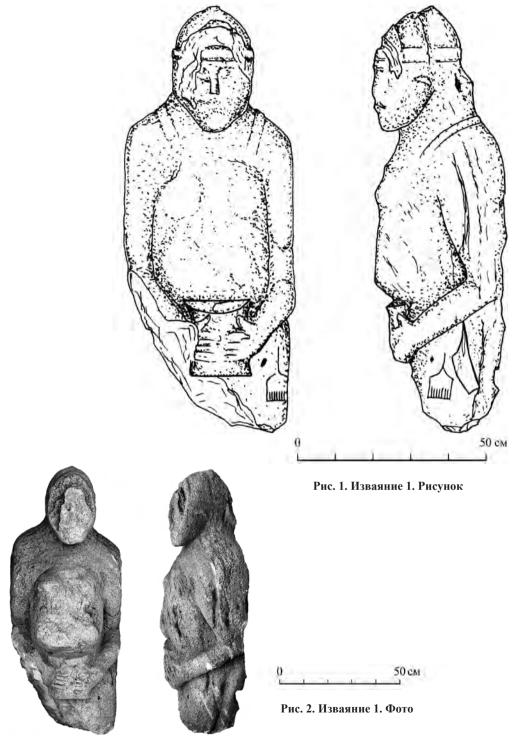
Летом 2010 г. во время проведения пахотных работ на земельном участке, находящемся в 2,7 км к юго-западу от ст. Новодонецкая, плугом из земли было вывернуто мужское каменное изваяние. Первоначально изваяние хранилось в музее пос. Бейсужеск 2-й.

При визуальном обследовании на месте находки выявлено, что изваяние находилось на одном из трех сильно распаханных плотно стоящих друг к другу курганов, образующих группу (Закон Краснодарского края... № 6441). В ноябре 2010 г. изваяние было перевезено на хранение в Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына (*Голубев, Зеленский*, 2012. С. 17. Рис. 1—3).

По сообщению работников сельского клуба пос. Бейсужеск 2-й, в экспозиции народного музея хранится еще одно каменное женское изваяние, происходящее с того же поля. В настоящей работе публикуются оба изваяния.

Изваяние 1 (рис. 1, 2) мужское, стоящего типа, объемное. Изготовлено из серо-желтого крупнозернистого песчаника, состояние неудовлетворительное, поверхность выветрена. Ноги и правая часть ниже пояса утрачены. Сохранившаяся высота -132 см.

^{*} Работа выполнена по проекту РГНФ № 12-31-01310 а2.

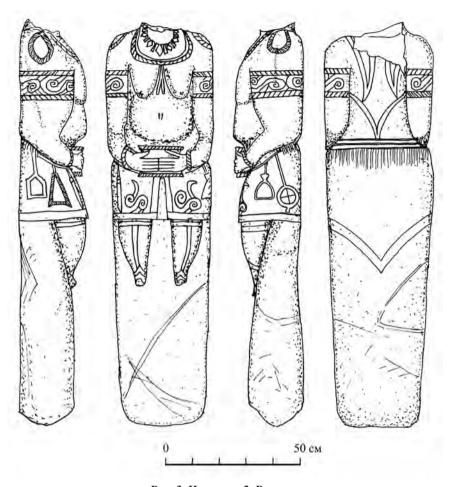
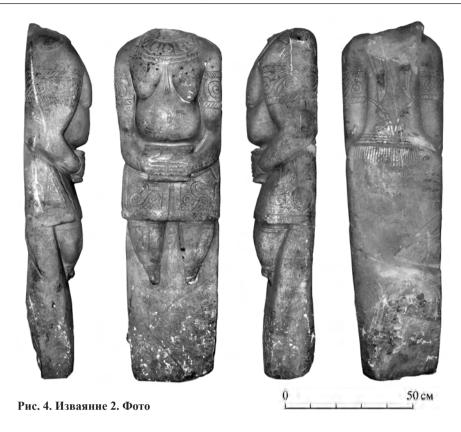

Рис. 3. Изваяние 2. Рисунок

Голова низко посажена, подбородок ниже уровня асимметричных плеч. Черты лица практически не сохранились, исключая чуть выделяющийся в профиле нос. Хорошо прорисованы пальцы рук.

На голове располагается шлем полуяйцевидной формы с обручем внизу, однако определить его тип не представляется возможным. На груди слабо выражены бляхи. На плечах и частично за спиной сохранились ремни. Выделяется изображение цилиндрического ритуального сосуда типа III (Плетнева, 1974. С. 52. Рис. 23, 6). Руки на сосуде относятся к типу I (Там же С. 51. Рис. 23, 12). На поясе слева — односторонний с треугольной основой и длинными зубцами гребень типа I (Там же. С. 31, 33, 49. Рис. 10, 16) и плохо сохранившийся лук в налуче с вогнутой внутрь спинкой типа III (Там же. С. 31. Рис. 9, 10–19).

Изваяние относится к типу I, подтипу б (Φ едоров-Давыдов, 1966. С. 168); типу III, подтипу А (Π летнева, 1974. С. 61. Рис. 33).

Изваяние 2 (рис. 3, 4) женское, стоящего типа, без фона. Фигура объемная. Изготовлено из известняка очень хорошей сохранности, с отшлифовкой. Голова и ступни ног отбиты и утрачены. Высота сохранившейся части – 135 см.

На спине изваяния присутствуют две косы в футлярах, без лопасти – части головного убора типа II (Плетнева, 1974. С. 38. Рис. 16, 2; 17. Табл. 7). Руки согнуты в локтях и плотно прижаты к туловищу, положение «на сосуде» тип I (Там же. Рис. 23, 12). Ритуальный сосуд с выделенными в виде валиков и украшенными косыми насечками венчиком и дном, типа III (Там же. С. 51, 52. Рис. 23, 7). На груди ожерелье из подвесок разной формы: ромбической и прямоугольной типа II, подтипа 1 (Там же. С. 45. Рис. 20, 1; 21. Табл. 10), две гривны, причем нижняя витая, а верхняя из гладкого дрота (Там же. С. 45, 47. Рис. 20, 9-14. Табл. 11), и нагрудная подвеска в виде раздвоенного шнурка (?) (Там же. С. 47). Ворот на кафтане отсутствует (отбит?). На плечах поверх кафтана имеются завитки в виде косой насечки (нашивные шнуры?) (ср.: Там же. С. 50, № 43, 47, 698. Табл. 11, 14, 47). На запястьях обеих рук – браслеты с орнаментом из гнутых линий, сверху и снизу огражденных полосами в виде косой насечки (Там же. С. 51. Рис. 23, 39). Орнамент «гнутые линии» известен только на статуях Предкавказья и Донбасса (Гераськова, 1991. С. 85-91. Рис. 18, 20. Табл. 22, 23; 1999. С. 422, 423. Рис. 10, 12). Рукава подчеркнуты линией с косыми насечками, вероятно, имитирующими витой или плетеный шнур

(Плетнева, 1974. С. 34, 35. Рис. 12, 10). Подол кафтана расходящийся — тип II, с орнаментом в виде гнутых линий и с завитками (Там же. С. 35, 51. Рис. 12, 17; 23, 39). Чресла опоясывает пояс в виде тройной полосы, прослеженный и на спине (ср.: Там же. С. 36, № 1120. Табл. 61). По мнению М. В. Горелика, так на изваяниях изображался половецкий кафтан с отрезным сборчатым подолом (Горелик, 2010. С. 208. Рис. 11). На поясе справа — нож с прямой спинкой, типа III (Плетнева, 1974. С. 31, 49. Рис. 10, 6, 8; 20, 17), предмет непонятного назначения (ср.: Там же. С. 49. Рис. 20, 20) и кошелек (Там же. Рис. 10, 23), слева еще один кошелек (Там же. Рис. 10, 37, 39) и круглое зеркало с крестовидным узором в круге, типа II (Там же. Рис. 20, 15). На ногах сапоги (Там же. С. 37).

Изваяние относится к типу I, подтипу а (Φ едоров-Давыдов, 1966. С. 168); типу III, подтипу Б (Π летнева, 1974. С. 65, 69. Рис. 34–36); типу 26 (массив В) (Γ ераськова, 1991. С. 45–53, 55–57, 79–82. Рис. 6, 8). Следует отметить типологическое сходство женского изваяния с изваянием из музея г. Кропоткин (Ψ хаи-дзе, 2008. С. 125. Рис. 7).

Датировка обоих рассмотренных изваяний устанавливается в пределах XII—XIV вв. (Гераськова, 1991. С. 81, 82); они могут быть связаны с половецким кочевым объединением, так как относятся к выделенному автором «массиву В». Именно этим временем датируется большинство тюркских каменных изваяний. Среди скульптуры степей Восточной Европы известны разнообразные по семантике экземпляры, которые с осторожностью можно связать с различными средневековыми тюркскими народностями. Подобное наблюдение обосновано и научно: выделено три массива, из которых массив А предположительно отождествляется с печенегами; массив С – с торками; наиболее представительный массив В связывается с половцами (Там же. С. 66–97. Рис. 12–25. Табл. 16–26).

В заключение отметим, что поблизости от ст. Новодонецкая известна находка каменного изваяния у ст. Березанская (Зеленский, 2008. С. 165). Еще одно изваяние, предположительно, было обнаружено в ближайшей округе ст. Выселки (Нарожный и др., 2012. С. 80, 81. Рис. 1–3).

ЛИТЕРАТУРА

- Гераськова Л. С., 1991. Скульптура середньовічних кочівників степів Східної Європи. Київ: Наукова думка. 129 с., 24 табл.
- Гераськова Л. С., 1999. Новое в изучении монументальной скульптуры кочевников средневековья // Неславянское в славянском мире. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 408–435. (Stratum plus; № 5).
- Голубев Л. Э., Зеленский Ю. В., 2012. Новая находка половецкого каменного изваяния из степного Прикубанья (Выселковский район) // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: К 70-летию исследования Убинского могильника: Мат-лы Межрегион. круглого стола (Краснодар, 9 июня 2011 г.) / Ред. А. Г. Еременко. Краснодар: КГИАМЗ им. Е. Д. Фелицына: Вика-Принт. С. 17–20.
- Горелик М. В., 2010. Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII–XIV вв.) // МИАСК. Вып. 11. С. 207–231.
- Зеленский Ю. В., 2008. Формирование коллекции половецких каменных изваяний Краснодарского музея в 50–80-е гг. ХХ в. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Владикавказ: Изд-во СОИГСИ. С. 164–165.

Л. Э. Голубев, В. Н. Чхаидзе

- Нарожный Е. И., Соков П. В., Харольская О. Г., 2012. Новое каменное изваяние эпохи средневековья из Выселковского района Краснодарского края // МИАСК. Вып. 13 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир: Краснодар: ОАО «Наследие Кубани». С. 80–85.
- Закон Краснодарского края «О пообъектном составе недвижимых памятников истории и культуры местного значения, расположенных на территории Краснодарского края: закон Краснодарского края» № 313-КЗ от 17.08.2000 г.: принят Законодательным Собранием Краснодарского края 28 июля 2000 года: по состоянию на февраль 2006 года // Семерка: Российский правовой портал: архив. URL: http://zakon.law7.ru/legal1/pravo20/index.htm. Дата обращения: 10.12.2013.
- Плетнева С. А., 1974. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука. 200 с. (САИ; вып. Е 4-2.)
- Федоров-Давыдов Γ . А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ. 274 с.
- Чхаидзе В. Н., 2008. Погребения средневековых кочевников и каменные тюркские изваяния из степного Прикубанья // МИАСК. Вып. 9 / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир: Центр археологических исследований Армавирского ГПУ. С. 118–138.

И. А. Дружинина

ПОГРЕБЕНИЕ С ПРЯЖКАМИ-ПАФТАМИ ИЗ АДЫГСКОГО МОГИЛЬНИКА ГРУЗИНКА ХА

I. A. Druzhinina. A burial with paft buckles from the Adygei burial-ground Gruzinka Xa

Abstract. This article is devoted to the publication of a find rare for the Adygian burial-grounds of the North-Western Caucasus – two paft buckles, which are a characteristic detail of female costume in the Carpathian-Balkan region. The female burial in burial-mound 42 of the Gruzinka Xa cemetery where the paft buckles were found could be dated to the 17th century.

Ключевые слова: адыги, курганы, пафти, XVII в., женский костюм Карпато-Бал-канского региона.

Курганная группа Грузинка Ха расположена на правобережье р. Абин (Абинский район, Краснодарский край), недалеко от подножия юго-западного склона хребта Грузинка, в 300 м к северу от русла реки и проходящей вдоль него дороги между станицами Шапсугская и Эриванская (в 4,7 км к востоку от ст. Шапсугская и 3,5 км к западу-северо-западу от ст. Эриванская). Памятник выявлен в 2002 г. сотрудниками Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН, руководитель А. Н. Гей (*Малышев и др.*, 2003. С. 254). Изучение курганной группы проводит Абинская экспедиция ИА РАН, до 2006 г. – средневековая группа Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА РАН (*Дружинина и др.*, 2004. С. 261, 262; 2005. С. 285, 286; 2007. С. 309–311; 2010. С. 265; *Дружинина, Чхаидзе*, 2004. С. 350, 351; 2011а. С. 149; 2011б. С. 275, 276; *Гей*, 2005. С. 36–38, 45–47). Памятник принадлежит к числу адыгских позднесредневековых могильников.

Курганная группа Грузинка Ха насчитывает 60 насыпей. Курганы большей частью небольших размеров (до 0,5 м высотой и до 7 м в диаметре). По основанию насыпи окружены каменной обкладкой. Погребения одиночные, исключение составляет парное захоронение мужчины и женщины в кургане 17.

¹ Здесь и далее половозрастные определения скелетного материала выполнены к. биол. н., старшим научным сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова Д. В. Пежемским, которому выражаем глубокую благодарность.

Погребения совершены в центре подкурганной площадки, на древнем горизонте. В большинстве случаев под насыпями выявлены разнообразные каменные конструкции: сложенные из 4–6 рядов камней гробницы-крепиды, овальные и прямоугольные в плане обкладки погребений, а также группы камней, уложенные в 2–3 слоя в головах и ногах погребенных. В ряде курганов околомогильные каменные конструкции не обнаружены. Эти особенности указывают на существовавшие различия в погребальных традициях адыгов, оставивших памятник, что в свою очередь может быть объяснено разноплеменной структурой адыгского населения, занимавшего долину р. Абин в эпоху позднего средневековья. Последнее наблюдение подтверждает и локальная обособленность разных типов погребальных конструкций на общем плане курганной группы, отражающая этапы формирования памятника, связанные с изменениями субэтнического состава населения.

Общая датировка памятника устанавливается в пределах XVI–XVIII вв.

Вещевой набор исследованных погребений скуден, представлен редкими предметами вооружения (два наконечника копий), быта (ножи, кресало), деталями костюма (пуговицы, бусы, поясные пряжки). Часть погребений безынвентарна. Особое значение в изучении этого памятника принадлежит комплексам с датируемыми находками. Один из них — погребение женщины из кургана 42.

Курган 42 (рис. 1) представлял собой небольшую насыпь: высота -0.3 м, диаметр -5 м. К моменту исследования на поверхности кургана были заметны детали каменной обкладки, повреждения насыпи не обнаружены.

В ходе работ в основании по контуру кургана расчищена обкладка, состоявшая из так называемого рваного камня и валунных камней. Размеры камней — $0,1-0,7\times0,1-0,4\times0,07-0,22$ м. Обкладка округлой в плане формы, в южной части более мощная — состояла из 4—6 рядов камней, в северной — из 1—2 рядов. Ширина каменной конструкции варьировала в пределах от 0,2 до 1,7 м. Камни уложены в 1—3 слоя радиально. Внутреннее кольцо камней, за небольшим числом смещенных корнями деревьев, сохранилось *in situ*. Камни внешнего края, по большей части, утратили первоначальное положение и сползли вниз по склону насыпи. Нивелировочные высоты камней внешнего круга, а также ширина полосы смещения позволили предположительно наметить глубину и ширину околокурганного ровика, который не фиксировался в профилях насыпи из-за однородности грунта. Наибольшая глубина ровика составила —46 см от R_0 , тогда как погребенная почва выявлена на уровне от —26 до —36 см от R_0 . Предполагаемая ширина ровика — около 1,2 м.

Стратиграфия насыпи достаточно проста. Под дерном толщиной 0,06-0,08 м выявлен слой бурого рыхлого лесного суглинка (возведенная над погребенной насыпь), который прослежен на протяжении 3,1 м к югу и около 2,3 м к северу от центрального кола, в том числе и над каменной обкладкой кургана. Мощность данного слоя составляет 0,25-0,3 м. На границе этого слоя и погребенной почвы выявлено погребение 1 (нивелировочная отметка черепа -16 см, ног -22 см от R_0). Следует отметить группу из шести камней, расположенных к востоку от погребения и выше его уровня, возвышающихся также и над остальными камнями обкладки. Эта группа камней не входила в обкладку кургана, а служила

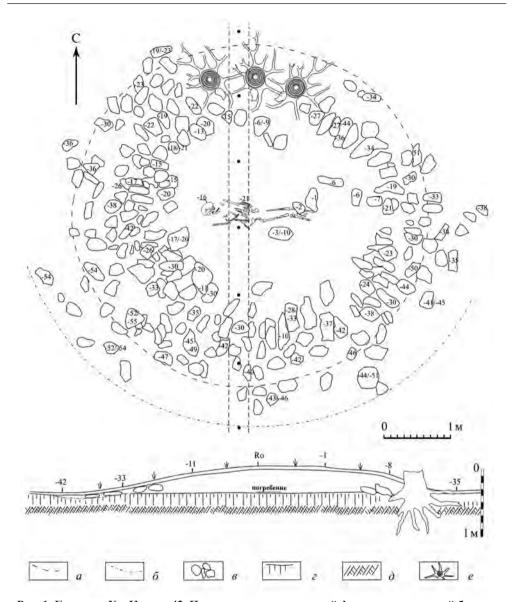

Рис. 1. Грузинка Ха. Курган 42. План кургана и восточный фас меридиональной бровки a – граница современной насыпи; δ – слабовыраженная граница околокурганного ровика; ϵ – камни обкладки кургана; ϵ – погребенная почва; ϵ – материк; ϵ – дерево

внешним (заметным на поверхности насыпи) маркером погребения. По всей видимости, первоначальное расположение этих камней было иным.

Верхняя граница погребенной почвы, представленной серо-бурым суглинком, прослеживалась на уровне древней дневной поверхности между отметками 1,8 м к югу и 1,9 м к северу от центрального кола, но не фиксировалась

в пределах 2–3,05 м к югу и 2–3 м к северу от центра (последняя отметка приблизительна: промежуток 2–3 м к северу от центрального кола занимает дерево с мощной корневой системой), где слой погребенной почвы прорезал околокурганный ровик. Ровик заполняли сползшие камни обкладки кургана, а также грунт насыпи. Толщина слоя погребенной почвы составляла 0,25–0,35 м. Ниже на всей площади раскопа зафиксирован слой светло-серого плотного суглинка с мелкими включениями селевых пород (материк).

Погребение 1 (рис. 2) выявлено в центре подкурганного пространства в слое бурого суглинка на глубине -16 см от R_0 (череп). Погребена женщина 25-35 лет. Сохранность костей удовлетворительная. Умершая была ориентирована головой на запад, уложена на спине с присогнутыми в коленях ногами (завалены налево). Кости правой руки смещены. Левая рука вытянута вдоль тела, ладонь обращена вниз. Череп лежал на левом виске.

У пояса обнаружены парные бронзовые литые пряжки-пафти с выпуклым орнаментом в центре щитка (-21 и -23 см от R_0) (рис. 3, 1, 2). Другие находки в погребении не выявлены.

Погребальный обряд соответствует традиционным языческим представлениям адыгов. Наличие малого количества находок в погребении указывает на его позднюю дату — XVII—XVIII вв. Однако в нем не выявлены такие характерные черты, присущие мусульманскому погребальному обряду, как разворот покойного на правый бок, пеленание его в погребальный саван, отсутствие находок. Эти особенности зафиксированы в погребениях, расположенных в северной части памятника Грузинка Ха, нижнюю хронологическую границу которых можно уверенно отнести к рубежу XVII—XVIII вв.

Погребальный инвентарь. Поясная пряжка-пафта (рис. 3, 1) бронзовая (на поясе погребенной находилась слева), листовидно-округлой формы, выпуклая, на внешней стороне в центре — профилированная розетка (10 лепестков: длина лепестков 1,2—1,4 мм, на краешке каждого лепестка — кружок диаметром 3 мм, у основания лепестков — кружки диаметром 1 мм), по краю в 1 см от кромки — рельефный орнамент. Верхний и нижний края пряжки плавно закруглены, боковые заострены. На внутреннем заостренном конце — крючок для петли парной бляхи («диаметр» крючка 1,5 см). Размеры: ширина — 8,2 мм, высота — 7,7 мм. На внутренней стороне пряжки между верхним и нижним краями припаяны две вертикальные параллельные планки (шириной 5 и 4 мм) для крепления ремня.

Вторая поясная пряжка-пафта (рис. 3, 2) бронзовая (на поясе погребенной находилась справа), листовидно-округлой формы, выпуклая, на внешней стороне в центре – профилированная розетка (10 лепестков: длина лепестков 1,2–1,4 мм, на краешке каждого лепестка – кружок диаметром 3 мм), по краю в 1 см от кромки – рельефный орнамент. Верхний и нижний края пряжки плавно закруглены, боковые стороны заострены. На внутреннем заостренном конце – маленькое отверстие (2 мм) для не сохранившейся петли. Размеры: ширина (между боковыми заостренными концами) – 8,2 см, высота (между закругленными верхним и нижним краями) – 7,7 см. На внутренней стороне пряжки между верхним и нижним краями – две вертикальные параллельные планки (шириной 5 мм) для крепления ремня, от которого на одной из планок сохранился небольшой фрагмент кожи.

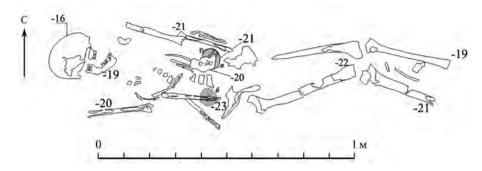

Рис. 2. Грузинка Ха. Курган 42. План погребения 1

Пряжки – пафты или пафти (pafta – албан., naфта, naфти – болг., pafta, paftale – рум., naфте – серб.) – характерная деталь женского костюма Карпато-Балканского региона на протяжении длительного времени с XIV по XX в. (Абызова, Рябцева, 2007. С. 95; Біляєва, 2012. С. 235).

Пафты широко известны в материалах средневековых памятников Болгарии. Отсутствие точных датировок из закрытых комплексов затрудняет установление нижней хронологической границы бытования этих пряжек. Г. Атанасов относит их появление к IX—X вв., основываясь на находке в Мадаре, а также венгерских параллелях (*Атанасов*, 1987. С. 35).

С XIV в. пафты изготавливают массово, вырабатываются устойчивые формы и орнаменты, которые доживают до XX в. К развитому средневековью относятся и надежно датируемые находки. Так, пафты были обнаружены в самом богатом погребении 72 некрополя в центральной части Габрово. Среди остальных вещей этого комплекса – монеты первой половины XIII в., монеты Михаила (1323–1330 гг.) и Ивана Александра (? – 17.02.1371 г.) (Койчева, 1992. С. 266, 267). Пафты известны среди находок XIII–XIV вв. из Тырново (Попов, 1985. С. 71. Табл. 71, 7) и Варны (Нешева, 1985. С. 116, 117, 119).

На территории Румынии пафты получают распространение в памятниках более позднего времени – XV–XVII вв. (Vasiliu, 1996. Р. 233; Aбызова, Pябцева, 2007. С. 95). Коллекции разнообразных типов таких пряжек происходят с памятников Украины (Eiляєва, 2012. С. 236) и Молдовы (Aбызова, Pябцева, 2007. С. 95–105).

Для археологических памятников Северо-Западного Кавказа пафты — редкая находка. В то же время в письменных источниках XIX в. эти пряжки упоминаются при описании европейскими авторами костюмов черкешенок. Так, Дж. А. Лонгворт называет большие серебряные застежки в форме раковин на кушаке молодой девушки (Лонгворт, 2002. С. 64), известные по археологическим и этнографическим источникам XVIII—XX вв., когда преобладающей становится круглая (иногда розеткообразная), листовидная (как варианты — «облако», «раковина», «турецкий огурец») или вытянутая подпрямоугольная форма застежек (Абызова, Рябцева, 2007. С. 97).

К какому времени могут быть отнесены абинские находки? Распространение пряжек листовидно-округлой формы с орнаментом в виде стилизованной розетки, аналогичных абинским пафтам, исследователи относят ко времени

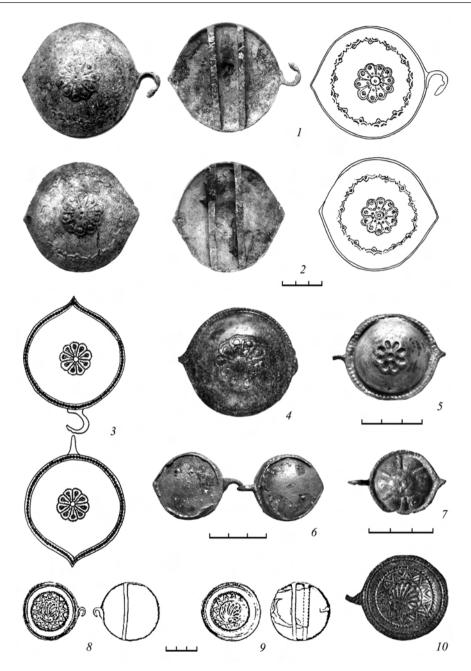

Рис. 3. Пряжки-пафты

I, 2 – погребение Грузинка Ха/42; 3 – могильник Естер-Тыргшор (по: *Custurea*, 1986); 4 – крепость Исакче (по: *Vasiliu*, 1996); 5–7 – Костештский археологический комплекс (по: *Абызова, Рябцева*, 2007); 8, 9 – погребение 2 Бжид 2/6 (по: *Шишлов и др.*, 2001); 10 – фонды музея г. Тулча (по: *Vasiliu*, 1996)

Второго Болгарского царства, 1185–1396 гг. (Атанасов, 1987. С. 27, 28; Абызова, Рябцева, 2007. С. 95; Білясва, 2012. С. 235, 236). В то же время в ряде работ (Станчев, Иванов, 1958. С. 9, 100; Роревси, Rosetti, 1959. Р. 712. Fig. 15; Реtrtescu-Dîmboviţa, Zacharia, 1962. Р. 56. Fig. 13; Станчева, 1981. С. 188. Обр. 3) подобные пряжки отнесены к значительно более раннему времени – VIII–IX вв. Причиной тому послужила находка двух бронзовых пафт листовидно-округлой формы с рельефной 7-лучевой розеткой в центре щитка (но значительно меньшего, чем у пряжек из погребения Грузинка Ха/42, диаметра – 3,5 см) на территории могильника второй половины VIII в. Нови-Пазар (Станчев, Иванов, 1958. С. 95, 99, 100. Табл. ХХІІІ, 8). Однако эти пряжки происходят из разрушенной части могильника, обстоятельства их обнаружения неясны (Там же. С. 9), что не дает основания рассматривать новипазарские пафты в едином хронологическом контексте с материалами VIII в. из закрытых комплексов памятника (Атанасов, 1987. С. 35, 36).

В. Нешева отнесла верхнюю хронологическую границу круглых пафт небольшого размера, удлиненных и заостренных с одной стороны, выпуклых, с рельефным орнаментом – розеткой или другими стилизованными растительными мотивами, с бордюром по краям или без рельефного края, известных в памятниках Болгарии, к XIV–XV вв. (*Нешева*, 1985. С. 116. Табл. III, *11–13*).

Обнаруженные в погребении Грузинка Xа/42 пряжки относятся (по Г. Атанасову) к круглым чашеобразным пафтам, орнаментированным стилизованной розеткой (группа II) (*Атанасов*, 1987. С. 26–32). К этой группе принадлежат три пряжки с 7- и 11-лучевыми розетками из фондов музея г. Силистра. Диаметр пряжек составляет от 4,1 см до 6 см (Там же, 1987. Табл. II, 1–3). Бытование данной группы пряжек исследователь относит ко времени от XII–XIV вв. до середины XVIII — начала XIX в. При этом Г. Атанасов замечает, что если форма и приемы орнаментации сохраняются на протяжении этого длительного периода, то по сравнению с находками XII–XIV вв. пряжки XVIII–XIX вв. увеличиваются вдвое (Там же. С. 30, 31).

Аналогии пафтам из погребения Грузинка Xа/42 по форме и декору известны в слоях турецкого времени Белгород-Днестровского (Аккермана) (Біляєва, 2012. С. 235, 236, 323. Рис. 147). Однако пряжки из аккерманской коллекции почти в 2 раза меньше северокавказских находок. То же можно сказать и о близких по форме и орнаментальным мотивам, но меньших по размерам пафтах (FB-25185-7, 8; FB-25184-2 и FB-25184-1), связываемых с Костештским археологическим комплексом (рис. 3, 5–7) и датируемых концом XV — первой половиной XVII в. (Абызова, Рябцева, 2007. С. 100, 101. Кат.).

Ближайшие аналогии обнаруженным в погребении Грузинка Xа/42 пряжкам происходят из археологических памятников Румынии. Пафты листовидной формы с выпуклой розеткой в центре, датируемые XVII — первой половиной XIX в., известны в фондах музея г. Тулча (*Vasiliu*, 1996. Р. 233, 242. Pl. VI, 5). Одна из этих пряжек (инв. № 30.289) — бронзовая пафта (рис. 3, 4) — обнаружена в крепости Исакче в 1979 г., ее размеры — 7,3 × 6,3 × 0,25 см (Ibid. Р. 233, 234. Pl. VI, 5). Аналогичные бронзовые пряжки-пафты найдены в погребениях 1 и 5 могильника Естер-Тыргшор XVII—XVIII вв. В погребении 1 этого памятника вместе с пафтой (рис. 3, 3) выявлена монета Ахмеда III (1703—1730 гг.) (*Custurea*,

1986. Р. 300, Fig. 2, *1*, *2*). К сожалению, в публикации не указан размер пряжек. Близка по форме, декору и размеру северокавказским находкам бронзовая выпуклая пафта листовидной формы с розетчатым орнаментом в центре щитков из погребения 4 могильника Ретивоешть XIV–XVI вв. (*Абызова, Рябцева*, 2007. С. 95).

Учитывая широту хронологического диапазона бытования листовидноокруглых пафт с рельефными розетками в центре (XIV – первая половина XIX в.), а также выводы исследователей об увеличении размеров пряжек со временем (Атанасов, 1987. С. 30, 31; Абызова, Рябцева, 2007. С. 95, 97), следует исключить раннюю датировку абинских пряжек. В то же время рассматриваемые пряжки лишены таких поздних элементов декора, появляющихся в XVII-XVIII вв. и получивших широкое распространение в XVIII–XIX вв., как цветные вставки, скань, зернь. Принимая во внимание эти особенности, а также датировку самой ранней аналогии из могильника Ретивоешть XIV-XVI вв. и позднюю датировку (XVII–XVIII вв.) пряжек из Исакче и Естер-Тыргшор, пряжки-пафты из погребения Грузинка Xa/42 могут быть отнесены к XVII – началу XVIII в. Само же погребение, где выявлены пафти, с учетом особенностей погребального обряда, не обнаруживающего признаков приверженности погребенной женщины к исламу (а также косвенно – молодой возраст погребенной, 25-35 лет, указывающий на отсутствие предпосылок к переходу в ислам в ее ближайшем окружении), расположение кургана 42 в южной, предположительно самой старой части могильника, предпочтительно датировать XVII в.

Известна еще одна находка подобных пряжек в адыгских курганах Северо-Западного Кавказа. Пафты (рис. 3, 8, 9) были обнаружены в ходе раскопок могильника Бжид 2 (Туапсинский район, Краснодарский край) в кургане 6, содержавшем погребения мужчины и женщины (Шишлов и др., 2003. С. 63, 64, 87. Рис. 19). Выявленные в женском погребении пряжки — бронзовые, в виде сегмента шара, с орнаментальной композицией из кругового зигзага и раковины (или цветка?) в центре диска. На обратной стороне первой пряжки расположена одна, на второй — две вертикальные параллельные планки для крепления ремня. На одной из полос сохранился фрагмент кожаного ремня. Точная аналогия туапсинским пряжкам известна в фондах музея г. Тулча (инв. № 2.496), датирована XVII — первой половиной XIX в. (рис. 3, 10). Правда, по размерам (7 × 6 × 0,3 см) румынская пафта (Vasiliu, 1996. Р. 233, 241. Рl. V, 2) несколько превосходит пряжки (диаметр 5,7 см) из погребения Бжид 2/6 (Шишлов и др., 2003. С. 64), что позволяет сузить датировку последних до XVII—XVIII вв.

Весьма примечательно, что среди погребений курганной группы Грузинка Ха выделяется серия захоронений с оригинальными каменными конструкциями – гробницами-крепидами овальной в плане формы, сложенными из 4–6 рядов камней, имеющих в разрезе форму несомкнутой арки. Именно такие конструкции выявлены и в курганах могильника Бжид 2. Близкие параллели в устройстве погребальных конструкций дают основание связывать появление курганов с каменными гробницами-крепидами в могильниках Грузинка Ха с адыгским субэтносом, участвовавшим в формировании могильника Бжид 2, представители которого переселились из районов Черноморского побережья на внутреннюю сторону Кавказского хребта, в долину р. Абин

(Дружинина, Чхаидзе, 2011а. С. 152–154). Возможно, именно с этим переселением следует связывать также и появление в погребальных комплексах Грузинки Ха, отличных от подкурганных захоронений могильника Бжид 2, одних и тех же выразительных находок – предметов погребального инвентаря, к которым помимо пряжек-пафт следует отнести наконечники копий с пропеллерообразным сечением.

По наблюдениям С. А. Беляевой, наиболее широкое распространение пафты получили в османский период (Біляєва, 2012. С. 235, 236). С последней четверти XV в. внешнеполитическая активность Османского государства в Северном Причерноморье оказывала непосредственное воздействие на жизнь народов Западного Кавказа, попавших в сферу завоевательных интересов османских султанов (Некрасов, 1990. С. 36). Представляется, что османское присутствие в Северном и Северо-Восточном Причерноморье и создало необходимые условия для проникновения элементов материальной культуры народов Карпато-Балканского региона на Западный Кавказ².

ЛИТЕРАТУРА

- Абызова Е., Рябцева С., 2007. Пряжки-пафты из собрания Национального музея археологии и истории Молдовы // Tyragetia. Serie nouă / Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei. Vol. I. [XVI]. № 2. P. 95–105.
- Атанасов Г., 1987. Традиционен български накит (по повод колекцията от пафти в Силистренския музей) // Българска етнография. № 4. С. 26.
- Біляєва С., 2012 Слов'янські та тюркські світи в Україні. Київ.: Університет «Україна». 524 с.
- Гей А. Н., 2005. Исследования древних памятников Западного Кавказа: (о работах Северо-Кавказской экспедиции в 2003 г.) // КСИА. Вып. 219. С. 36–49.
- *Дружинина И. А., Кочкаров У. Ю., Чхаидзе В. Н.*, 2004. Раскопки средневековых курганов на реке Абин // Археологические открытия 2003 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 261–262.
- *Дружинина И. А., Кочкаров У. Ю., Чхаидзе В. Н.*, 2005. Изучение средневековых курганов в долине реки Абин // Археологические открытия 2004 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 285–288.
- Дружинина И. А., Кочкаров У. Ю., Чхаидзе В. Н., Шевченко А. А., 2007. Исследование средневековых курганов в долине реки Абин // Археологические открытия 2005 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 309–311.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., 2004. Работы Адыгейского разведочного отряда ИА РАН в Краснодарском крае в 2003 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Отв. ред. Е. И. Нарожный. Армавир: Центр археологических исследований АГПИ. Вып. 4. С. 350–351.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., 2011а. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV—XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // Этнографическое обозрение. № 2. М. С. 149–156.

² Автор выражает особую благодарность сотруднику отдела «Археология» Регионального исторического музея г. Добрич, Болгария, Б. Тотеву и к. ист. н., старшему научному сотруднику ИА РАН В. С. Флерову за помощь в ознакомлении с отдельными труднодоступными публикациями.

И. А. Дружинина

- *Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н.*, 2011б. Работы Абинской экспедиции ИА РАН в Краснодарском крае // Археологические открытия 2008 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 275–276.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Успенский П. С., 2010. Работы в Абинском районе Краснодарского края // Археологические открытия 2007 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 264—265
- Койчева К., 1992. Средновековният некропол на Габрово // Приноси към българската археология. І. София: Аргес. С. 265–270.
- *Лонгворт Дж. А.*, 2002. Год среди черкесов / Пер. В. М. Аталикова; науч. ред. А. И. Мусукаев. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа». 541 с.
- Мальшев А. А., Гей А. Н., Демичев К. А., Савченко Е. И., Честных Д. В., 2003. Работы Северо-Кавказской археологической экспедиции // Археологические открытия 2002 года / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.: Наука. С. 254–257.
- Некрасов А. М., 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV первая половина XVI в.). М.: Наука. 128 с.
- Нешева В., 1985. Средновековни накити от Варненския музей // Известия на Народния музей Варна. Кн. 21 (36). Варна: Георги Бакалов. С. 114–120.
- Попов Ат., 1985. Художествени занаяти в Търнов // Културата на средновековния Търнов. София: Издателство Българската Академия на науките. С. 66–82.
- Станчев Ст., Иванов Ст., 1958. Некрополът до Нови пазар / Отг. ред. А. Т. Милчев. София: Издание на Българската Академия на науките. 231 с.
- С*танчева М.*, 1981. Сердика и прабългарите // Плиска Преслав. Прабългарската култура: материали от българо-съветската среща (Шумен, 1976). Т. 2. София: Издателство на Българската Академия на Науките. С. 187–189.
- Шишлов А. В., Колпакова А. В., Федоренко Н. В., Кизенёк Л. Н., Дмитрук В. В., 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки: Исследования и материалы. Вып. 4. Новороссийск. С. 57–89.
- *Custurea G.*, 1986. Cercetările arheologice din Necropola așezării medievale Ester- Târgușor // Materiale și Cercetări arheologice. XVI. București. P. 300–304.
- Petrescu-Dîmbovița M., Zaharia Em., 1962. Sondajul arheologic de la Dănești (r. Vaslui) // Materiale și Cercetări arheologice. VIII. București. P. 47–63.
- Popescu D., Rosetti D. V., 1959. Săpăturile arheologice de la Retevoeşti // Materiale şi Cercetări arheologice. VI. P. 703–717.
- Vasiliu I., 1996. Obiecte de podoabă şi accesorii vestimentare medievale din colecțiile Muzeului de Arheologie din Tulcea // Peuce XII studii şi cercetări de istorie şi arheologie. Tulcea: Institutul de cercetări eco-muzeale. P. 233–234.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

М. Н. Мещерин

О «НЕПЛАСТИНЧАТЫХ» ИНДУСТРИЯХ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ

M. N. Meshcherin. On the «non-lamellate» industries in the Upper Palaeolithic of the Trans-Baikal region

Abstract. This article considers the spread of «non-lamellate» industries among sites of the Middle Upper Palaeolithic at the eastern periphery of the Baikal Region. This research emerged after the discovery and investigation of Palaeolithic levels at the Kunalei site. The Kunalei culture is characterized by an unusual orthogonal technique for shaping cores and by elements of bifacial treatment of tools and a specific tool assemblage. There are parallels for the technical assemblage described here amidst a group of sites located in deposits of the Late-Karginsky interglacial – early Sartan glacial at the end of the third and beginning of the second stage of the oxygen-isotope scale (OIS).

Ключевые слова: непластинчатая индустрия, ортогональная техника, куналейская культура, ранняя пора верхнего палеолита, средняя пора верхнего палеолита.

В отечественной науке о верхнем палеолите Восточной Европы проблема «непластинчатых индустрий» не ставится. Технологические характеристики кремневых культур ориньяка – граветта – эпиграветта устойчиво демонстрируют расщепление, цель которого – получение удлиненных пластинчатых сколов различной величины и качества отделки (Восточный граветт... 1998). В селетоидных индустриях и костенковско-стрелецкой археологической культуре морфолого-технологический анализ фокусируется, в основном, на производстве бифаса и отщепов леваллуа (Аникович и др., 2007). В азиатской России устойчиво обрисовывается круг памятников, на которых исследование эволюции форм заготовки орудия приобрело особую значимость. Ярким проявлением непластинчатости индустрии предстает куналейская верхнепалеолитическая культура, эталоном которой считается эпонимный памятник.

Поселение расположено у с. Малый Куналей в Бичурском районе на юге Республики Бурятия в долине р. Хилок (географические координаты: 50°36'45,3" с. ш., 107°49'40,1" в. д.; высота над уровнем моря 630 м). Хилок

(наряду с Чикоем, Джидой, Удой и Орхоном) – один из пяти крупнейших притоков Селенги, которая в свою очередь является основной водной артерией горно-долинного рельефа юго-восточной периферии Байкальской Азии. Куналей открыт и изучался под руководством М. В. Константинова в два этапа: в 1971–1977 и в конце 1980-х гг. На памятнике выявлено три культурных горизонта (КГ), два из которых отнесены к эпохе камня, один – к бронзовому веку. На первом этапе изучения КГ 3 Куналея датировался финалом сартанского оледенения. Он связывался с погребенной палеопочвой, находящейся в покровной пачке отложений второй надпойменной террасы. КГ 2 был отнесен к вышележащему слою рубежа финального плейстоцена-голоцена. Позже данная оценка памятника была признана ошибочной и геолого-геоморфологическая ситуация интерпретировалась уже иначе (Константинов, 2005. С. 50; 2009. С. 29, 30). В 1988-1989 гг. на вновь вскрытом участке удалось детализировать отложения покровной пачки и проанализировать строение подстилающей толщи. В связи с этим уточнилась стратиграфическая позиция культурных горизонтов и сменилась нумерация литологических слоев.

Палеолитические горизонты были соотнесены М. В. Константиновым с нижней частью довольно мощной делювиальной толщи, сложной для расчленения по причине отсутствия стерильных прослоев, позволяющих надежно размежевать КГ 2 и 3. Чехол лежит на пойменных песках аккумулятивной террасы Хилка, сформировавшихся в муруктинское оледенение, которые оказались «немыми» в археологическом отношении. Стратиграфическая позиция культурных горизонтов и их геохронология потребовали уточнения. КГ 2, отнесенный к литологическому слою 5, синхронизируется с началом позднего сартана. Литологический слой 6 представлен палеопедокомплексом с тремя горизонтами почвообразования каргинского межледниковья. Верхний из них, деформированный солифлюксием мощностью 0,15-0,25 м, вмещает находки КГ 3. Для средней части литологического слоя 6 известна радиоуглеродная дата $-21\ 100 \pm 300\ л.$ н. (ГИН-6124), которая допускается авторами в качестве условного хронологического репера. Геологический возраст КГ 3 определен на рубеже каргинского – сартанского времени (КИС 3 и 2) с наибольшей вероятностью отнесения к верху каргинского термохрона, в пределах 30-25 тыс. л. н.

Технокомплекс Куналея базировался на использовании местного сырья, идентичного для обоих культурных горизонтов. Задействовано многообразие пород в исходной форме гальки и валунов: ороговикованного фельзит-порфира, липарит-порфира, щелочного липарита, фельзита, кремня, пелитового и глинистого туфов.

По итогам второго этапа исследований КГ 2 Куналея насчитывал 266 каменных артефактов. Плотность находок составила 1 экз. на 1 $\rm m^2$ вскрытой площади. Культурно-хронологическая принадлежность индустрии характеризуется следующими показателями.

1. Среди продуктов расщепления преобладают отщепы (216 экз.) и фиксируются отдельные пластинки (рис. 1, 7, 8). За отсутствием морфологически выраженных специализированных форм нуклеусов для пластин, целесообразно предположить, что имеющиеся редкие пластинчатые сколы получены ситуационным способом расщепления, названным «техникой ортогонального нуклеуса».

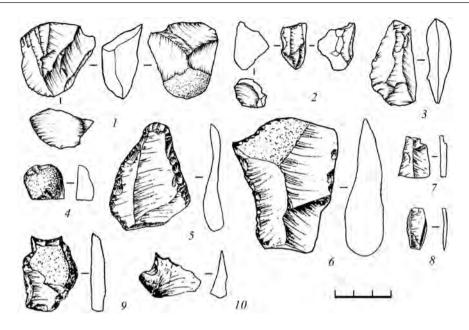

Рис. 1. Каменные изделия из культурного горизонта 2 стоянки Куналей

1, 2 – нуклеусы; 3 – долотовидное орудие; 4, 5 – скребки; 6, 9, 10 – проколки; 7, 8 – пластинки (по: Константинов, 1979; 1994)

2. Отмечены отдельные более или менее выраженные нуклеусы, предназначенные для снятия микропластин, и нуклевидные формы в виде «оббитых желвачков» с единичными, возможно, случайными микроснятиями (рис. 1, 1, 2). Дефиниция этой категории, представленной двумя разновидностями предметов, обсуждается. Одна разновидность – это образцы с разработанной мелкопластинчатыми сколами торцевой частью. Вторая группа нуклевидных с уплощенным широким фронтом и пластинчатой огранкой (рис. 2, 1, 2, 9–11) имеет морфологическое сходство с экземплярами долотовидных изделий КГ 3 (Константинов, 1994. С. 63), которые прежде определялись как торцовые клиновидные (Базаров и др., 1982. С. 42). При детальном рассмотрении данные изделия обнаруживают крайнее несовершенство форм, неразвитые и несистематичные приемы оформления, невнятность технических способов расщепления. Ударные площадки этих ядрищ гладкие, оформлены единичными крупными сколами, сильно скошенные по отношению к широкой поверхности (65–80°). По кромке ударной площадки отмечается прием прямой редукции карниза. Нивелировка угла скалывания, сужение дуги фронта и уменьшение глубины площадки фиксируются в морфологии сколов. Налицо набор признаков, наделяющих технологию расщепления «верхнепалеолитическими чертами» (Hexoрошев, 1999. С. 38–40). В описаниях М. В. Константинова подчеркивалось, что на поверхностях расщепления мелких нуклеусов сохранились фасетки длиной примерно до 2,5 см и неустойчивой шириной (от 0,3 до 1 см). Представляется совершенно очевидным, что отщепы с этих нуклеусов не производились, а доля

микропластинок и орудий из них, даже самых ущербных, не составит и половины процента от общего числа сколов.

Таким образом, данные микронуклеусы, охватывая всю неоднозначность вариантов их морфологического прочтения, нельзя назвать профильным элементом куналейской технологии. Наряду с тем заметим, что в качестве преформы для перечисленных образцов микрорасщепления применялись крупные и массивные отщепы и осколки. Подмеченная тенденция позволяет связывать технологию данного этапа развития индустрии с эксклюзивным получением мелких пластинчатых сколов посредством использования «вторичного нуклеуса» (рис. 2, 4–6).

- 3. Спецификой вторичного оформления следует признать часто находимые отщепы и пластины с мелкой краевой эпизодической ретушью, которую в ряде случаев можно назвать утилизационной. Выразительны отдельные экземпляры с использованием захватывающей ретуши и фасиальных подтесок. Техника резцового скола редка и не систематична.
- 4. Орудийный набор представлен двумя типами проколок (17 экз.), изготовленных из разновеликих отщепов. Одни проколки имеют оформление массивной клювовидной части. Рабочая кромка других представлена утонченным шиповидным выступом с разнообразием специфических приемов вторичной подправки в виде дорсальной, вентральной и противолежащей ретуши (рис. 1, 6, 9, 10). Выразительны долотовидные орудия на продолговатых отщепах и укороченных пластинах, с выраженными заостренными лезвиями и двусторонним чешуйчатым оформлением рабочих частей (рис. 1, 3). Характерны скребла с выпуклыми, конвергентными и комбинированными лезвиями на крупных плоских осколках и гальках плитчатой формы. Оригинальной формой КГ 2 представляется концевой скребок с выделенным лезвием на зауженном конце заготовки и дорсально ретушированными продольными краями (рис. 1, 5). Обнаружен единичный микроскребок на отщепе (рис. 1, 4).

Планиграфическая ситуация КГ 3 существенно не отличается от вышележащего культурного горизонта. Динамика формирования культурных отложений объясняется не длительным обитанием на стоянке, а характером постдепозитных пертурбаций — солифлюкции и частичным переотложением материала в условиях склона (Константинов, 1994. С. 63). Коллекция насчитывает 2283 экз. (8,71 артефактов на 1 м²). Специфическая доминанта куналейской индустрии — «ортогональный нуклеус», который в КГ 3 представлен многообразием форм (кубовидные, грубопризматические и дисковидные). Пластинчатые заготовки в условиях ортогонального расщепления имеют нестандартные или случайные формы (рис. 2, 3, 7, 8; 3, 5). Вторичное оформление аналогично тому, что наблюдалось в КГ 2. Оно характеризуется интенсивным использованием различных вариантов ретуши и фасиальной уплощающей подтеской. Модифицирующая дорсальная обработка орудий использовалась для оформления скребков, скребел и проколок. Отмечено несовершенство резцовой техники на случайных заготовках.

Среди архаичных компонентов коллекции КГ 3 признаются простые и комбинированные «дежетоидные» скребла на отщепах и плоских гальках (30,73 %); два широких остроконечника (0,66 %), изготовленные на крупных плоских

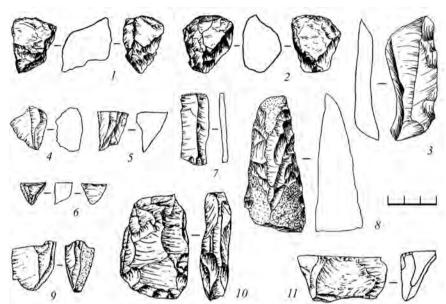

Рис. 2. Каменные изделия стоянки Куналей из культурных горизонтов 2 (4–6) и 3 (1–3, 7–11) 1, 2 – долотовидные орудия; 3 –пластина; 4–6, 9–11 – нуклеусы; 7 – пластинка; 8 – пластинчатый скол с ретушью (по: *Константинов*, 1994)

отщепах с дорсальной регулярной ретушью краев; единственная леваллуазская пластина; чопперы из галек и валунов с разнообразной конфигурацией рабочих краев (до 10 %); одно рубящее изделие — бифас. В большинстве южносибирских верхнепалеолитических индустрий рубежа каргинского — сартанского подразделений архаический комплекс обычно известен в довольно представительной пропорции (30 % и более). К верхнепалеолитической морфогруппе КГ 3 относятся концевые скребки (с плечиками и вееровидные) на отщепах или фрагментах пластин (17,37 %) (рис. 3, 1—4); шиповидные проколки; провертки (сверла), характеризующиеся противолежащим (вентрально-дорсальным) оформлением конвергентных краев (рис. 3, 6—8). Показательно присутствие большого количества отщепов с мелкой эпизодической ретушью (18,39 %) и нерегулярным оформлением краев. Пластины с ретушью (6,07 %) демонстрируют отсутствие стандартизации.

Выделены типы «долотовидных». Первый тип — изделия, выполненные на плоских укороченных подпрямоугольных основах, аналогичны классическому pièces esquillées. Второму типу в КГ 3 соответствует серия грубых и невыразительных нуклевидных предметов, «миниатюрных по размерам», напоминающих «торцовые клиновидные микронуклеусы» и их заготовки (рис. 2, 1, 2). Они определяются как «однолезвийные, с плоскими забитыми обушками» (Константинов, 1994. С. 63). Не исключено, что среди данных предметов имеются образцы переоформления остаточных или испорченных мелких форм нуклеусов.

В целом состав коллекции КГ 3 более разнообразен в сравнении с КГ 2. Детальное рассмотрение отдельных морфолого-технологических элементов обоих

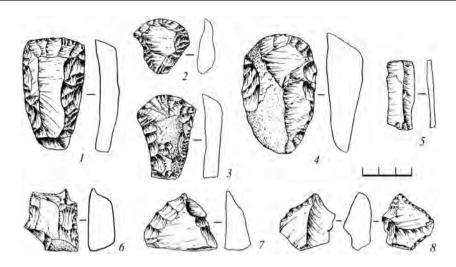

Рис. 3. Каменные изделия стоянки Куналей

1-4 – скребки; 5 – пластинка; 6–8 – проколки (по: Константинов, 1994)

горизонтов приводит к выводу о достаточной однородности материала, а с учетом геологической оценки возраста предполагает некоторую хронологическую близость.

Накопленные данные послужили поводом для выделения в Байкальском регионе самостоятельной культуры, время существования которой определяется в интервале от 30 до 20 тыс. л. н. С момента открытия куналейская отщеповая традиция противопоставлялась более ранним верхнепалеолитическим крупнопластинчатым индустриям Забайкалья (Базаров и др., 1982. С. 39–42, 104). С удревнением КГ 3 на втором этапе исследования нижняя граница бытования культуры отошла к отметке в 30 тыс. л. н. Возникла необходимость ее синхронизации с олбагинской культурой ранней поры верхнего палеолита (РВП). Сравнивая технокомплексы этих культур, М. В. Константинов указывает на признаки большей архаичности приемов первичного расщепления в Куналее и примерно одинаковый или даже более сложный уровень приемов вторичного оформления орудий (Константинов, 1994. С. 130). Исследователь считает, что ранняя фаза развития культуры, соответствующая РВП, унаследовала позднемустьерские традиции отщепового производства, зафиксированные в коллекции Приисковой на р. Чикой (Карасев и др., 1996. С. 70–85). В процессе своего развития культура Куналея КГ 2 смыкается с индустриями читканской группы средней поры верхнего палеолита (СВП). Технологической новацией для данного круга индустрий отмечено то, что «...ортогональная техника отходит на второй план, уступая место подпризматической...» (Константинов, 1994. С. 138). Вместе с тем, по данным автора, вторая фаза куналейской культуры сосуществует на этапе СВП (25-18 тыс. л. н.) с пластинчатыми индустриями Санного Мыса, слои 6, 7 (Константинов, 2005; 2009).

Обозначенная позиция куналейской культуры продолжает обсуждаться. Н. Ф. Лисицын высказывал сомнения по поводу существования ранней ее фазы, допуская геологический возраст Куналея КГ 3 не древнее ранних интерстадиалов сартана (Лисицын, 2000. С. 115, 116); КГ 2 в схеме южносибирского палеолита не рассматривался. По его версии, Толбага, как и в целом РВП Забайкалья, должны датироваться в пределах 30-25 тыс. л. н. по аналогии с енисейскими стоянками типа Малой Сыи и Сабанихи. К стоянкам СВП в Забайкалье им отнесены Усть-Менза 2 (20) с датой 16 980 ± 150 (ГИН 5465) и Варварина Гора с датой 17 035 \pm 400 (CO AH-3053) (Лисицын, 1996. С. 15). По Н. Ф. Лисицыну, СВП характеризовался исключительно развитием мелкопластинчатых индустрий ориньякоидного облика и синхронизировался с енисейскими стоянками мальтинского этапа типа Каштанки 1. В «измельчании» каменных изделий автор находил наибольшее сходство с европейским развитием индустрии. Согласно его представлениям, 17-20 тыс. л. н. процесс «микролитизации» каменного инвентаря в Сибири «достигает ступени, сходной с граветтийским эпизодом Европы». Столь широкие морфолого-технологические обобщения позволяли рассматривать развитие СВП Сибири через призму взаимовлияний с европейским палеолитом (Лисииын, Лисииын, 1996. С. 44).

Соотношение отщеповых и пластинчатых индустрий детально проанализировано на материалах стоянки Толбор 4, обнаруженной в бассейне р. Селенга в Монголии. В археологическом профиле этого 6-слойного памятника зафиксирована «интерстратификация» пластинчатых и отщеповых комплексов (Рыбин и др., 2007. С. 138). Нижние горизонты 6 и 5 позиционируются как пластинчатый вариант РВП, аналогичный толбагинской технологии «нелеваллуазского параллельного расщепления плоскостных и подпризматических нуклеусов». В горизонте 4, по данным авторов, резко увеличивается доля плоскостных, ортогональных и кубовидных нуклеусов. Подпризматические нуклеусы здесь характеризуются вариантами развития типов, аналогичных ядрищам горизонтов 6 и 5. Характеристика ударных площадок в горизонтах 6 и 5, 4–2 и 1 показала, что фасетирование ощутимо сокращается вверх по разрезу, а от четвертого горизонта ко второму и первому – с 1,8 до 0,8 % (в 2 раза!) (Там же. 2007. С. 140, 141. Табл. 2.). Число точечных и линейных площадок в совокупности возрастает с 12,5 до 19 %. Суммированный показатель гладких и естественных площадок выдерживает тренд от 68 до 74 %. Индексы двугранных площадок относительно постоянны – в пределах 12 %. Серьезным критерием по части инноваций горизонта 4 следует отметить появление торцовых нуклеусов с бифасиально оформленным клином (Там же. 2007. С. 142).

Изменяются пропорции продуктов расщепления. Соотношение длины к ширине среди заготовок категории «отщеп» увеличивается вверх по разрезу (с коэффициентов 1,2 до 1,3–1,4), а в категории «пластина», где считались только целые изделия, напротив, падает (с 2,8 до 2,5). От слоя к слою «вырождается» крупнопластинчатая заготовка на фоне общего «измельчания» размеров орудий (в среднем, от 88 до 66 и 40 мм), и возникают прецеденты серийного использования средней и мелкой пластинки в горизонтах 2 и 1. Соотношение размеров сколов и негативов на поверхностях нуклеусов, их морфология, прослеженная от слоя к слою, позволили исследователям установить факты многократных переоформлений плоскостей скалывания и возрастание (вверх по разрезу) роли «ситуационного расщепления».

В формализованном смысле это отчасти объясняет переориентацию индустрии на отщеповое производство. Данные показатели можно использовать в качестве свидетельств деградации технологии крупнопластинчатого раскалывания, при которой отщепы становятся длиннее и правильнее, а пластины, напротив, укорачиваются. Это происходит на фоне модернизации арсенала вторичного оформления. Во вторичной обработке трансформации проявляются в следующем: в горизонтах 4—1 появляются единичные бифасы, редкие орудия с вентральной подтеской. В горизонтах 4 и 3 увеличивается число изделий со слабомодифицирующей ретушью (40—44 %), нерегулярно и частично ретушированных рабочих участков. В горизонтах 2 и 1 эти показатели еще более увеличиваются до 54 и 76,8 % (*Рыбин и др.*, 2007. С. 146).

Поступательные процессы прослеживаются в эволюции форм, наиболее представительных по всем горизонтам, — скребкам, шиповидным, зубчато-выемчатым, орудиям с вентральной подтеской, галечным, скреблам и долотовидным. Наиболее значительные подвижки отмечаются в горизонтах 3–1, где заметно увеличивается доля скребел, появляются «скребла высокой формы». Показательны серии концевых скребков на отщепах с сильно модифицированными формами заготовки, которые в забайкальском варианте определяются «куналейским типом». Выделяются специфические шиповидные инструменты, сформированные за счет ретуширования, анкоша и усечения продольного края. Подобные морфологические группы на хилокской стоянке СВП Мастеров Ключ были определены как «резчики» (Мещерин, 2009. С. 96). К новациям справедливо отнесено появление «пластинок с притупленным краем».

Таким образом, можно согласиться с авторскими оценками общих характеристик комплексов Толбора 4, рассмотренных в стратиграфической динамике. Очевидно, что в горизонтах 6 и 5 господствуют «удлиненно-пластинчатые», в то время как в горизонтах 3-1 - «отщеповые» инструменты с элементами микрорасщепления. За горизонтом 4 оставлен «переходный статус». Технолого-морфологические перемены, по мнению исследователей Толбора, зависели от активизации мобильности населения, диверсификации источников сырья, которая выразилась в применении пород, непригодных для производства длинных пластин. Примечательно отметить, что технологические новации от слоя к слою сочетаются с определенным консерватизмом традиционных форм орудий и способов их оформления. Можно согласиться с тем, что индустрия Толбора 4 послужила «первым примером локальной культурно-стратиграфической последовательности смены генетически связанных пластинчатых индустрий ранней поры верхнего палеолита и отщеповых комплексов» (*Рыбин и др.*, 2007. С. 151). Остаются непонятными основания для отнесения «отщепового комплекса», радикально трансформировавшего индустрию, к отделу РВП региона. Дальнейшее изучение верхних слоев Толбора 4, а именно, уровень детализации технолого-морфологических особенностей индустрии в последующих работах, к сожалению, данного вопроса не проясняет (Гладышев и др., 2010. С. 38–41).

Рассуждая о происхождении отщеповой культуры РВП, авторы обратили внимание на 10 000-летний период «латентного сохранения традиций отщепа» в Забайкалье, заполняющих лакуну между позднемустьерским (по М. В. Константинову) Приисковым и Куналеем КГ 3. По их мнению, отщеповая индустрия

выглядит «интрузивным» явлением, явно более поздним, чем пластинчатая. Если предположить, что истоки или некоторые этапы развития куналейской культуры стадиально соотносятся с горизонтами 4—1 на Тоборе 4, относительно хронологическая позиция которых, естественно, моложе крупнопластинчатых, синхронных толбагинской культуре, то становится очевидным, что своеобразный инвентарный комплекс куналейской культуры принадлежит к иному, хронологически более молодому явлению эволюции каменных индустрий региона.

Куналейская культура в настоящее время обоснованно рассматривается в качестве феноменального явления региональной систематики верхнего палеолита. Говоря о содержательной составляющей технокомплекса, культурные особенности ее очевидны. Вместе с тем хронологическую последовательность Куналея 2 и 3 уместно увязывать с более поздней стадией развития каменных индустрий в сравнении с толбагинским временем и группировать с Мастеровым Ключом, Читканом, Мельничным 2 в совокупности с Каменкой Б и Хотыком 2, 3. Наибольшее значение могли бы приобрести исследования в сфере более детальной идентификации морфологических и технологических особенностей, выражающие возможную локально-культурную дифференциацию индустрий в Байкальском регионе.

В заключение приношу благодарность основным исследователям забайкальского палеолита Л. В. Лбовой, М. В. Константинову, В. К. Колосову, В. И. Ташаку и др., благодаря любезному приглашению которых мне посчастливилось ознакомиться с большинством из перечисленных памятников и их коллекциями в ходе полевых исследований и научных экскурсий.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б., 2007. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История. 335 с.
- Базаров Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б., Базарова Л. Д., Савинова В. В., 1982. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья: к XI конгрессу INQUA (Москва, 1982). Новосибирск: Наука. 163 с.
- Восточный граветт, 1998 / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: Научный мир. 332 с.
- Гладышев С. А., Олсен Д., Табарев А. В., Кузьмин Я. В., 2010. Хронология и периодизация верхнепалеолитических памятников Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. С. 35–42.
- Карасёв В. В., Колосов В. К., Крушевский В. В., 1996. Палеолитическое местонахождение Приисковое // Новые палеолитические памятники Забайкалья: (к Всемирному археологическому конгрессу, 1996): сб. науч. ст. / Отв. ред. М. В. Константинов. Чита: Изд-во Читинского пед. ин-та. С. 70–85.
- Константинов М. В., 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: к Всемирному интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). Улан-Удэ: Изд-во ИОН; Чита: Изд-во Читинского пед. ин-та. 179 с.
- Константинов М. В., 2005. С. М. Цейтлин в забайкальских экспедициях // На пользу и развитие русской науки / Отв. ред. А. Д. Столяр, Ю. В. Иванова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 46–51.
- Константинов М. В., 2009. «И опыт, сын ошибок трудных»: (проблемы определения возраста древних поселений Забайкалья) // Древнее Забайкалье: культура и природа / Под ред. А. В. Константинова, М. В. Константинова, И. И. Разгильдеевой. Чита: Изд-во Забайкальского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. С. 29—33.

М. Н. Мещерин

- Лисицын Н. Ф., 1996. Средний этап позднего палеолита Сибири // РА. № 4. С. 5–18.
- Лисицын Н. Ф., 2000. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение». 232 с. (Archaeologica Petropolitana, IX.)
- Лисицын Н. Ф., Лисицын С. Н., 1996. Ориньяк и микрограветт в палеолите Южной Сибири // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1 / Под ред. Н. Е. Бердниковой, В. М. Ветрова, А. Г. Генералова и др. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 42–45.
- Мещерин М. Н., 2009. Палеолитическое поселение Мастеров Ключ // Древнее Забайкалье: культура и природа / Под ред. А. В. Константинова, М. В. Константинова, И. И. Разгильдеевой. Чита: Изд-во Забайкальского гос. гуманитарно-педагогического ун-та. С. 79–99.
- *Нехорошев П. Е.*, 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский дом. 175 с.
- Рыбин Е. П., Гладышев С. А., Цыбанков А. А., 2007. Возникновение и развитие «отщеповых» индустрий ранней поры верхнего палеолита Северной Монголии // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Мат-лы Всеросс. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рожд. М. М. Герасимова. Т. 2 / Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Оттиск. С. 137–153.

Р. А. Мимоход

ПОСТКАТАКОМБНЫЙ ПЕРИОД В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ: ОТ КРИВОЛУКСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ К ВОЛГО-ДОНСКОЙ БАБИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

R. A. Mimokhod. Post-catacomb period in the Lower Volga region: from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture

Abstract. This article is devoted to an analysis of post-catacomb sites dating from the end of the Middle Bronze Age in the Lower Volga region and the Volga-Don interfluve. A description is provided of the funerary rite and the grave-goods accompanying the burials. It is argued that the pottery from the burials, which defines the culture, is represented by vessels decorated with multiple ridges, known also from the settlements of the region under discussion. On the basis of stratigraphic observations and cultural-typological comparisons, synchronization lines of local post-catacomb antiquities are established, particularly in relation to the Dnieper-Don Babino and Lola Cultures. According to calibrated radiocarbon dates, the post-catacomb period in the lower reaches of the Volga was determined as the 22nd-20th cc. BC. Examination of the terminology from a new angle has made it possible to conclude that the designation the so-called Krivaya Luka Cultural Group, which was previously used to mark post-catacomb sites in the region during the last ten years, has lost its relevance by this time. Given that the Lower Volga antiquities from the final stage of the Middle Bronze Age represent the eastern part of the Babino Cultural circle, a new term is suggested – «Volga-Don Babino culture» – in keeping with the principles used to denote other Babino cultures: Dnieper-Don and Dnieper-Prut Babino cultures.

Ключевые слова: посткатакомбный период, финал среднего бронзового века, Нижнее Поволжье, волго-донская бабинская культура, криволукская культурная группа, культурный круг Бабино, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, хронология, линии синхронизации.

Оценка культурного содержания финального периода эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья долгое время оставалась неоднозначной. Большинство исследователей считали, что на данной территории заключительный этап среднего бронзового века представлен позднекатакомбными (Мельник, 1984. С. 25, 26; Малов, Филипченко, 1995. С. 60; Пятых, 2000. С. 13, 22;

Кияшко, 2002. Рис. 128) или позднеполтавкинскими памятниками (Качалова, 2000. С. 212, 213; Шарафутдинова, 1995. С. 140; Васильев и др., 1994. Рис. 61; Трифонов, 2001. Табл. 1). Особую позицию занял В. В. Отрощенко, который включил территорию Нижнего Поволжья в ареал бабинской археологической культуры (Отрощенко, 2001. С. 39, 80, 83, 84). Это поставило вопрос о наличии в этом регионе пласта посткатакомбных памятников, отделяющего катакомбную культуру от позднебронзовых древностей. Данный горизонт охарактеризован исследователем на материалах только шести погребений (Барановка I 10/4, 5; Горный 2/4, 3, 7; Жареный Бугор 3/1), отнесенных к бабинской культуре (Там же. С. 83, 84). Однако казалось странным, что на достаточно хорошо изученной территории Нижнего Поволжья посткатакомбные (бабинские по В. В. Отрошенко) памятники единичны. Учитывая это, исследователь сам отметил «временное или эпизодическое пребывание носителей КМК (культуры многоваликовой керамики. – Р. М.) в данном регионе» (Там же. С. 85), на что обращалось внимание и раньше (*Шара*футдинова, 1996. С. 57; Литвиненко, 1999. С. 69). Соответственно напрашивался вывод либо о запустении этой территории в финале средней бронзы, либо все-таки о наличии здесь позднекатакомбных памятников. Оба предположения не вписывались в концепцию В. В. Отрощенко и потому остались без комментария. Выход из создавшейся ситуации мог заключаться в признании необходимости выделения основного посткатакомбного пласта захоронений в регионе.

Это отчетливо проявилось в работе Э. С. Шарафутдиновой (2001), где была предпринята первая попытка вычленения серии погребений финального периода эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье. Автор включила в нее 46 комплексов и впервые использовала термин «культурная группа», подчеркнув связь с катакомбной культурой (Там же. С. 148–153). Тем не менее вопрос о самостоятельном культурном статусе этих памятников окончательно решен не был и к ним в итоге был применен острожный термин «группа памятников финала (средней бронзы. – P. M.) (катакомбный тип)» (Там же. С. 135. Табл. 3), оставляющий возможности для конкретизации его культурного содержания.

А. В. Кияшко на базе 50 комплексов показал особенности погребений этого горизонта. Однако наличие в их материалах бабинских пряжек заставило его вернуться к бабинской атрибуции (Кияшко, 2003. С. 31). В то же время специфика обряда, отличающегося от классического бабинского, и компактная территория распространения привели к обособлению нижневолжских погребений в локальный вариант в рамках бабинской культуры (Там же).

Складывалась противоречивая ситуация. Оперируя одними и теми же комплексами, исследователи включали их в разные культурные контексты. Наиболее четко это проявилось на примере яркого комплекса Жареный Бугор 3/1 (рис. 2, 3). Его относили к бабинской культуре (Монахов, 1984. С. 241–243; Шарафутдинова, 1987. С. 42; Отрощенко, 2001. С. 84; Кияшко, 2003. С. 31), к финальным стадиям среднедонской катакомбной (Матвеев, 1996. С. 27, 28; Синок, 1996. С. 168, 169. Рис. 41, 95; Мимоход, 2002. С. 235), волго-донской катакомбной культур (Малов, Филипченко, 1995. Рис. 4, 11, 12; 5, 49) и к финалу средней бронзы (катакомбному типу) (Шарафутдинова, 2001. С. 153). Он именовался одновременно посткатакомбным и финальным среднедонским катакомбным (Литвиненко, 1999. С. 70, 71) или переходным от средней к поздней

бронзе (Отрощенко, 1998. С. 115). При этом была заметна инородность данного захоронения в типологических рядах обрядово-инвентарных комплексов как катакомбных, так и днепро-донской бабинской культур. Все это вело к поиску того контекста, в котором комплексы подобного типа могли бы занять свое место.

Пути эти были намечены (*Шарафутдинова*, 2001. С. 148–153; *Кияшко*, 2003. С. 30, 31), вопрос о посткатакомбном характере и культурной обособленности погребений подобного типа поставлен (*Литвиненко*, 2004. С. 103–105, 108). Полный сбор и обработка источниковой базы позволили выделить в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье криволукскую культурную группу посткатакомбного периода (*Мимоход*, 2004. С. 108–114; 2005; 2010а). Название ей было дано по могильникам Кривая Лука в Астраханском Поволжье, которые раскапывались в 70–80-х гг. прошлого века Г. А. Федоровым-Давыдовым и В. В. Дворниченко. В курганах этих некрополей серийно представлены посткатакомбные захоронения, а также стратиграфические связки, в частности с лолинской археологической культурой, позволившие решить проблему хронологической позиции криволукской группы в рамках заключительного этапа эпохи средней бронзы.

Территория распространения. На сегодняшний день учтено 140 криволукских погребений. Основной ареал — Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье (рис. 1). Наибольшее их количество известно на территории Волгоградской и Саратовской областей. Памятники расположены на обоих берегах Волги и ее притоках, а также на левых притоках Дона. Криволукские комплексы, в основном, не распространяются восточнее левобережья Нижней Волги. Восточную границу ареала маркируют оз. Эльтон и верховья р. Торгун (Красная деревня 8/4, 15/5; Кумыска II 1/2). На севере криволукские погребения зафиксированы в Самарском Заволжье. Южная граница ареала проходит по северу Астраханской области.

Характеристика погребального обряда. Группа представлена в основном курганными погребениями. Известны единичные случаи совершения грунтовых захоронений (Белогорское I ск. 1/1, 7, 14, 15). Погребения – основные, с досыпками и впускные. Примечательно сравнительно большое количество основных захоронений (38,4%). Погребения, сопровождавшиеся досыпками, составляют 4,5%, впускные – 57,1%. Симптоматичным выглядит формирование чисто криволукских курганных некрополей, а также обособленных могильников в пределах курганной группы (Верхний Балыклей, Николаевка 3, Дмитриевка, Линево, Смеловка). Развитое курганное строительство – характерная черта блока посткатакомбных культурных образований (Мимоход, 2005. С. 71).

Криволукские курганы небольшие. Высота их в среднем составляет 0,3–0,6 м. Очень редко встречаются насыпи высотой более 1 м (Новая Молчановка к. 1, Советское одиночный курган, Рыбный к. 3).

Погребения совершены в ямах (68,7%) овальной, реже подпрямоугольной в плане формы. Изредка фиксируются ямы с заплечиками (6%) и могилы со ступенькой (3,4%). Особая разновидность могильных конструкций – ямы с подбоем (7,8%).

Большинство погребений одиночные. Известен обряд парного захоронения. В пяти случаях из шести — это погребения взрослого и ребенка.

Костяки в могилах лежат скорченно на левом боку. Положение скелета на правом боку зафиксировано всего пять раз. В ориентировке доминируют северные векторы. Чаще всего умершие ориентированы в северо-восточный (47,8 %), северный (18,2 %) и восточный (14,8 %) секторы. Реже фиксируются северо-западный и юго-восточный векторы – 6,9 и 4,3 %. Южная ориентировка крайне редка, западная отсутствует вовсе. Положение рук относительно стандартно. Наиболее распространена позиция, при которой левая рука вытянута к бедрам, правая слегка согнута в локте, кисть лежит на тазе (42,6 %). Второе место в количественном отношении занимает классическая катакомбная поза – обе руки вытянуты к бедрам (30,4 %); третье – поза, хорошо известная в погребальном обряде раннебабинской культуры, при которой одна рука вытянута к бедрам, вторая согнута в локте под прямым углом, предплечье находится в районе локтевого сустава вытянутой руки (10,4 %).

Особенности ориентировки костяков и могильных конструкций позволяют разделить массив криволукских захоронений на четыре обрядовые группы (ОГ) (рис. 2, 3).

 $O\Gamma I$ (рис. 2, 1–6). К этой группе отнесены погребения в ямах с северными векторами ориентации (C, CB, C3).

 $O\Gamma$ II (рис. 2, 7–9) составляют погребения в ямах с восточными ориентировками (B, IOB).

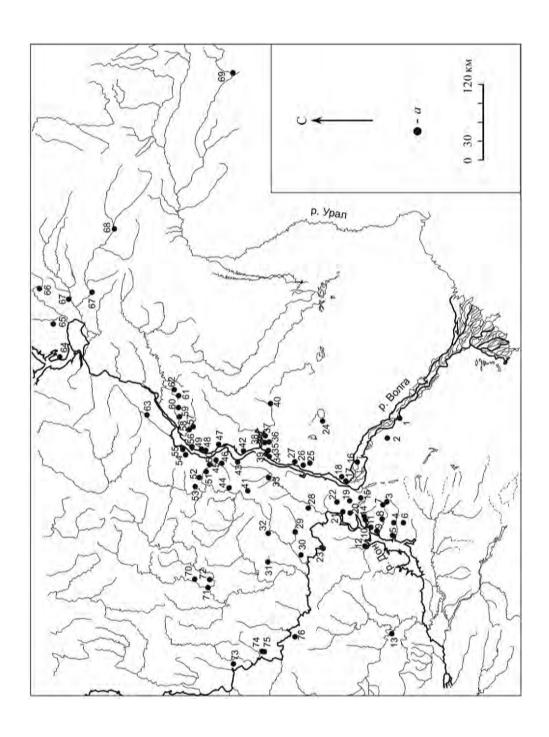
 $O\Gamma III$ (рис. 3, 1–3) объединяет захоронения в ямах с южной ориентацией скелета.

 $O\Gamma IV$ (рис. 3, 4–8) выделена по специфической форме конструкции могил – ям с подбоем (редуцированные катакомбы). В данной группе доминируют также северные векторы ориентировки (CB, C, C3).

В количественном отношении обрядовые группы неравноценны. Большая часть криволукских захоронений относится к ОГ I (68,3 %). Именно она и формирует наглядный образ культурного явления. Погребения ОГ II встречаются реже (22 %), еще меньше захоронений ОГ III (2,2 %) и ОГ IV (6,6 %). Правомерность разделения погребений на обрядовые группы подтверждается, прежде всего, данными картографирования. Погребения ОГ I известны по всему ареалу криволукской культурной группы. Значительная часть погребений ОГ II находится на левобережье Волги. Видимо это преимущественно заволжская группа криволукских захоронений. Все три комплекса ОГ III в ямах с южной ориентировкой сосредоточены в южной части ареала в пределах Волгоградской области. Скорее всего, подобная ориентация – свидетельство контактов с лолинской культурой, на раннем этапе которой южные векторы хорошо представлены, а в комплексе Писаревка II 10/2 выявлен типичный кавказско-предкавказский набор украшений (бронзовый колпачок и лепестковидный бисер) (рис. 3, 2; 4, 33, 36). Большинство погребений в подбоях (ОГ IV), наоборот, тяготеет к северной части ареала (север Волгоградской, Саратовская и Самарская области).

Одна из отличительных черт погребального обряда — своеобразная визитная карточка криволукской культурной группы — помещение в могилу костей мелкого (MPC) и крупного рогатого скота (КРС). Первой на это обратила внимание Э. С. Шарафутдинова (2001. С. 149). В подавляющем большинстве случаев в могилу помещали кости ног животных (92 % из всех комплексов с костями). Изредка

они могут быть в сочетании с астрагалами и лопатками. Погребения с костями конечностей MPC и KPC составляют 63,4% всех криволукских захоронений. Из них 51,3% — погребения с конечностями MPC; 6,9% — с конечностями KPC; 5,2% — комплексы, содержащие конечности тех и других. Место костей животных в могиле регламентировано. Основная зона их выявления — перед умершим в районе левой руки. Чаще всего они находятся около костей плеча, предплечья и кисти (рис. 2, 1–2, 4–9; 3, 2–8). Здесь сосредоточено 72,4% всех комплексов с костями животных. Аналогичное расположение археозоологических остатков по отношению к скелету характерно и для ряда других посткатакомбных образований Юга России: лолинской культуры, кубанской и архонской культурных групп (Мимоход, 2006. С. 250, 251; 2007; Кореневский, Мимоход, 2011. С. 41).

Картографирование комплексов с костями показало, что значительное число криволукских погребений (12 из 14), содержащих кости КРС (либо отдельно, либо в одном комплексе с костями МРС), сосредоточено в северной части ареала культурной группы — на севере степной и юге лесостепной зон. Количество комплексов только с костями МРС на этой территории заметно меньше, чем в степи. Вероятно, это объясняется отражением в ритуальной практике видового состава стада, т. е. увеличением роли КРС в хозяйстве носителей криволукской традиции в более благоприятных для пастушеского скотоводства условиях пограничья степи-лесостепи.

Подавляющее большинство погребений криволукской культурной группы не имело инвентаря либо сопровождалось исключительно костями МРС

Рис. 1. Территория погребальных комплексов волго-донской бабинской культуры

a — памятники

I – Никольское 1/8; 2 – Кривая Лука XI 4/1,2, XII 1/7, XIV 15/10, XV 2/12, 3/5, XXI 2/4, XXIII 1/8, 3/3, XXXIII 4/2, XXXIV 2/2, 5/7; 3 – Абганерово III 12/9; 4 – Антонов 3/5; 5 – Ромашкин II 1/11; 6 – Захаров п. 4; 7 – Жутово І 80/2; 8 – Громославка ІІ 2/8; 9 – Первомайский І 8/5; 10 – Верхнерубежный I 3/4; 11 — Вербовский III 3/6; 12 — Чир II 2/1; 13 — Репный I 7/5, 13, 17; 14 — Тихоновка 1/4; 15 – Орошаемый 1 4/3; 16 – Царев 66/1; 17 – Волжский 2/11, 16; 18 – Калиновский 6/1, 8/15, 54/2; 19 — Красный пахарь 3/2; 20 — Дмитриевка 9/5; 21 — Вертячий 7/7, 15, 24; 22 — Котлубань I 7/3, 9/3, II 4/2; 23 — Евстратовский II 3/2, 4/3; 24 — Красная деревня 8/4, 15/5; 25 — Ямки 1/4, 3/8; 26 — Верхний Балыклей 2/2, 4/1, 3, 4, 6/4, 5, 6; 27 – Быково І 4/3, Быково ІІ 5/9; 28 – Писаревка ІІ 10/2; 29 - Ветютнев 9/6; 30 - Зимняцкий 1/2; 31 - Короли 4/3; 32 - Сидоры 26/1; 33 - Петрунино II 5/2, 5/5; 34 — Рыбный 3/16; 35 — Политодельское 3/5, 4/27; 36 — Новая Молчановка 1/7; 37 — Западные могилы 20/4,5; 38 – Бережновка I 8/4, 5, 9/14, II 14/4, 87/3; 39 – Политодельское 3/5, 4/27; 40 — Кумыска II 1/2; 41 — Бурлук I 1/2; 42 — Белокаменка 3/8; 43 — Белогорское I п. 1, 7, 14, 15, 28; 44 — Линево 6/6, 8/2; 45 — Суворовский 1 один. курган/1; 46 — Красноармейское 1/6, 7; 47 — Скатовка 6/1, 18/1, 27/1; 48 – Узморье 1/6, 2/7; 49 – Смеловка 2/1, 3, 3/2; Смеловка, гр. мог. п. 111, 128; 50 – Паницкое 6 4/3; 51 – Рыбушка 15/2; 52 – Большая Дмитриевка II 1/6; 53 – Широкий Карамыш 4/10; 54 – Жареный бугор 3/1; 55 – Усть-Курдюм 6/1, 15/2; 56 – Светлое Озеро 6/3; 57 – Советское 2/15, один. курган/6; 58 – Крутояровка 11/3; 59 – Рунталь 1/1; 60 – Калмыцкая Гора F 6/7, 2/10, Бородаевка 2/2, 3; *61* – Чапаевка 6/1; *62* – Караман 3/1; *63* – Дмитриевка 1/1, 2/1; *64* – Ягодное I 3/1; 65 – Николаевка 3 2/1, 3/3, 4, 5/1; 66 – Калиновский I 1/4; 67 – Утевка V 4/1; 68 – Скворцовка 5/3 скелет 1; 69 — Учебный полигон п. 3; 70 — Власовский I 7/1, 14/1; 71 — Чурилово 1 3/3; 72 — Губари 4/1; 73 — Липовка 1 5/1; 74 — Павловск II ск. 2/38; 75 — Павловский 41/3; 76 — Высокая Гора 5/1

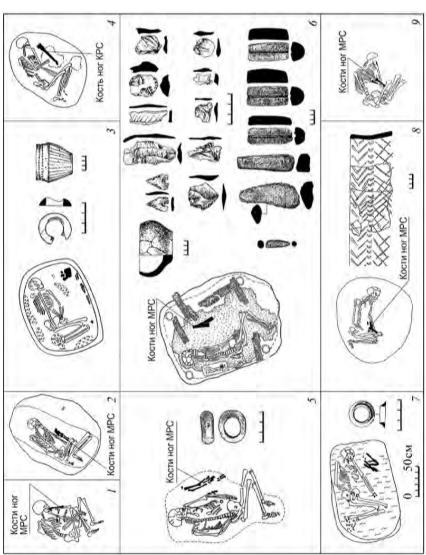
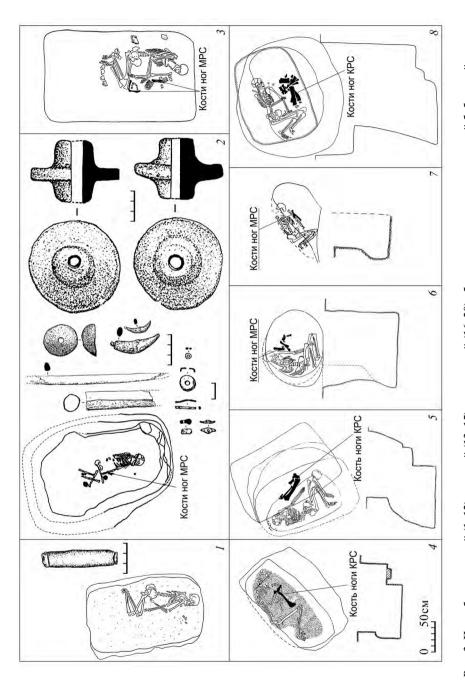

Рис. 2. Погребения первой волго-донской бабинской обрядовой группы культуры

I - Бережновка I 5/8; 2 - Громославка II 2/8; 3 - Политодельское 3/5; 4 - Вертячий 7/7; 5 - Верхний Балыклей 6/6; 6 - Власовский I 7/1; 7 - Кривая Лука XXXIII 4/2; 8 — Никольское I 1/9; 9 — Красноармейское 1/7; 10 — Жареный Бугор 3/1; 11 — Кривая Лука XXXIV 2/2; 12 — Котлубань II 4/2; 13 – Калиновский I 1/4; 14 – Николаевка 3 3/3; 15 – Белогорское I ск. 1/15; 16 – Смеловка 2/3; 17 – Кривая Лука XV 3/5; 18 – Ромашкин II один. курган/6; 19 — Орошаемый 1 4/3; 20 — Абганерово III 12/9; 21 — Евстратовский II 4/3; 22 — Евстратовский II 3/2; 23 — Высокая Гора 5/1; 24 — Петрунино II 5/2

1 – Николаевка З 2/1; 2 – Калиновский 54/2; 3 – Скатовка 21/7; 4 – Скатовка 6/1; 5 – Линево 6/6; 6 – Рунталь 1/1; 7 – Кривая Лука XXIII 3/3; 8 — Степная IV 3/1; 9 — Широкий Карамыш 4/10; 10 — Короли 4/3; II — Светлое Озеро 6/3; I2 — Вертячий 7/25; I3 — Жутово I 80/2; I4 — Писаревка II 10/2; 15 — Бережновка I 5/21; 16 — Рыбушка 15/2; 17 — Усть-Курдком 6/1; 18 — Смеловка 3/2; 19 — Верхний Балыклей 4/3; 20 — Утевка V 4/1Рис. З. Погребения второй (1–12), трегьей (13–15) и четвертой (16–20) обрядовых групп волго-донской бабинской культуры

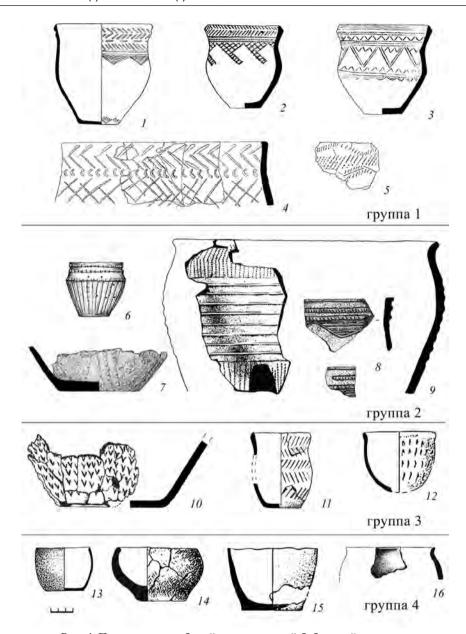

Рис. 4. Посуда из погребений волго-донской бабинской культуры

Группа 1 – керамика с вольско-лбищенскими чертами (1-5); группа 2 – керамика с многоваликовой орнаментацией (6-9); группа 3 – керамика с чертами воронежской культуры (10-12); группа 4 – керамика баночной и горшковидной форм надкультурного характера (13–16) I - Советское 1 2/14; 2 - Белогорское I ск. 1/15; 3 - Белогорское I п. 28; 4 - Рунталь 1/1; 5 - Калмыкая Гора F 6/7; 6 – Жареный Бугор 3/1; 7 – Паницкое 64/3; 8 – Учебный полигон п. 3; 9 – Царев 66/1; 10 – Липовка 1 5/1; 11 – Чурилово 1 3/3; 12 – Губари 4/1; 13 – Антонов 3/4; 14 – Высокая и/или КРС. Количество таких захоронений составляет 75 %. Малочисленность и скудность, а зачастую отсутствие вещей в могилах — надкультурная черта блока посткатакомбных образований (Mumoxod, 2005. С. 71, 72).

Стратиграфические данные. В курганах криволукские захоронения следуют за погребениями волго-донской или левобережного варианта среднедонской катакомбных культур (Верхнерубежный I к. 3/4 и 3¹, Антонов 3/4 и 5; Вертячий 7 (восточный курган)/15 и 22; Кривая Лука XXXIII 4/2 и 3; Котлубань I 7/2, 3 и 1, 9/8 и 5; Белогорское I ск. 1/7 и 4; Бережновка I 5/21 и 19; а также др.). Случаи обратной стратиграфии неизвестны. Косвенные свидетельства датирования криволукских погребений не ранее финала средней бронзы — серийные случаи, когда при основном захоронении выделенных обрядовых групп фиксируются впускные комплексы того же времени: покровские, срубные и/или сарматские (Калиновский к. 6, Орошаемый 1 к. 4, Бережновка I к. 8, Новая Молчановка к. 1, Быково II к. 5, Скатовка к. 21, Белокаменка к. 3, Вишневка одиночный курган, Кривая Лука XI к. 4, Рыбный к. 3, Верхний Балыклей к. 4, 6 и др.).

Для установления нижней границы существования группы особый интерес представляют случаи стратиграфического соотношения криволукских погребений с лолинскими и днепро-донскими бабинскими комплексами. В курганной группе Кривая Лука XXXIV в Астраханском Поволжье (рис. 1, 2) курган 5 был возведен над основным погребением 5 раннего этапа лолинской культуры (Ми*моход*, 2004. С. 111. Рис. 3). Одно из впускных захоронений (п. 7) – криволукское. В группе Бурлук I на севере Волгоградской области (рис. 1, 41) в кургане 1 две насыпи сооружены над погребениями 4 и 5 днепро-донской бабинской культуры, чью принадлежность к раннему этапу развития бабинских древностей маркируют западная ориентировка костяка, характерное положение рук (п. 4) и фрагменты многоваликовой посуды на погребенной почве и в насыпи (п. 5). Над ним была совершена досыпка, связанная с криволукским погребением 2 (Мимоход, 2013. Ил. 86). В могильнике Репный I на Северском Донце в кургане 7 зафиксировано чередование стратиграфических горизонтов ранних Бабино и Кривой Луки (*Глебов*, 2004. С. 77–108; *Литвиненко*, 2011a. Рис. 8). В курганной группе Кривая Лука XXI в кургане 2 лолинское погребение 6 второго этапа, который синхронен второму этапу Бабино, прорезает криволукское захоронение 4. Иными словами, нижняя дата криволукской культурной группы не может быть древнее раннебабинского и раннелолинского времени.

В свою очередь криволукские захоронения в Нижнем Поволжье перекрыты покровскими комплексами (Кривая Лука XII 1/7 и 16; Бородаевка 2/2 и 10, 14, 15; Советское одиночный курган/6 и 3, 4; Жареный Бугор 3/1 и насыпь; Ромашкин II одиночный курган/11 и 6; Политодельское 3/5 и 2; Политодельское 4/27 и 6, Бережновка II 87/3 и 2; Потемкино 3/3 и 1; Узморье 2/7 и 1, 2; Западные могилы 20/4, 5 и 2 и др.), в том числе погребениями, имеющими достаточно архаичный облик (Линево 6/6 и 4, 8/2 и 3; Политодельское 4/27 и 6).

Таким образом, стратиграфические данные определяют хронологический интервал для криволукской культурной группы не раньше раннебабинского

¹ Последним номером идет захоронение катакомбных культур.

и раннелолинского времени и не позже памятников покровского типа. Учитывая тот факт, что в Поволжье ареалы покровских и криволукских древностей совпадают, при этом ни разу не зафиксирован случай обратной стратиграфии между погребениями данных культурных образований, следует констатировать более ранний возраст Кривой Луки по отношению к Покровску.

Инвентарь криволукских погребений представлен целыми сосудами и фрагментами керамики, бронзовыми, керамическими и раковинными украшениями, бронзовыми ножом и крючком, костяными и роговыми пряжками, каменными пестом и оселком, кремневыми стрелами и отщепами, глиняными моделями колес.

Керамика. В крайне бедном инвентаре криволукских погребений чаще всего присутствуют остатки посуды. Погребения с керамикой (16 комплексов) составляют 11,4 % всех захоронений.

В этом скудном наборе, тем не менее, четко выделяются четыре группы сосудов (рис. 4). Керамика первых трех групп, которая обнаружена в захоронениях, совершенных по криволукской обрядности, имеет разные культурные черты. Эта многокомпонентность крайне немногочисленного керамического комплекса Кривой Луки можно логично объяснить. На этом следует остановиться после характеристики сосудов, происходящих из криволукских памятников, а также попытаться на конкретном материале с учетом культурных контекстов разобраться с содержанием понятия «посуда криволукской группы». Это особенно актуально с учетом того, что именно данный критерий в свое время стал для автора основополагающим в попытках определиться с окончательным таксономическим уровнем выделенного пласта посткатакомбных памятников в Нижнем Поволжье (Мимоход, 2009. С. 35).

Первая группа представлена сосудами, которые имеют выраженные вольсколбищенские черты (рис. 4, 1–5), вторую составляют горшки с многоваликовой орнаментацией (рис. 4, 6–9), в третью группу объединена керамика с чертами воронежской культуры (рис. 4, 10–12), наконец, четвертая группа — это банки и горшок, надкультурные типы, характерные для всех посткатакомбных культурных образований (рис. 4, 13–16).

Понять, какая группа представляет собой собственно криволукскую, а не инокультурную керамику, позволяет картографический метод (рис. 1). Комплексы с вольско-лбищенской посудой (Советское 1 2/4, Белогорское I ск. 1/15, Белогорское I п. 28, Рунталь 1/1; Калмыцкая Гора F 6/7) располагаются в северной части криволукского ареала, в Саратовском Поволжье, в зоне непосредственного контакта носителей традиций Кривой Луки и Вольска-Лбище. Захоронения с сосудами воронежского типа (Липовка 1 5/1, Чурилово 1 3/3, Губари 4/1) концентрируются на северо-западной периферии ареала, в пределах Воронежской области, там, где криволукские группы вступали во взаимодействие с воронежскими. Погребения с многоваликовой керамикой, близкой к бабинской, демонстрируют принципиально иную картину. Они известны на севере ареала в Саратовской области (Жареный Бугор 3/1; Паницкое 6 4/3), в его центре в Волгоградской области (Евстратовский II 4/3) и на юге на границе Волгоградской и Астраханской областей (Царев 66/1). Иными словами, керамика с многоваликовой орнаментацией представлена по всему ареалу, в отличие от воронежской

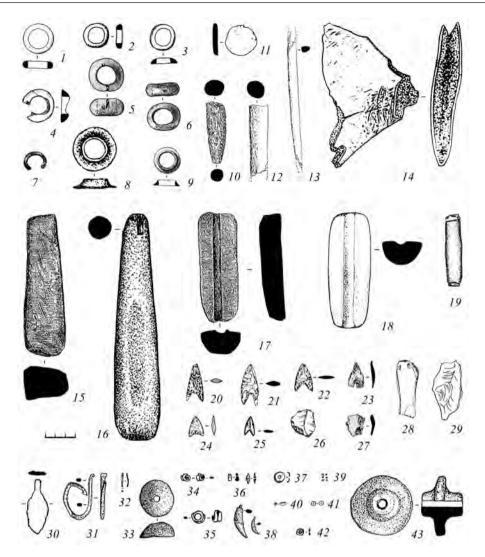

Рис. 5. Погребальный инвентарь волго-донской бабинской культуры

1—9 — пряжки; 10 — отжимник; 11 — бляшка; 12 — трубочка; 13 — проколка; 14 — тупик; 15, 16 — пестообразные орудия; 17, 18 — выпрямители древков стрел; 19 — оселок; 20—25 — наконечники стрел; 26—29 — отщепы; 30 — нож; 31 — рыболовный крючок; 32—42 — украшения; 43 — модель колеса. 1—14 — кость и рог; 15—29 — камень; 30—32, 40, 41 — бронза; 33 — серебро; 37—38 — зубы животных; 36, 42 — керамика; 39 — сурьма; 41 — раковина.

1,30 — Верхний Балыклей 4/4;2 — Большая Дмитриевка II 1/6;3 — Власовский I 7/1;4 — Жареный Бугор 3/1;5 — Евстратовский II 3/2;6 — Евстратовский II 4/3;7 — Дмитриевка 1/1;8 — Короли 4/3;9 — Линево 6/6;10,15,17,23,27 — Высокая Гора 5/1;11,18,21,22,28 — Петрунино II 5/2;12,13,32,33,36—38,43 — Писаревка II 10/2;14 — Царев 66/1;16 — Антонов 3/4;19,26 — Жутово I 80/2;20 — Петрунино II 5/5;24 — Смеловка 2/3;25 — Верхнерубежный I 3/4;29 — Западные могилы 20/4;31 — Красная деревня 15/5;34,35 — Светлое Озеро 6/3;39 — Бородаевка 2/2;40 — Кривая Лука XII 1/7;41 — Павловск II ск. 2/38;42 — Чир II 2/1

ВЫП, 232, 2014 г.

и вольско-лбищенской посуды, находки которой приурочены исключительно к зонам контакта посткатакомбного и постшнурового миров.

Нельзя объяснить присутствие многоваликовой керамики в криволукских комплексах взаимосвязями с соседней днепро-донской бабинской культурой. Вопервых, потому что они находятся не на западе ареала в зоне контакта с Бабино. а на севере, в центре и на юге. Во-вторых, криволукский комплекс с многоваликовой керамикой (Учебный полигон п. 3) (рис. 4, 8) находится в Приуралье, где контакты с бабинскими группами исключены полностью². Наконец, многоваликовая посуда криволукской культурной группы имеет черты, отличающие ее от днепро-донской бабинской керамики. В подобном ракурсе на особенности сосуда из Жареного Бугра (рис. 4, 6) обращал внимание Р. А. Литвиненко (1999. С. 70). Горшок из Царева (рис. 4, 9) помимо специфической многоваликовой орнаментации, не имеющей прямых аналогий в днепро-донской бабинской культуре, украшен елочным мотивом, выполненным зубчатым штампом. Такой орнамент вообще неизвестен в днепро-донских бабинских древностях, а более характерен для волго-донской катакомбной культуры, которая служит генетическим субстратом для криволукских памятников. Таким образом, имеются немногочисленные (как и сами нижневолжские посткатакомбные погребения с керамикой), но веские основания утверждать, что именно посуда с многовалковой орнаментацией служит опознаваемым культурным индикатором криволукской культурной группы. Подтверждает этот факт и то, что поселения, на которых обнаружена многоваликовая посуда посткатакомбного облика в Нижнем Поволжье, расположены именно там, где зафиксированы погребальные комплексы с подобной керамикой: в Волгоградской (Лапушина балка) и Саратовской (Алексеевское городище, Хлопково городише. Новая Красавка. Утес Степана Разина) областях. Теперь понятно, что на этих поселениях обитали носители криволукской погребальной традиции.

Изделия из кости и рога представлены в основном яркой категорией хронологически диагностичных вещей – пряжками (рис. 5, I–9), которые находят убедительные аналогии в материалах днепро-донской бабинской культуры. В криволукской серии большую часть составляют кольцевые пряжки, характерные для раннего Бабино (рис. 5, 1–7), меньшую – кольцевидные изделия с бортиком вокруг отверстия (рис. 5, 8, 9), которые маркируют второй этап развития бабинских древностей. Однако, как и в случае с многоваликовой керамикой, при картографировании криволукских комплексов с пряжками (рис. 1) выясняется, что они не проявляют явной тенденции тяготения к ареалу днепро-донской бабинской культуры. Эти изделия известны на севере (Большая Дмитриевка 1/6, Дмитриевка 1/1, Жареный Бугор 3/1), в центре криволукского ареала (Линево 6/6), а также в Заволжье (Верхний Балыклей 4/4). Впрочем есть пряжки и в контактной бабинско-криволукской зоне (Евстратовский 11 3/2, 4/3, Короли 4/3), но это как раз подчеркивает то, что подобные изделия известны на всей территории

 $^{^2}$ Впрочем нельзя исключать, что это фрагменты токсанбайского облика. Похожая посуда известна на поселениях Северо-Восточного Прикаспия (*Самашев и др.*, 2009. Рис. 1, 6; 2, 8). Если так, то это принципиально схожая ситуация, как в случае с керамикой вольско-лбищенского и воронежского типов: инокультурная посуда попадает в криволукские комплексы исключительно в контактной зоне.

распространения памятников типа Кривой Луки. Скорее всего, как феномен многоваликовой посуды, так и феномен костяных и роговых пряжек имманентно присущи нижневолжским посткатакомбным памятникам. Следует обратить внимание на интересный момент: при очевидном сходстве бабинских и криволукских пряжек невозможно найти прямые аналогии пряжкам из погребений Евстратовского могильника (рис. 5, 5, 6) в днепро-донских бабинских материалах; это вполне самостоятельный тип поясных деталей.

Кроме пряжек в криволукских комплексах присутствуют роговой отжимник (рис. 5, 10), костяные бляшка, трубочка и проколка (рис. 5, 11–13). Особый интерес представляет обнаружение костяного тупика (рис. 5, 14). Крупное орудие кожевенного производства известно и в комплексе днепро-донской бабинской культуры Калинов 1/8 (Мимоход, 2013. С. 92, 93). Появление тупиков в двух посткатакомбных захоронениях Днепро-Волжского междуречья — результат контактов Бабино и Кривой Луки с лолинской культурой Предкавказья, которая сгенерировала традицию помещения в погребальные комплексы крупных кожевенных орудий (Там же. С. 94, 97). Неудивительно поэтому, что бабинское и криволукское погребения с тупиками располагаются в контактной зоне с лолинскими древностями в Донецкой области и на юге Волгоградской.

Ассортимент каменных орудий включает пестообразные изделия (рис. 5. 15, 16), наборы мастеров-изготовителей стрел, которые состоят из выпрямителей древков стрел, кремневых наконечников стрел и их заготовок, отщепов (рис. 5, 17, 18, 20–23, 27–29), отдельные отщепы и наконечники стрел (рис. 5, 24-26, 29), каменный оселок с двумя перетяжками (рис. 5, 19). Показательны наборы стрелоделов. В Кривой Луке их три: Петрунино II 5/2, 5/5, Высокая Гора 5/1 (рис. 2, 6); в доно-донецком регионе Бабино, т. е. в сопредельном с криволукским ареалом, – четыре (Литвиненко, 2012. Рис. 12). Криволукские наборы мастеров-изготовителей стрел и днепро-донские бабинские территориально явно тяготеют друг к другу (Там же). Казалось бы, в таком случае можно говорить, что криволукские наборы – результат контактов с Бабино. Однако Р. А. Литвиненко, на мой взгляд, применив комплексный анализ, убедительно показал, что подобная локализация криволукских и бабинских захоронений с комплектами стрелоделов – это не столько следы трансляции данного явления от одного культурного образования к другому, сколько результат военного противостояния между днепро-донскими и нижневолжскими (волго-донскими) посткатакомбными группами (Литвиненко, 2012. С. 63, 65, 69).

Кремневые наконечники стрел криволукской группы представлены исключительно выемчатыми экземплярами (рис. 5, 20–25). Это полностью соответствует стандартам днепро-донской бабинской культуры, в колчанных наборах которой присутствуют также исключительно изделия с выемкой в основании (*Литвинен-ко*, 1998). Большинство криволукских стрел найдено вместе с комплектами стрелоделов, о специфике и причинах территориального расположения которых уже говорилось. Кроме того, есть еще два комплекса, где обнаружено по одному наконечнику стрелы: Верхнерубежный І 3/4 и Смеловка 2/3 (рис. 5, 24, 25). Первый из них расположен в той же контактной зоне, что и погребения мастеров-изготовителей стрел, а второй находится в Саратовской области на левобережье Волги (рис. 1, 10, 49). Здесь контакты криволукской группы и днепро-донской

бабинской культуры фактически исключены, так как ни одного погребения днепро-донского Бабино в Заволжье и ближайшем Приволжье нет, в то время как эти регионы — структурообразующая территория криволукских древностей. Иными словами, выемчатые стрелы и наборы стрелоделов присущи как днепро-донскому Бабино, так и Кривой Луке, просто их взаимное территориальное тяготение друг к другу обусловлено непростым характером взаимоотношений между двумя культурными образованиями (Литвиненко, 2012. С. 63, 65, 69).

Бронзовые орудия криволукской культурной группы единичны — это нож и рыболовный крючок (рис. 5, 30, 31).

Более интересен *гарнитур украшений*. Именно на его примере можно хорошо показать контакты посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья с инокультурным окружением. Полностью южное происхождение имеет набор из комплекса Писаревка II 10/2, состоящий из бронзового колпачка с отверстием, лепестковидного и двухрожкового бисера, подвесок из клыков животных, бусины из зуба ската (рис. 3, 2; 5, 33, 36–38). Эти изделия и их сочетания в гарнитурах имеют убедительные аналогии в посткатакомбных памятниках Предкавказья (лолинской культуре, кубанской и архонской культурных группах) и гинчинской и присулакской культурах финального этапа среднего бронзового века Северо-Восточного Кавказа (*Мимоход*, 2013. С. 199, 200, 248. Ил. 78, 79, 98, *12*).

Мелкие металлические подвески в полтора оборота, происходящие из комплекса Светлое Озеро 6/3 (рис. 5, 34, 35), в целом сопоставимы с позднекатаком-бными образцами (Жемков, Лопатин, 2008. С. 174). Однако следует обратить внимание на миниатюрные размеры изделий, более соответствующие абашевским подвескам. Причем один предмет изготовлен из серебра (рис. 5, 35). Этот металл позднекатакомбные и посткатакомбные мастера почти не использовали для изготовления украшений (Мимоход, 2009. С. 128). Зато именно серебро повсеместно выступало сырьем для производства ювелирных изделий в среде средневолжской абашевской культуры, в том числе и подвесок в полтора оборота (Кузьмина, 2002. С. 179). Расположение комплекса Светлое Озеро 6/3 на севере Нижнего Поволжья (рис. 1, 56) в непосредственной близости от ареала средневолжской абашевской культуры позволяет рассматривать серебряную подвеску в посткатакомбном комплексе в качестве проявления межкультурных связей.

К ним же отсылает обнаружение в криволукском захоронении Бородаевка 2/2 сурьмяных бус (рис. 5, 39). Как и в случае с серебром, это единственная находка украшений из сурьмы в посткатакомбном контексте Нижнего Поволжья. В степной зоне в синхронный период серийное использование сурьмяного литья известно только в лолинской культуре Предкавказья, где оно имело кавказские истоки (Γ ак и ∂p ., 2012). В рассматриваемом случае не должна вызывать удивление удаленность заволжского комплекса из Бородаевки от лолинского ареала (рис. 1, 60). Трансляция сурьмяных бус в криволукскую среду произошла, скорее всего, посредством волго-уральской культурной группы, которая была северным дериватом лолинской культуры и занимала степи одноименного региона (Mимохоd, 20106; 2013. Ил. 123).

К уникальным изделиям инвентарного комплекса криволукской культурной группы относятся глиняные модели колес, обнаруженные в комплексе Писаревка II 10/2 (рис. 3, 2; 5, 43). В рамках посткатакомбного блока известен еще один случай обнаружения таких моделей в контексте погребального обряда — это бабинское захоронение Ильичево 9/6 в Восточном Крыму (*Корпусова, Ляшко*, 1999. Рис. 3).

Хронология. Стратиграфические данные и датирующие вещи криволукских погребений надежно устанавливают относительную позицию группы в рамках посткатакомбного блока финального этапа среднего бронзового века. Этой проблеме посвящена специальная работа (Мимоход, 2010а). Кратко сформулируем ее основные выводы. В стратиграфическом отношении криволукские захоронения следуют за комплексами среднедонской и волго-донской катакомбных культур и предшествуют покровским погребениям. Присутствие в криволукском инвентаре кольцевых пряжек (рис. 5, 1-7), оселка с двумя перетяжками (рис. 5, 19). двухрожковых и лепестковидных бус (рис. 5, 36), наборов стрелоделов (рис. 2, 6; 5, 15, 17, 18) позволяет уверенно синхронизировать ранние памятники Кривой Луки с ранними этапами днепро-донской бабинской и лолинской культур. В двух комплексах найдены кольцевые пряжки с бортиком (рис. 5, 8, 9) второго этапа днепро-донской бабинской культуры. На основании этих данных уверенно можно говорить о синхронности всего диапазона существования криволукской культурной группы первым двум этапам днепро-донской бабинской, а соответственно и лолинской культур. Симптоматичным выглядит отсутствие в криволукских комплексах двудырчатых пряжек, изогнутых в сечении, которые характерны для позднебабинской традиции и изредка встречаются в покровских комплексах. Надежно зафиксированное предшествование в курганах криволукских погребений покровским захоронениям и синхронность последних позднебабинской и позднелолинской культурам устанавливают верхнюю границу хронологического диапазона Кривой Луки не позже развитых периодов Бабино и Лолы, т. е. до начала формирования блока колесничных культурных образований.

Серия данных ¹⁴С криволукской культурной группы насчитывает девять дат, сделанных в четырех лабораториях (табл. 1).

Все они показывают хорошую степень сходимости и очерчивают калиброванный интервал в пределах XXII—XVIII вв. до н. э. Именно этот отрезок дают более представительные подборки радиоуглеродных дат лолинской и бабинских культур (Мимоход, 2011), что позволяет подтвердить намеченные линии синхронизации. С учетом того, что хронологический интервал Кривой Луки короче диапазонов днепро-донского Бабино и Лолы, время существования посткатакомбных памятников Нижневолжского региона следует сузить до XXII—XX вв. до н. э.

Криволукская культурная группа – волго-донская бабинская культура. Теперь следует пояснить, почему выше было дано такое детальное сопоставление днепро-донской бабинской культуры и криволукской культурной группы. Последняя дефиниция для обозначения посткатакомбных древностей Волго-Донья и Нижнего Поволжья была предложена автором 10 лет назад. Она сразу прочно вошла в научную литературу. Было подчеркнуто, что термин этот рабочий и таковым будет оставаться до окончательного выяснения культурного содержания этих памятников (Мимоход, 2004. С. 112). Препятствием для превращения культурной группы в полноправную археологическую культуру служило то, что неясен был собственный керамический комплекс Кривой Луки (Мимоход, 2009. С. 34, 35). Это были вполне объективные трудности, потому что погребальная обрядность

Лата cal. BC Шифр Дата ВР Памятник Материал лаборатории 68,20% Линево к.8 п.2 Ki-12886 Кость человека 3590 ± 50 2030-1880 Линево к.6 п.6 Ki-12876 Кость человека 3825 ± 50 2350-2190 Фрагмент Паницкое 6 к.4 п.3 Ki-13003 3600 ± 90 2130-1810 керамики Паницкое 6 к.4 п.3 Ki-13004 3530 ± 70 1940-1740 Астрагал МРС Грачевка II к.10 п.1 Ле-6544 Кость человека 3820 ± 70 2410-2140 Утевка V к.4 п.1 AA-53802 2030-1870 Кость человека 3583 ± 52 Евстратовский II к.2 п.2 Ki-14742 Кость человека 3670 ± 70 2140-1940 Евстратовский II к.4 п.3 2030-1750 ИГАН-3731 Кость человека 3560 ± 100 Калиновский I к.1 п.4 ИГАН-3730 3420 ± 90 1880-1620 Кость человека

Таблица 1. Радиоуглеродные даты криволукской культурной группы

нижневолжских посткатакомбных групп, по всей видимости, не предусматривала помещение посуды в захоронения, поэтому неудивительно, что значительная часть сосудов из криволукских погребений имеет инокультурные черты. Несмотря на крайне ограниченную керамическую серию, выход на идентификацию собственного комплекса посуды Кривой Луки найден, и с уверенностью можно утверждать, что его основу составляет многоваликовая керамика (рис. 4, 6–9). На уровне гипотезы это предполагалось и ранее (Мимоход, 2009. С. 34). Теперь понятно, что криволукские погребения и поселения с посткатакомбной многоваликовой керамикой Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья в культурном отношении едины, и с полным правом можно говорить, что посткатакомбные памятники на этой территории представляют собой самостоятельную археологическую культуру. Предварительный термин «криволукская культурная группа» на данный момент себя исчерпал, но он полностью выполнил свою функцию, так как исследователи, оперируя этим определением, рассматривали посткатакомбные древности региона в качестве самостоятельного культурного явления.

Неперспективным представляется оставление за новой археологической культурой названия по могильникам Кривой Луки. Выше было показано, что при кардинальных отличиях в обряде инвентарные комплексы днепро-донской бабинской культуры и посткатакомбных памятников Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья имеют структурные черты сходства. К ним относится наличие в материалах обеих культур многоваликовой посуды как основы керамического комплекса, костяных и роговых пряжек близких типов, наборов стрелоделов с парными выпрямителями древков стрел, выемчатых кремневых наконечников, оселков с двумя перетяжками, двухрожковых бусин. Причем большинство этих артефактов – не столько свидетельства межкультурных связей, сколько имманентно присущи обеим культурам и связаны с общностью их происхождения и генетическим родством, на что обращалось внимание и раньше (Мимоход, 2004. С. 113). При этом говорить о полном тождестве вещевого комплекса днепро-донской бабинской культуры и посткатакомбных памятников Нижнего Поволжья с прилегающими районами не приходится. Есть существенные различия как в керамике, так и в некоторых типах пряжек.

На сегодняшний день значительную часть блока посткатакомбных культурных образований составляет культурный круг Бабино. Его концепция сформулирована и убедительно разработана Р. А. Литвиненко (2009; 2011б). В него входят днепро-донская и днепро-прутская бабинские культуры. Нет сомнения, что посткатакомбные памятники Волго-Донского междуречья и Нижнего Поволжья, которые на протяжении последнего десятилетия фигурировали в археологической литературе под названием «криволукская культурная группа», представляют собой восточную часть культурного круга Бабино. Целесообразно закрепить за ними термин «волго-донская бабинская культура», тем самым вписав их в систему таксономии, предложенную Р. А. Литвиненко, с учетом использования в качестве названия для бабинских культур топонимов крупных рек, которые очерчивают их территории.

Отнесение волго-донских и нижневолжских посткатакомбных материалов к одной из бабинских культур отдает дань и историографической традиции. Один из ярких комплексов Жареный Бугор 3/1, исследование которого поставило вопрос о наличии на Волге посткатакомбных древностей, С. Ю. Монахов отнес именно к культуре многоваликовой керамики (ныне Бабино) (*Монахов*, 1984. С. 241–243). А. В. Кияшко, одним из первых собравший представительную подборку подобных захоронений, определил ее как локальный вариант культуры многоваликовой керамики (*Кияшко*, 2003. С. 31). На современном уровне изучения культурного круга Бабино (культуры многоваликовой керамики) таксономия, терминология и ее содержание серьезно трансформировались, но наблюдения ученых многолетней давности не потеряли своей актуальности, а оказываются органично вписанными в новую систему знаний о посткатакомбном периоде Восточной Европы.

С выделением новой археологической культуры фактически окончательно оформилась основная структура культурного круга Бабино, который сейчас состоит из трех археологических культур: днепро-прутской, днепро-донской и волго-донской бабинских культур.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самарского ун-та. 208 с.
- Гак Е. И., Мимоход Р. А., Калмыков А. А., 2012. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 18. С. 174–203.
- *Глебов В. П.*, 2004. Исследования курганных могильников Репный I, Раскатный I, Калинов II // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. I / Отв. ред. Ю. Б. Потапова. Ростов-на-Дону: ООО «КМ-реклама» С. 57–186.
- Жемков А. И., Лопатин В. А., 2008. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в Степном Заволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 6 / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: Научная книга. С. 157–193.
- Качалова Н. К., 2000. Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого: К 100-летию со дня рожд. Бориса Александровича Латынина. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 206–223.
- Кияшко А. В., 2002. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. 268 с.

- Кияшко А. В., 2003. Погребения пришлых культур развитой и финальной средней бронзы в курганах Волго-Донского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 26–36.
- Кореневский С. Н., Мимоход Р. А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станицы Архонская в Северной Осетии. М.: Ин-т археологии РАН. 120 с.
- Корпусова В. Н., Ляшко С. Н., 1999. Погребение эпохи бронзы с глиняными модельками колес у с. Ильичево в Крыму // Старожитності Північного Причорномор'я. Т. VII. С. 42–48.
- Кузьмина О. В., 2002. К вопросу о происхождении височных подвесок в 1,5 оборота абашевской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье: Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. Кн. І. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 178–181.
- *Литвиненко Р. А.*, 1998. Наконечники стрел культуры многоваликовой керамики // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (Мат-лы 4-го Украинско-Российского полевого археологического семинара). Киев; Воронеж. С. 46–52.
- Литвиненко Р. А., 1999. К проблеме поиска признаков культуры многоваликовой керамики в донно-волжской лесостепи // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: Липецкий гос. пед. ин-т. С. 68–72.
- Литвиненко Р. А., 2004. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археологическая конф. (1–5 ноября 2004 г.) / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 102–108.
- *Литвиненко Р. О.*, 2009. Культурне коло Бабино: (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. на соискание уч. степ. д. и. н. Киев. 32 с.
- Литвиненко Р. О., 2011а. Обряд вторинного поховання в культурах бабинського кола // Донецький археологічний збірник / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Донецьк: Видавництво Донецького університету. № 15. С. 7–35.
- *Литвиненко Р. А.*, 20116. Культурный круг Бабино: название, таксономия, структура // КСИА. Вып. 225. С. 108-123.
- Литвиненко Р. О., 2012. Бабинсько-криволуцьке порубіжжя // Донецький археологічний збірник. / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Донецьк: Видавництво Донецького університету. № 15. С. 47–76.
- Малов Н. М., Филипченко В. В., 1995. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 4. С. 52–62.
- Матвеев Ю. П., 1996. Костяные пряжки и относительная хронология культур эпохи бронзы донецко-поволжского региона // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: Мат-лы конф. Воронеж: Воронежский ун-т. С. 27–33.
- Мельник В. И., 1984. Памятники эпохи средней бронзы степного Поволжья и проблема их связи с восточными культурами // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья: Межвуз. сб. / Отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: Челябинский гос. ун-т: Изд-во Башкирского ун-та. С. 23–27.
- Мимоход Р. А., 2002. Погребения финала средней-поздней бронзы могильника Островной // Могильник Островной: Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-западного Прикаспия / Отв. ред. Н. И. Шишлина, Е. В. Цуцкин. М.: Гос. ист. музей; Элиста: Калмыцкий ин-т соц.-экон. и правовых иссл. С. 228–244.
- Мимоход Р. А., 2004. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археологическая конф. (1−5 ноября 2004 г.): Тез. докл. / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 108−114.
- Мимоход Р. А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований: (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Київ: Шлях. С. 70–74.
- Мимоход Р. А., 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая Абхазская международная археологическая конференция «Древние культуры Кавказского Причерноморья»: Мат-лы конф. Сухум. С. 249—253.

- Мимоход Р. А., 2007. Кости животных в лолинских погребениях как культурно-хронологический индикатор // Матеріали та дослідження з археології Східної України / Гол. ред. С. М. Санжаров. Луганськ: Видавництво Східноукраїнського національного університету ім. В. Даля. № 7. С. 118–127.
- Мимоход Р. А., 2009. Курганы эпохи бронзы раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов // Материалы охранных археологических исследований / Отв. ред. А. В. Энговатова. Т. 10. М.: Таус. 292 с.
- Мимоход Р. А., 2010а. Хронология криволукской культурной группы // XVIII Уральское археологическое совещание. Уфа: Изд-во БГПУ. С. 158−160.
- Мимоход Р. А., 2010б. Погребения финала средней бронзы в Волго-Уралье и некоторые проблемы регионального культурогенеза // Донецький археологічний збірник. № 13/14 / Гол. ред. Р. О. Литвиненко. Донецьк: Видавництво Донецького університету. С. 67–82.
- Мимоход Р. А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып. 225. С. 28−53.
- Мимоход Р. А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: Ин-т археологии РАН. 568 с.
- Монахов С. Ю., 1984. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. № 1. С. 241–244.
- Отрощенко В. В., 1998. Феномен кістяних пряжок // Проблемы изучения катакомбной культурноисторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). Запорожье: Запорожский гос. ун-т. С. 113–117.
- Отрощенко В. В., 2001. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) / Наук. ред. С. Братченко. Київ. 290 с.
- *Пятых Г. Г.*, 2000. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. № 4. С. 11-25.
- Самашев З. С., Ермолаева А. С., Лошакова Т. Н., 2009. Поселения токсанбайского типа на Северо-восточном Устюрте // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы / Отв. ред. Н. Л. Моргунова. Оренбург: Изд-во ОГПУ. С. 159–167.
- Синюк А. Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во Воронежского пед. ин-та. 350 с.
- Трифонов В. А., 2001. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита-средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы: (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века Южной половины Европы» (23–28 апреля 2001 г.) / Отв. ред. Ю. И. Колев. Самара: Изд-во ООО «НТЦ». С. 71–82.
- *Шарафутдинова* Э. С., 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону: (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового века и раннего железного веков Поднепровья / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ. С. 27–47.
- Шарафутдинова Э. С., 1995. Тенденции развития посуды в культуре многоваликовой керамики (КМК) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.) / Отв. ред. И. Б. Васильев. Самара: Изд-во СамГПУ. С. 124–140.
- *Шарафутдинова Э. С.*, 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения памятников бабинской культуры // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит-бронзовый век): Мат-лы Междунар. конф. Ч. 1 / Отв. ред. В. Н. Горбов. Донецк: Изд-во ДонГУ. С. 56–59.
- Шарафутдинова Э. С., 2001. К вопросу о погребальных памятниках эпохи средней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Мат-лы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы»(23−28 апреля 2001 г.) / Отв. ред. Ю. И. Колев. Самара: Изд-во ООО «НТЦ». С. 148−153.

Д. С. Коробов, В. Ю. Малашев, Й. Фассбиндер

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК НА КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ЛЕВОПОДКУМСКИЙ 1 БЛИЗ КИСЛОВОДСКА*

D. S. Korobov, V. Yu. Malashev, J. Faßbinder. Preliminary results from excavations of the Levopodkumsky kurgan cemetery near Kislovodsk

Abstract. The paper is devoted to the preliminary results from excavations at one of the first sites of the early period of the Alanian culture (2nd-4th cc. AD) in the Kislovodsk depression – the Levopodkumsky-1 kurgan cemetery with catacomb burials. The site was discovered during deciphering of aerial photographs and surveyed using magnetometry. A geophysical survey of two sectors revealed no less than 37 burial structures recognizable thanks to the presence of ditches of roughly square shapes and with baulks of various types. Starting out from the results of the magnetic survey, burial-mounds 1 and 2 were excavated, which had been erected over catacomb burials. In the entrance pits of the catacombs disturbed horse burials were found and also some of the grave-goods, which had been thrown out of the burial-chambers by tomb-raiders. Judging from the surviving grave-goods, the burials in catacombs dated from the 4th c. AD. The burials in ground burial association I containing two burial-chambers are of somewhat later date and had also been looted in antiquity. The Levopodkumsky-1 kurgan cemetery with catacomb graves gives ground to shape an idea of how representatives of the Alanian culture first made their way into the Kislovodsk depression and of the initial stage of their settlement there, which took place before the invasion of the Huns.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Кисловодская котловина, аланская культура, катакомбные погребения, аэрофотосъемка, магнитометрия.

Многолетнее изучение археологических древностей Кисловодской котловины привело к открытию здесь более 900 памятников разных эпох и культур, в результате чего данная область Северного Кавказа справедливо считается наиболее исследованной в археологическом отношении (Афанасьев и др., 2004; Коробов, 2013). Одним из актуальных вопросов представляется определение времени заселения окрестностей современного Кисловодска носителями аланской культуры, многочисленные укрепленные поселения и катакомбные могильники

^{*} Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00072а.

которых характеризуют максимальную плотность населения котловины в эпоху раннего средневековья (V–VIII вв.). Памятники раннего этапа аланской культуры (II–IV вв.) пока мало изучены в микрорегионе; они представляют собой в основном небольшие «земляные городища», расположенные на южных отрогах Боргустанского хребта и левого берега р. Подкумок (Коробов, 2010; 2013. С. 26, 28. Рис. 3, 1). Особая задача — поиск курганных катакомбных могильников, одного из определяющих культурно-хронологических признаков раннего этапа аланской культуры (Малашев, 2007. С. 490; Габуев, Малашев, 2009. С. 146). Предварительным результатам раскопок подобного памятника, найденного в Кисловодской котловине, посвящена данная публикация.

Курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 был обнаружен в процессе дешифрирования аэрофотосъемки Кисловодской котловины на первой речной террасе левого берега р. Подкумок, в 1 км к северо-западу от северозападной окраины пос. Конзавод (Красный Курган) Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской Республики (КЧР). На аэрофотоснимке, сделанном в сентябре 1970 г., различается городище с площадкой подтреугольной в плане формы, отделенной от напольной части балками, склоны одной из которых эскарпированы и превращены в ров (рис. 1, 1). С северной стороны от площадки через небольшую балку находится ровный склон с небольшим понижением в южном направлении крутизной 5–10°, идущий от подножья Боргустанского хребта. На склоне видны крупные насыпи курганной группы Джагинская 5 (рис. 1, 2). С западной и восточной сторон от наиболее крупного кургана 1 видны следы распаханных в советское время небольших курганных насыпей, отображенных на снимке в виде осветленных пятен округлой в плане формы. Некоторые из этих пятен окружены линейными структурами подквадратной в плане формы – предположительно ровиками. Наилучшим образом читается крупный двойной ров с перемычками с южной и северной сторон, расположенный к западу от кургана 1 группы Джагинская 5 (рис. 1, 3). Данный объект абсолютно идентичен подквадратным ровикам вокруг некоторых подкурганных катакомб могильника Пегушин 1 в Кировском районе Ставропольского края, выявленных Й. Фассбиндером в ходе магнитометрического обследования и впоследствии раскопанных Т. А. Габуевым (Габуев, 2009; Faßbinder et al., 2013. P. 51. Fig. 4). В мае 2012 г. на изучаемом нами памятнике Й. Фассбиндером было проведено аналогичное геофизическое обследование, осуществленное на двух участках.

Участок 1 размерами 80×80 м находился к западу от кургана 1 группы Джагинская 1, служащего основным ориентиром на аэрофотосъемке памятника. Целью обследования на данном участке послужили магнитометрические измерения объекта в виде двойного рва, распознаваемого на аэрофотоснимке (рис. 1, 3; 2A, 1). Участок 2 общими размерами 120×160 м был обследован к востоку от кургана 1 группы Джагинская 5 в месте наибольшей концентрации распознаваемых по аэрофотоснимку распаханных курганных насыпей (рис. 1, 4; 2Б). Следует отметить, что современная поверхность обследуемых участков абсолютно ровная и практически не содержит визуально различимых насыпей курганов, которые, очевидно, были почти полностью уничтожены в процессе упомянутой выше распашки.

Для магнитометрических исследований использовался цезиевый магнитометр Smartmag SM4G-Special с двумя сенсорами. Эта модель магнитометра

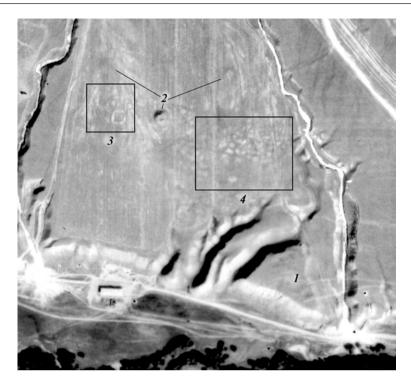

Рис. 1. Аэрофотоснимок курганного могильника Левоподкумский 1 и его окрестностей *Цифрами обозначены*: 1 — городище Подкумское 2; 2 — курганы курганной группы Джагинская 5; 3—4 — участки 1 и 2 геофизического обследования могильника Левоподкумский 1

в конфигурации total-field позволяет распознавать магнитные аномалии с максимальным разрешением ± 10 пикотесла в сочетании с высоким пространственным разрешением порядка 25×25 см. Внутрисуточные вариации магнитного поля Земли сглаживались к средним значениям полученных данных в рамках каждого обследуемого квадрата размерами 40×40 м, а затем согласовывались с данными всего обследуемого участка. Используемая конфигурация магнитометра позволяет распознавать археологические объекты с максимально возможной чувствительностью прибора и получать наиболее высокий сигнал коэффициента шума, сопряженный с археологическими аномалиями; в то же время подобная конфигурация очень чувствительна к любым магнитным аномалиям искусственного и технического происхождения, а также частым колебаниям магнитного поля Земли. Тем не менее в данном случае представляется оправданным использование магнитометра в нескомпенсированной конфигурации, поскольку исследуемые участки располагались вдали от современной инфраструктуры.

Геологическое строение обследуемых участков представляет собой щебеночный слой песчаника и мелкого известняка (диаметром 0,1–5 см), перекрываемого небольшим слоем горного чернозема (мощность 10–20 см). Подобное строение приводит к высокой контрастности магнитной восприимчивости

от \sim 500 \times 10⁻⁶ ед. СИ до \sim 30 \times 10⁻⁶ ед. СИ. Вся обследуемая территория, как уже сказано, подвергалась ранее распашке, поэтому на полученных магнитограммах обоих участков могильника (рис. 2) видны следы крупных эрозионных канав, идущих поперек склона, а также линейных следов, оставленных плужными механизмами. Тем не менее все археологические объекты прекрасно распознаются с помощью магнитометрических измерений.

В результате магнитометрических измерений выявлены структуры в виде ровиков подквадратной в плане формы с перемычками разных видов, по центру которых, как правило, имеется пятно округлой формы с позитивными значениями магнитного поля (рис. 2). Эти пятна, вероятно, маркируют затянутые гумусированным грунтом грабительские лазы во входные ямы катакомбных захоронений. Аналогичные пятна распознаются и за пределами ровиков; скорее всего, это результат ограбления бескурганных захоронений, устроенных между подкурганными. Следы древних эрозионных канав, заполненных черноземом, фиксируются как позитивные аномалии (черный цвет), современные следы распашки — как негативные (белый цвет). Нерегулярные аномалии с чрезвычайно высокой восприимчивостью в виде черно-белых пятен представляют собой лежащие на поверхности отдельные куски базальта (диаметром 20–40 см) с высокой остаточной намагниченностью и магнитной восприимчивостью порядка 40.000×10^{-6} ед. СИ.

Ровики получили порядковую нумерацию как курганные насыпи, темные пятна возможных грунтовых захоронений не нумеровались, поскольку вероятность их соотнесения с погребальными сооружениями меньше, чем в случае выявления курганных захоронений с ровиками. На участке 2 выделено 27 подкурганных погребений с ровиками и 30 округлых пятен с более высокой намагниченностью (рис. 2Б). На участке 1 на магнитограмме видны еще шесть курганных погребений с ровиками и пять структур, аналогичных возможным ямам с грунтовыми погребениями (рис. 2А). Всего же в ходе геофизического обследования памятника выявлено не менее 37 курганных захоронений с ровиками, а также около 35 возможных бескурганных погребений.

Для проведения археологических раскопок были выбраны курганы 1 и 2, обнаруженные в виде ровиков при магнитометрическом обследовании в юговосточном углу участка 2 (рис. 2Б). Данные курганы предполагалось раскопать в первую очередь как наиболее близко расположенные к городищу Подкумское 2 и, возможно, сооруженные первыми обитателями городища на начальном этапе его существования.

К моменту раскопок поверхность курганов была покрыта плотным слоем многолетней травянистой растительности. Кроме слабовыраженного рельефа они маркировались более высоким содержанием щебня на поверхности.

Курган 1. Насыпь округлой в плане формы диаметром около 10 м и высотой 0,16 м от уровня современной поверхности. Курган содержал одно катакомбное захоронение, находившееся в центральной его части, и ровик подквадратной в плане формы, ориентированный сторонами по странам света с небольшим отклонением (рис. 3). Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру составляли 8,8 м. Он имел перемычку в середине южной стороны контура шириной около 0,5 м; в сечении ровик трапециевидной формы. Ширина ровика

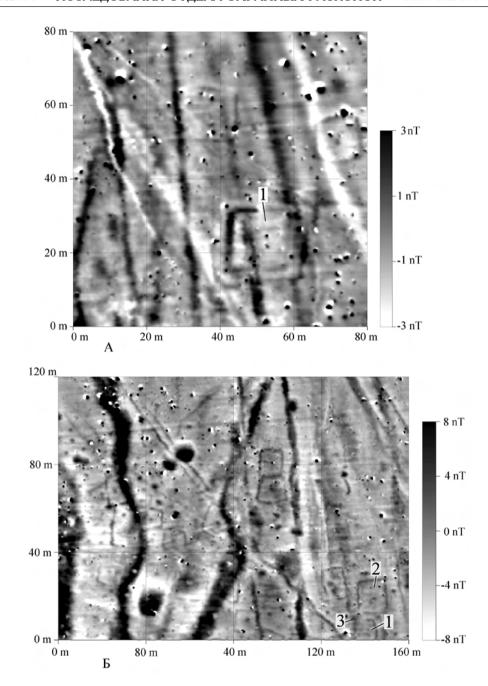

Рис. 2. А – участок 1 геофизического обследования могильника Левоподкумский 1 I – структура в виде двойного рва квадратной формы

Б – участок **2** геофизического обследования могильника Левоподкумский **1** I – курган 1; 2 – курган 2; 3 – погребение I

на уровне материка -0.5-1 м, по дну -0.2-0.3 м. Глубина ровика от уровня погребенной почвы, ориентировочно, составляла 0.7 м. В заполнении ровика обнаружены мелкие фрагменты четырех сосудов: двух кружек, миски и горшка.

Погребение было совершено в катакомбе, ограбленной в древности. Входная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами на уровне зачистки $2,1 \times 1,1$ м, ориентирована длинной осью по линии 3—В с небольшим отклонением (рис. 4, I). Глубина входной ямы от репера — -242 см. От уровня древней дневной поверхности она ориентировочно составляла 2 м. Размеры входной ямы по дну $-2,3 \times 1,25$ м. Дно входной ямы ровное, с незначительным понижением к западной стенке.

В заполнении входной ямы, в 60–70 см от дна находился скелет лошади (рис. 4, *I*). Лошадь была положена на левом боку головой на запад, к входу в камеру, спиной и ногами вплотную к северной и южной стенкам входной ямы. Ноги были подогнуты и сведены вместе в районе копыт (возможно, связаны). Кости передних ног лежали выше; между ними и задними ногами фиксировался слой заполнения. Грабительская яма разрушила голову и переднюю часть туловища лошади.

В заполнении грабительской ямы найдены четыре серебряные накладки и фрагменты двулезвийного железного меча (рис. 5, 8, 12). В придонной части у входа в камеру находился закладной камень, а также 10 небольших камней, относившихся к конструкции заклада. Здесь же обнаружен железный наконечник копья с пером листовидной формы и короткой, разомкнутой у основания втулкой, на которой зафиксированы остатки кожаных ремешков, возможно, связанных с креплением к древку (рис. 5, 11), и фрагмент горшка.

Вход в камеру находился в западной стенке входной ямы. Передняя стенка входной ямы и вход нарушены при ограблении, вследствие чего форма и высота входа не восстанавливаются; ширина входа — $0.6\,$ м. В камеру вела ступенька высотой $0.52\,$ м. Камера овальная в плане, размерами $2.4\times1.7\,$ м, ориентирована длинной осью по линии 3-В, вдоль длинной оси входной ямы (рис. 4, 1). Глубина дна — $-300\,$ см от репера. Свод камеры частично обрушился; судя по сохранившимся элементам, он повышался от входа. Высота свода, ориентировочно, достигала $1.35\,$ м.

Вследствие ограбления кости погребенных и инвентарь находились в перемещенном положении в придонной части и на дне камеры. В юго-западной части камеры на слое заполнения обнаружены фрагменты деревянных предметов и череп одного из погребенных. Погребение парное (мужчина 45–55 лет и женщина 20–35 лет¹). Судя по расположению костей, в первую очередь черепов, находившихся у западной и юго-западной стенок камеры, погребенные были положены головой на запад; поза погребенных не восстанавливается. На дне камеры местами прослеживался органический тлен растительного происхождения серо-коричневого цвета (камыш?), под которым фиксировался тонкий слой древесного угля от сжигания веток.

¹ Антропологические определения выполнены научным сотрудником Отдела антропологии Института этнологии и антропологии РАН С. Ю. Фризеным.

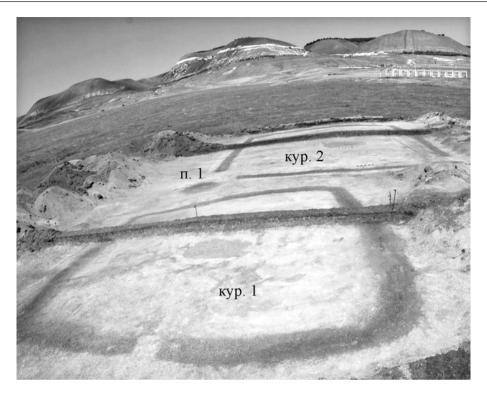

Рис. 3. Вид с юга на раскопанный участок курганного могильника Левоподкумский 1

В камере в перемещенном состоянии обнаружен следующий погребальный инвентарь: фрагменты двулезвийного железного меча (рис. 5, 12); железный однолезвийный черенковый нож с прямыми лезвием и спинкой; бронзовое кольцо с зажимом округлой формы с загнутыми краями, имитирующими фасетировку, и круглой в сечении рамкой, овальной в плане формы с утолщением в передней части и незначительным уплощением в задней (рис. 5, 6; см. цв. вклейку, рис. XII, 7); железная пряжка с рамкой овальной в плане формы, со слабовыраженным утолщением в передней части и с язычком, в передней части доходящим до середины сечения рамки, у основания которого имелся рельефный выступ квадратной формы с высоким уступом (рис. 5, 9); железная пряжка; кольцо или рамка железной пряжки; две круглые серьги из бронзы и серебра с разомкнутыми концами из тонкого, круглого в сечении прута.

Кроме того, обнаружены золотая литая (напускная?) 14-гранная кубическая бусина с отверстием квадратной формы (рис. 5, 4; рис. XII, 3); лучковая двучленная бронзовая фибула с подвязным приемником, раскованной ножкой и железной осью (рис. 5, 1; рис. XII, 1); одночленная золотая сильнопрофилированная фибула с нижней тетивой и коленчатоизогнутой плоской спинкой. На приемнике и спинке два каста со вставками из голубого стекла и сердолика (рис. 5, 3; рис. XII, 5); серебряная накладка в виде двух полуокружностей, соединенных планкой,

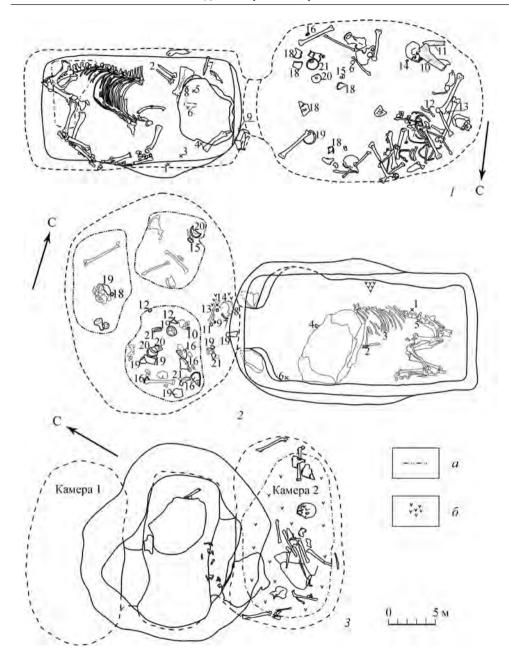

Рис. 4. Погребальные сооружения курганного могильника Левоподкумский 1

I – катакомба кургана 1; 2 – катакомба кургана 2; 3 – двухкамерная катакомба (погребение I). *Условные обозначения*: a – граница органического тлена растительного происхождения; δ – древесный уголь

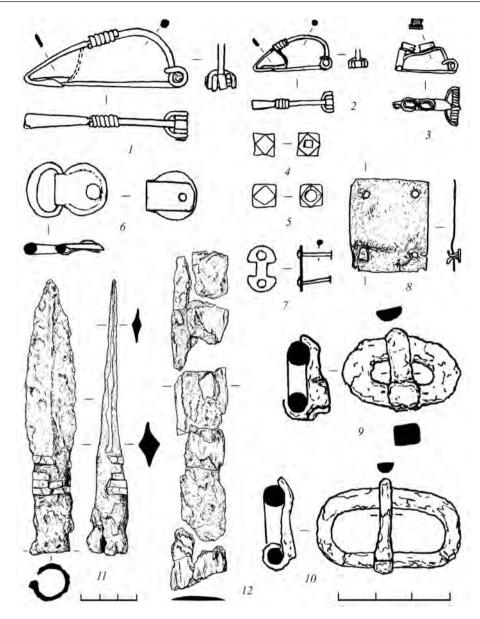

Рис. 5. Погребальный инвентарь кургана 1 (1, 3, 4, 6–9, 11, 12), кургана 2 (5, 10) и погребения I (2)

I-3 – фибулы, 4-5 – 14-гранные бусины; 6 – кольцо с зажимом; 7-8 – накладки; 9-10 – пряжки; 11 – наконечник копья; 12 – фрагменты меча

1, 2, 6 – бронза; 3 – золото, стекло, сердолик; 4–5 – золото; 7–8 – серебро; 9–10, 12 – железо; 11 - железо, кожа

на каждой полуокружности расположен длинный штифт, прикрытый полусферической декоративной шляпкой (рис. 5, 7, см. цв. вклейку, рис. XII, 6). Помимо этих находок найдены фрагмент железного предмета и несколько керамических сосудов, целых и во фрагментах, в том числе небольшая миска с загнутым внутрь бортиком, прямыми стенками и плоским дном с небольшой закраиной изнутри; придонная часть горшка с плоским дном и слабовыпуклыми стенками; кружка с высоким слабовогнутым горлом, выражено переходящим в плечики, низким коническим туловом, узким плоским дном и петлевидной ручкой, верхний прилеп которой оформлен в виде высокого выступа (зооморфного?) (рис. 6, 1); небольшая крышка с низким, слегка загнутым внутрь бортиком; крышка с усечено-коническим туловом и выраженным переходом в отогнутый наружу бортик и внутренней закраиной; кувшинчик с низким, сужающимся к основанию прямым горлом, выражено переходящим в плечики, эллипсоидным туловом и узким, слабовогнутым дном. Основание горла маркировано горизонтальным валиком. Ручка верхним прилепом крепится к венчику, возвышаясь над его плоскостью, нижним - к плечику. На дне клеймо в виде пятилучевого знака (рис. 6, 3).

Курган 2. Насыпь округлой в плане формы диаметром около 13 м и высотой 0,11 м от уровня современной поверхности. Курган содержал одно катакомбное захоронение, находившееся в центральной части кургана, и ровик прямоугольной в плане формы, ориентированный длинной осью по линии С–Ю с небольшим отклонением (рис. 3). Размеры ровика на уровне зачистки по внутреннему контуру колебались от 11,7 до 14,2 м. Ровик имел две перемычки в юго-западном и юго-восточном углах шириной соответственно 2 и 1,2 м. В сечении ровик трапециевидной формы; ширина его на уровне материка — 0,6—0,8 м, по дну — 0,3—0,4 м. Ровик углублен в материк на 0,3—0,6 м, в заполнении обнаружены мелкие фрагменты нескольких сосудов.

Погребение совершено в катакомбе, которая была ограблена в древности. Входная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами, размерами на уровне зачистки $2,6 \times 1,55$ м, ориентирована длинной осью по линии 3–В с небольшим отклонением (рис. 4,2). Глубина входной ямы от репера — -306 см. От уровня древней дневной поверхности она, ориентировочно, составляла 2,7 м. Размеры входной ямы по дну $-2,15 \times 1,1$ м. В заполнении входной ямы в 1-1,1 м от дна находился скелет лошади (рис. 4,2). Лошадь была положена на правом боку головой на запад, к входу в камеру. Ноги были подогнуты и, видимо, связаны в копытах. Грабительская яма разрушила голову и переднюю часть туловища лошади.

В заполнении грабительской ямы найдены фрагменты костей лошади, ребра барана, железные предмет и нож, фрагмент венчика кувшина. В придонной части в наклонном положении находился закладной камень. В юго-восточном углу входной ямы и у северной стенки в заполнении зафиксированы небольшие скопления древесного угля.

Вход в камеру находился в западной стенке входной ямы. По обе стороны от входа, *in situ* на небольших приступках сохранились два камня, относившиеся к системе заклада. Заклад входа помимо большой плиты и 2 сохранившихся непотревоженными камней включал еще около 10 небольших камней. Передняя стенка входной ямы и вход нарушены при ограблении, вследствие чего

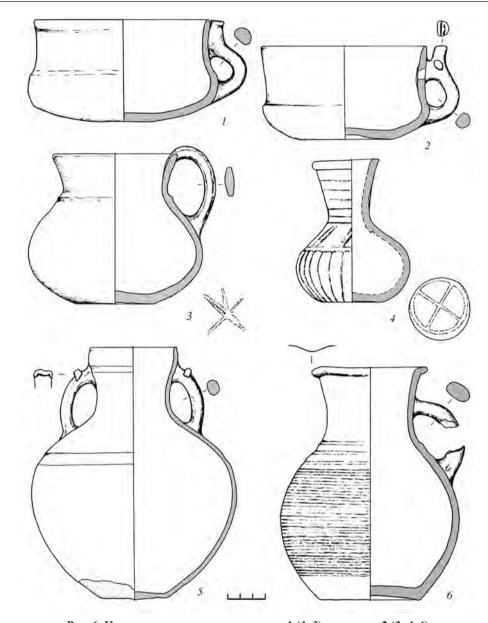

Рис. 6. Керамические сосуды из кургана 1 (1, 3) и кургана **2** (2, 4–6)

1—2 — кружки; 3—4 — кувшинчики; 5—6 — кувшины

форма и высота входа не восстанавливаются; ширина входа -0.45 м. В камеру вела низкая вертикальная ступенька высотой 0.17 м. Камера овальной в плане формы, размерами 2.35×1.85 м, ориентирована длинной осью по линии С–Ю, перпендикулярно длинной оси входной ямы (рис. 4, 2). Глубина дна -327 см от репера. Свод камеры и часть передней стенки частично обрушились; судя

по сохранившимся элементам, свод повышался от входа. Высота свода, ориентировочно, достигала 1,1 м.

Вследствие ограбления кости погребенного (скорее всего, женщины взрослого возраста) и инвентарь находились в перемещенном положении в придонной части и на дне камеры. Поза и ориентировка погребенной не восстанавливаются. На дне камеры фиксировался в виде пятен тонкий слой органического тлена растительного происхождения серо-коричневого цвета (камыш?) и частицы древесного угля. В камере была обнаружена золотая литая 14-гранная бусина с отверстием круглой формы (рис. 5, 5; см. цв. вклейку, рис. XII, 4); стеклянная бусина с металлической прокладкой (золотостеклянная). Среди обнаруженного инвентаря — железные изделия: несколько фрагментов предметов, скорее всего, рамки пряжек и кольца удил; однолезвийный черенковый нож со слегка изогнутыми спинкой и лезвием; три пряжки с круглыми в сечении и овальными в плане рамками с незначительным утолщением в передней части. У одной из них сохранился язычок, в передней части не доходящий до середины сечения рамки, с прогибом в средней части и низким уступом у основания (рис. 5, 10).

Кроме того, были обнаружены небольшой сосуд с отогнутым наружу венчиком, прогнутым в средней части горлом, плавно переходящим в плечики, шаровидным туловом и плоским дном; кружка с высоким сужающимся к основанию прямым горлом, переходящим через уступ в плечики, низким туловом и узким вогнутым дном. Верхний прилеп полукруглой в сечении ручки оформлен как высокий зооморфный выступ с горизонтальной площадкой в виде морды животного; по бокам выступа расположены два круглых плоских налепа, имитирующие глаза (рис. 6, 2). Были также найдены миска с загнутым бортиком, прямыми стенками и слабовогнутым дном и кувшинчик с высоким, сужающимся к основанию прямым горлом, эллипсоидным туловом и узким слабовогнутым дном. На горле и плечике фиксируются следы от отбитой в древности ручки и орнамент из горизонтальных желобков и вертикальных каннелюр. На дне клеймо в виде креста в круге (рис. 6, 4). Обнаружены два кувшина, один из которых с расширенным в верхней части горлом, ниже расширения декорирован желобком, прогнутым в средней части и плавно переходящим в плечики, на которые прикреплены две ручки с налепными полосками (рис. 6, 5). Другой кувшин – с резко отогнутым наружу венчиком, сужающимся к основанию горлом, плавно переходящим в плечики, декорированные тремя горизонтальными желобками, сферическим туловом и вогнутым дном. Слив сделан в виде прогиба венчика; нижняя часть плечиков и тулово покрыты сплошным рифлением (рис. 6, 6). Помимо этого в заполнении камеры найдены мелкие фрагменты нескольких кувшинчиков и кружек, а также целый кувшинчик с низким, прогнутым в средней части горлом, через небольшой уступ переходящим в плечики, сфероконическим туловом и узким вогнутым дном. Ручка около верхнего прилепа декорирована тремя круглыми плоскими налепами; горло и тулово орнаментированы волнистыми линиями.

Погребение I находилось снаружи около юго-западной перемычки ровика кургана 2 (рис. 3). Погребение грунтовое и, по всей видимости, совершено после сооружения кургана 2. Оно соответствует области повышенной намагниченности на магнитограмме участка 2 (рис. 25, 3).

Погребение было совершено в катакомбе (рис. 4, 3), ограбленной в древности. Контур входной ямы на уровне зачистки сильно нарушен при ограблении. Форма входной ямы фиксировалась лишь на уровне дна: прямоугольная в плане со скругленными углами, размерами $1,65 \times 0,7$ м, ориентирована длинной осью по линии 3–В (рис. 4, 3). Глубина входной ямы от репера — -240 см. В заполнении выявлены кости человеческих скелетов и фрагмент железного предмета с остатками дерева. В придонной части входной ямы ближе к восточной стенке находился камень от заклада входа в камеру 1. Катакомба двухкамерная, камеры располагались у северной и южной стенок входной ямы, их длинные оси были параллельны длинной оси входной ямы (рис. 4, 3).

Камера 1 находилась у северной стенки входной ямы. Передняя стенка входной ямы и вход нарушены при ограблении, вследствие чего форма и высота входа не восстанавливаются; ширина входа $-0.6\,\mathrm{m}$. В камеру вела низкая наклонная ступенька высотой $0.22\,\mathrm{m}$. Камера овальной в плане формы, размерами $1.95\times1\,\mathrm{m}$, ориентирована длинной осью по линии $3\mathrm{-B}$, параллельно длинной оси входной ямы. Глубина дна $--264\,\mathrm{cm}$ от репера. Свод камеры и часть передней стенки частично обрушились; судя по сохранившимся элементам, свод понижался от входа к передней стенке камеры. Высота свода, ориентировочно, достигала $1\,\mathrm{m}$.

Вследствие ограбления кости погребенного находились в перемещенном положении в придонной части входной ямы. Здесь были обнаружены кости трех скелетов: нижняя челюсть мужчины 20–35 лет, фрагменты костей ребенка, а также позвонки и фрагменты костей взрослого человека. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Камера 2 находилась у южной стенки входной ямы. Передняя стенка входной ямы и вход нарушены при ограблении, вследствие чего форма и высота входа не восстанавливаются; ширина входа -0.8 м. В камеру вела наклонная ступенька высотой 0.45 м. Камера овальной в плане формы, размерами 2×1.15 м, ориентирована длинной осью по линии 3–В, параллельно длинной оси входной ямы (рис. 4, 3). Глубина дна --292 см от репера. Свод камеры и часть передней стенки частично обрушились; судя по сохранившимся элементам, свод понижался от входа к передней стенке камеры. Высота свода, ориентировочно, достигала 1 м.

Вследствие ограбления кости погребенных и сохранившийся инвентарь находились в перемещенном положении в придонной части и на дне камеры. Кости трех погребенных (одного ребенка 8–13 лет и двух подростков) были сосредоточены у передней и боковых стенок камеры. Поза и ориентировка погребенных не восстанавливаются. В юго-восточном углу камеры найден череп мужчины 35–44 лет. В камере находился закладной камень, располагавшийся в ее северозападном углу при входе, а также несколько камней меньших размеров.

В заполнении найдены фрагменты сосудов, небольшая лучковая двучленная бронзовая фибула с подвязным приемником и раскованной ножкой (рис. 5, 2; см. цв. вклейку, рис. XII, 2), бусина сильно уплощенной шаровидной формы из непрозрачного стекла бирюзового цвета (рис. XII, 8), фрагменты железных предметов. Ряд предметов был обнаружен при переборке грунта из заполнения камеры: фрагмент нижней части задней пластины бронзового наконечника ремня с выраженным сужением снизу, бронзовая бляшка круглой формы и рамка железной пряжки.

Подводя предварительные итоги, следует отметить, что исследованные в сезоне 2012 г. подкурганные захоронения относятся к раннему этапу аланской культуры. Судя по сохранившимся предметам погребального инвентаря из подкурганных захоронений (лучковая двучленная и сильнопрофилированная фибулы, пряжки, 14-гранные литые золотые бусины, видимо относящиеся к серьгам, керамика), они были совершены в первой половине IV в, Небольшие сильнопрофилированные фибулы (рис. 5, 3) с коленчатоизогнутой спинкой и нижней тетивой (вариант II-3 по А. К. Амброзу) известны в комплексах первой половины IV в., их нижняя хронологическая граница уходит в рамки второй половины – конца III в. (Малашев, 2000. С. 210; Гавритухин, 2010. С. 55, 56); при этом на уровне тенденции застежки мелких размеров занимают более позднюю хронологическую границу. Лучковые двучленные фибулы распространяются на территории Азиатской Сарматии и Северном Кавказе со второй половины III в. (Скрипкин, 1977. С. 109). При этом во второй половине III в. популярны крупные образцы; для развитого и позднего IV в. характерны только небольшие застежки (Малашев, 2000. С. 210; 2008б. С. 271; Габуев, Малашев, 2009. С. 135). Фибула из кургана 1 (рис. 5, 1) по своим размерам занимает промежуточное положение, что позволяет оценивать ее хронологию не ранее финала III в. Кольцо с зажимом из кургана 1 (рис. 5, 6) по признакам рамки и зажима характерно для второй половины III в. (*Малашев*, 2000. С. 209). Пряжка из этого же комплекса (рис. 5, 9), судя по форме язычка без прогиба, охватывающего рамку до середины сечения и имеющего высокий уступ у основания (соотносится с П10 по В. Ю. Малашеву), отражает реалии уже IV в. (Там же. С. 209. Рис. 2). Пряжки, аналогичные застежке из кургана 2 (рис. 5, 10), исходя из формы язычка, слабопрогнутого в средней части, с низким уступом у основания, не доходящим до середины сечения рамки (соотносится с П8 по В. Ю. Малашеву), распространяются в комплексах второй половины III в. и доживают до первой трети IV в. (Там же). О датах не ранее IV в. свидетельствуют и литые золотые (напускные?) 14-гранные бусины (рис. 5, 4, 5). Предложенным датировкам не противоречат керамические формы (рис. 6), находящие серии аналогий в поселенческих и погребальных комплексах региона III-IV вв.

К несколько более позднему времени относятся захоронения в двухкамерной бескурганной катакомбе І. Данное заключение основано как на стратиграфической позиции погребения, совершенного после сооружения курганов 1 и 2, между ровиками которого оно расположено, так и на приведенных выше рассуждениях о датировке мелких образцов двучленных лучковых фибул (рис. 5, 2), известных в северокавказских комплексах IV в. (вплоть до начала V в.). Погребальное сооружение характерно для захоронений культурной группы Подкумок-Хумара (Малашев, 2007. С. 498; Габуев, Малашев, 2009. С. 157, 158), памятники которой преобладают в Кисловодской котловине в рассматриваемый период. Очевидно за этим погребальным обрядом скрывается «субстратное» население Кисловодской котловины, испытывавшее влияние аланской культуры. Одним из авторов уже была высказана гипотеза о миграции носителей аланской культуры центральных районов Северного Кавказа на территорию Кисловодской котловины во второй половине IV в. (Малашев, 2008б. С. 274, 275). Материалы публикуемого памятника подтверждают правильность этого предположения, но несколько корректируют время миграции, относя ее к началу – первой половине IV в.

Необходимо отметить, что подкурганные катакомбы и окружающие их ровики несколько отличаются от «классических» образцов из центральнокавказских памятников. Речь идет о количестве перемычек (одна вместо двух) в кургане 1 и их расположении (по углам вместо середины сторон) в кургане 2. Отличия касаются и формы катакомбы в кургане 1, типологически сближающейся с типом II по К. Ф. Смирнову, в то время как для аланской культуры характерны катакомбы типа I (Малашев, 2007. С. 490; Габуев, Малашев, 2009. С. 146). Сравнительно редкий признак – широтная ориентировка входных ям (Абрамова, 1997. С. 9, 10). В рассматриваемых катакомбах также отсутствуют ступеньки у задних стенок входных ям. Перечисленные отличия не носят диагностического характера и являются результатом миграции с территории «метрополии», где на крупных городищах имелись группы населения для обслуживания погребального культа (см. Мошкова, Малашев, 1999. С. 191, 192). Аналогичные отклонения от «стандарта», вследствие миграционных процессов носителей аланской культуры, фиксируются на материалах второй половины III – IV в. Нижнего Дона и IV – первой половины V в. Южного Дагестана (Малашев, 2008а).

Представляется интересным предварительное наблюдение С. Ю. Фризена о том, что череп из погребения I характеризуется абсолютно другим антропологическим типом (европеоидный, отличающийся низкими широкими лицом, носом и орбитами), в отличие от черепов из кургана 1, которые относятся к европеоидным с высоким, относительно узким лицом, высокими орбитами и высоким носом. Данная ситуация позволяет предположить, что погребенные в кургане 1 и индивид из погребения I могут представлять разные группы населения (Березина и ∂p ., в печати).

Важные результаты получены старшим научным сотрудником отдела природы Ставропольского музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве А. К. Швыревой при анализе скелетов лошадей из курганов 1 и 2. По размерам костей конечностей и их пропорциям лошади из Левоподкумского могильника относятся к тонконогим среднерослым лошадям, ближе стоящим по росту к малорослым лошадкам. Наиболее близко они соотносятся с киргизскими лошадьми, которые включаются в особую группу восточных лошадей, имеющих северное происхождение и близких к ископаемым сибирским лошадям. Они очень выносливы, приспособлены для работы как в условиях пересеченной местности, так и на открытых пространствах с твердыми грунтами. Эти лошади хороши и под седлом, и под выюком, в упряжи для легких транспортных средств; они также используются в сельскохозяйственных работах.

Таким образом, курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 — один из первых достоверных свидетельств присутствия носителей аланской культуры в Кисловодской котловине уже в первой половине IV в. Данный памятник не единственный в микрорегионе — еще в 1961 г. Е. П. Алексеевой были доследованы разграбленные подкурганные катакомбные захоронения возле южной окраины пос. Терезе Малокарачаевского района КЧР, отнесенные к аланской культуре III—IV вв. (Алексеева, 1966. С. 158—167, 176, 177). В совокупности эти сведения дают первое представление о путях проникновения носителей аланской культуры в Кисловодскую котловину и начальном этапе (до гуннского нашествия) ее освоения этим населением.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа. М.: ИА РАН. 165 с.
- Алексеева Е. П., 1966. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. КЧНИИ ИЯЛ. Серия историческая. Вып. V. С. 132–260.
- Афанасьев Г. Е., Савенко С. Н., Коробов Д. С., 2004. Древности Кисловодской котловины. М.: Научный мир. 240 с.
- *Березина Н. Я., Фризен С. Ю., Коробов Д. С.* Антропологические материалы из курганного могильника Левоподкумский 1 (Кисловодская котловина) // Вестник антропологии. В печати.
- Габуев Т. А., 2009. Исследования аланских курганов на могильнике Пегушин 1 в Ставропольском крае // AO 2006 г. М.: Наука. С. 352–353.
- Габуев Т. А., Малашев В. Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: ТАУС. 468 с.
- Гавритухин И. О., 2010. Находка из Супрут в контексте восточноевропейских сильно профилированных фибул // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2: Сб. науч. ст. Ч. 1 / Отв. ред. А. М. Воронцов, И. О. Гавритухин. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле»: ИА РАН. С. 49–68.
- Коробов Д. С., 2010. Укрепления эпохи раннего средневековья на Боргустанском хребте близ Кисловодска // Проблемы истории, филологии, культуры. № 1 (27). С. 560–593.
- Коробов Д. С., 2013. Этапы заселения Кисловодской котловины по данным археологии // КСИА. Вып. 228. С. 19–33.
- *Малашев В. Ю.*, 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра. С. 194–232.
- Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II—IV вв. н. э. // Три четверти века: Д. В. Деопику друзья и ученики / Отв. ред. Н. Н. Бектимирова. М.: Памятники исторической мысли. С. 487–501.
- Малашев В. Ю., 2008а. О культурном единстве Паласа-сыртского и Львовских курганных могильников // Северный Кавказ в древности и в средние века / Отв. ред. А. И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН. С. 152–170.
- Малашев В. Ю., 2008б. Хронология погребальных комплексов могильника Клин-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии / Отв. ред. М. Г. Мошкова. М.: ТАУС. С. 265–283. (МИАР; № 10).
- Мошкова М. Г., Малашев В. Ю., 1999. Хронология и типология сарматских катакомбных погребальных сооружений // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та. С. 172–212. (Научные школы Волгоградского Государственного университета)
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. № 2. С. 100–120.
- Faβbinder J. W. E., Gorka T., Chemyakina M., Molodin V., Parzinger H., Nagler A., 2013. Prospecting of kurgans by magnetometry: case studies from Kazakhstan, Siberia and the Northern Caucasus // Виртуальная археология: (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции): Мат-лы Первой Междунар. конф., состоявшейся в Государственном Эрмитаже 4–6 июня 2012 г. / Отв. ред. А. А. Алексеев, Л. С. Воротинская, А. Н. Мазуркевич, Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 50–57.

А В Мастыкова

«КНЯЖЕСКИЙ» КОСТЮМ С ЗОЛОТЫМИ АППЛИКАЦИЯМИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

A. V. Mastykova. «Princely» costume with gold appliqués in the period of the Great Migration

Abstract. Female costume with gold appliqués in geometric shapes is typical of the barbarian aristocracy during the Hunnic period (end of the 4th to the mid 5th cc.). The finds originate from the territory of the Western Roman Empire and also European Barbaricum. Gold appliqués were well-known in the 1st-3rd centuries from burials of the Sarmatian-Alanian nobility, yet they disappear in the steppes in the 3rd-4th centuries and survive in the post-Roman period only in the Cimmerian Bosporus. Costumes with gold appliqués from the period of the Great Migration of the Peoples can be traced back to the North Pontic region and can be associated in particular with the culture of the settled population in Late Classical centres such as the Cimmerian Bosporus and Tanais. At that time they were used to a lesser extent by the barbarians from the steppes to the North of the Black Sea, the Huns and the Alans. Those who spread this Pontic fashion in Western and Central Europe were East-European barbarians and also perhaps those who had previously lived in the Late Classical cities of the North Pontic region.

Ключевые слова: золотые аппликации, «княжеский» женский костюм, эпоха переселения народов, гуннское время, Северное Причерноморье, сарматы, аланы.

Культура варварской аристократии эпохи Великого переселения народов, представленная в Западной и Центральной Европе памятниками типа Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), содержит выраженный компонент восточноевропейского происхождения (подробнее см. *Каzanski*, 1996). Это восточное влияние представлено, в частности, в женском «княжеском» костюме, украшенном золотыми нашивными бляшками-аппликациями и золотыми пронизками (*Кишш*, 1995. С. 83; *Mączyńska*, 2005; *Mastykova, Kazanski*, 2006). На территории Западной Римской империи в варварском контексте такие аппликации были найдены в Эране (Airan), Хохфельдене (Hochfelden) (см. цв. вклейку, рис. XIII), Кудиат-Затер (Kudiat-Zateur), Тубурбо-Мажюс (Thuburbo-Majus) (см. цв. вклейку, рис. XIV). Некоторые исследователи связывают убор с аппликациями с аланским влиянием (см., например: *Кишш*, 1995). Однако такое заключение нуждается в некоторых уточнениях.

В целом сармато-аланское происхождение костюма с золотыми аппликациями очевидно, поскольку такие бляшки хорошо известны именно в степных

восточноевропейских погребениях I–III вв. (см., например: *Марченко*, 1996. С. 33, 139–143. Рис. 7–11; *Зайцев, Мордвинцева*, 2004. С. 185. Рис. 10, 8–10, 12–15). Подобные золотые бляшки представлены и в уборе населения позднеантичных центров Крыма того же времени (см., например: *Ахмедов и др.*, 2001. С. 179, 180. Рис. 6), а также, судя по находкам в могильниках Усть-Альма и Песчаное, у оседлых скифов Юго-Западного Крыма I–II вв. (*Зайцев*, 2005. № 24, 45, 88, 96, 121, 129, 137, 138, 141, 142).

Для позднеримского времени, в основном III в., можно назвать в качестве примера золотые аппликации в сармато-аланских комплексах, например, в кургане 1 у с. Нагорное в Северо-Западном Причерноморье (Гудкова, Фокеев, 1984. Рис. 12, 2, 3); в курганном погребении у слободы Котовая (Можары) в Нижнем Поволжье (Берхин, 1961. Рис. 1, 10, 11); в кургане 46 у ст. Усть-Лабинская на Кубани (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 50, 480/5); в находке у озера Батырь в Казахстане (Скалон, 1961. Рис. 6). Конечно, эти золотые аппликации имеют разные формы и лишь частично могут быть сопоставлены с бляшками из богатых находок эпохи Великого переселения народов. Речь идет о самом принципе украшения одежды металлическими бляшками-накладками — обычай не столь уж распространенный в Европе того времени.

Особо стоит отметить, как это уже подчеркивали исследователи, что золотые аппликации, за редкими исключениями (например, курган 1 могильника Малковский: рис. 1; см. *Боталов*, *Гуцалов*, 2000. Рис. 16, 7–9)¹, отсутствуют в сармато-аланских комплексах второй половины III и IV в., что не позволяет говорить о преемственности между костюмом сармато-алан римского времени и убором варварской знати эпохи переселения народов (*Арсеньева и др.*, 2001. С. 220). Скорее всего, возможные прототипы престижного убора гуннского времени с золотыми аппликациями следует искать, вероятно, где-то в другом месте, вне степного сармато-аланского контекста. С этой точки зрения представляют особый интерес древности оседлого эллинизированного населения позднеантичных центров Северного Причерноморья.

Распространение металлических аппликаций в позднеримское и гуннское время. В некрополе Керчи – Пантикапея/Боспороса, столицы Боспора Киммерийского – имеется некоторое количество захоронений, содержавших в своем инвентаре золотые бляшки-аппликации. Из них наиболее известно погребение с Золотой маской, открытое А. Б. Ашиком в 1837 г. на Глинище (Šarov, 2003. S. 39–48; Тайна золотой маски, 2009). В захоронении верхняя часть тела погребенного, от головы до пояса, была покрыта шерстяной тканью с золотыми нашивками. Ткань разрушилась при доступе воздуха в погребальную камеру, но металлические накладки зафиксированы in situ (Древности... 1854. С. 10, 12; Reinach, 1892. Р. 40; Тайна золотой маски, 2009. № 15–30). Всего в погребении обнаружено около 560 золотых аппликаций (см. цв. вклейку, рис. XV), украшавших, насколько можно понять из имеющейся информации, не только шерстяное покрывало, но и одежду погребенного (Древности... 1854. Табл. 22, 1, 3, 4, 6, 22–25; 23, 10–12, 14; Reinach, 1892. Pl. 22, 1, 3, 4, 6, 22–25; 23, 10–12, 14).

 $^{^{\}rm 1}$ Найденная здесь пряжка (рис. 1, 18) может быть датирована в рамках позднего III — раннего IV в.

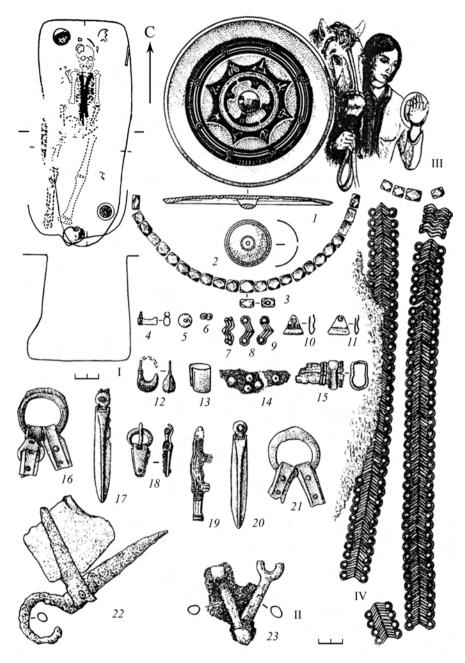

Рис. 1. Могильник Малковский, курган 1 (по: Боталов, Гуцалов, 2000. Рис. 16)

I – план погребения; II – погребальный инвентарь; III – реконструкция женской одежды и конской узды; IV – реконструкция отворота одежды с нашивными аппликациями

Эти бляшки похожи на упомянутые выше аппликации из алано-сарматских могил III в. Котовая и Нагорное. Некоторые формы керченских бляшек (Тайна золотой маски, 2009. № 17, 25–27) близки золотым нашивным пластинкам из погребений эпохи переселения народов и могут быть их прямыми прототипами (*Kazanski, Mastykova*, 2003. Р. 111; *Mastykova, Kazanski*, 2006; *Мастыкова, Казанский*, 2005. С. 259). По сопровождавшему инвентарю погребение с Золотой маской датировано второй половиной III в. (*Шаров*, 2009. С. 42). На основе хронологии декора серебряной посуды для этого комплекса предлагается и несколько более поздняя дата — первая половина IV в. (*Трейстер*, 2009. С. 62). Не вдаваясь в детали дискуссии о дате этого знаменитого погребения, следует отметить, что в любом случае оно попадает в хронологический разрыв между алано-сарматскими могилами римского времени и находками «княжеского» горизонта гуннской эпохи.

Имеются в Керчи и другие захоронения позднеримского времени с золотыми бляшками-аппликациями, хотя их отнесение именно к III—IV вв. остается гипотетичным. Это, в частности, женская могила, открытая в 1841 г. около завода князя З. С. Херхеулидзева, в которой обнаружены зигзагообразные бляшки. В сопровождавшей ее мужской могиле была найдена погребальная корона с отпечатком монеты Марка Аврелия, 172—173 гг. (Reinach, 1892. Р. 42, 43, 55. РІ. 22, 8). В одной из женских могил, исследованных в 1874 г., зафиксированы округлые золотые бляшки, а также монета боспорского царя Фофорса, 295 г. (Gédéonov, 1874. Р. XI). Наконец, в мужской могиле, открытой в том же 1874 г., с монетой того же Фофорса (точная дата не указана, годы правления: 285—308 гг.) золотые аппликации квадратной и треугольной формы находились у пояса погребенного (Ibid.). К сожалению, в двух последних случаях дано лишь беглое перечисление находок, без указаний на размеры и характер бляшек.

В гуннское время (последняя треть IV — первая половина V в.) бляшки-аппликации из золота, реже из серебра и бронзы, известны в костюме оседлого населения северопонтийского региона. Можно перечислить находки на Боспоре Киммерийском, в первую очередь в Керчи — погребения 11.1899 г.; 145.1904 г.; 165.1904 г.; 167—169.1904 г.; 175.1904 г.; 177.1904 г.; 24.6.1904 г.; склеп у Тарханской дороги 1914 г.; погребение 113.2000 г. (Думберг, 1901. С. 83; Засецкая, 1993. Табл. 12, 23; 25, 94—96; 53, 237, 318—320, 323; 58, 345; 61, 354; Лысенко, Юрочкин, 2004. Рис. 32, 2), а также вещи вне контекста, происходящие из Керчи (Лувр, покупка 1889 г. и коллекция К. Мессаксуди; см. BSAF, 1920. Р. 260). Аппликации найдены в Китее и некрополе Джурга-Оба на европейском Боспоре, в Тамани-Гермонассе на азиатском Боспоре (см. цв. вклейку, рис. XVI, XVII; рис. 2) (Ханутина, Хршановский, 2009. Рис. 4, 10; Ермолин, 2009; Damm, 1988. Abb. 95—98; Ermolin, 2012).

Золотые аппликации гуннского времени известны и из могильников Юго-Западного Крыма: Лучистое, комплекс 82 (рис. 3, I) – речь идет о компактной группе предметов, помещенных в небольшое углубление-ямку (Айбабин, Хайрединова, 1998. С. 283. Рис. 14); Суворово, погребения 29, 54 (Зайцев, 1997. Рис. 62, 29; Зайцев, Мордвинцева, 2003. Рис. 3, 3)², Алмалык-Дере (Mączyńska et al., 2011. Fig. 13).

 $^{^{2}}$ Дата последних может быть несколько шире и охватывать также середину IV в.

Рис. 2. Бляшки-аппликации с Тамани (по: Damm, 1988)

Находки аппликаций в виде ступенчатых пирамидок в погребении 40 некрополя Джурга-Оба (см. цв. вклейку, рис. XVII, 3) свидетельствуют о существовании этого типа декора и в постгуннское время, в течение второй половины V в.

Как уже говорилось, золотые бляшки входят в состав погребального инвентаря княжеского горизонта Унтерзибенбрунн. Они были обнаружены в самом погребении Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn), а также в захоронениях Хохфельден (Hochfelden) (см. цв. вклейку, рис. XIII), Регей (Regöly), Синявка, Эран (Airan), Папкеси (Papkeszi), Лебень (Lébény), Кошовени-де-Жос (Coşoveni de Jos), Мухино, Большой Каменец (библиографию см. Киши, 1995. С. 83; Mastykova, Kazanski, 2006). В отдельных случаях золотые геометрические аппликации встречаются и в контексте следующего по времени княжеского горизонта Смолин-Косино (период D2/D3, т. е. 430/440–470/480 гг.), например в Бакодпусте (Bakódpuszta) (Киши, 1995. Табл. 5).

Вполне возможно, что золотые накладки попадают в аристократический убор гуннского времени под влиянием моды понтийского оседлого населения, где обычай их использования в костюме сохраняется в позднеримское время в отличие от степной алано-сарматской среды. Такое предположение кажется более вероятным, поскольку позиция бляшек в костюме из погребения в Хохфельдене (рис. XIII) аналогична их размещению в понтийском костюме (Боспор Киммерийский, Танаис). Нашивные бляшки представлены и в уборе

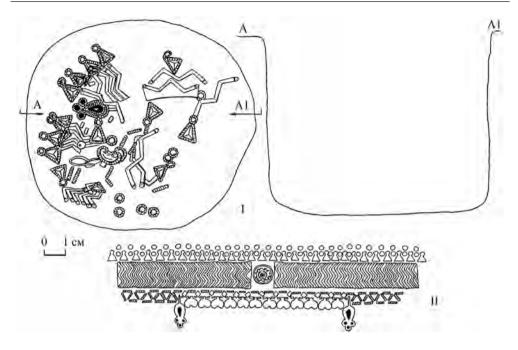

Рис. 3. Могильник у с. Лучистое, комплекс 82 (по: Aйбабин, Xайрединова, 1998. Рис. 14) I – расположение золотых аппликаций $in\ situ$; II – реконструкция головного украшения-диадемы

населения поздней Римской империи (формы «Mayen», «Regensburg», «Strassburg»; см. *Martin*, 1991. S. 24, 25. Abb. 11, 6–11), однако связаны ли они с «восточной» модой, пока до конца не ясно.

Можно предполагать, что понтийское влияние на аристократический костюм проявилось не только у варваров Центральной и Западной Европы, но и на других территориях, например, как уже упоминалось выше, в вандальской Северной Африке (см. цв. вклейку, рис. XIV) в Кудиат-Затер и Тубурбо-Мажюс (*Eger*, 2001. Abb. 12; *Ben Abed*, 2008; *Ghalia*, 2008; Erben des Imperiums in Nordafrika... 2009. Kat. 307, 309). На Среднем Урале нашивные бляшки в форме уголков найдены в погребении 1 кургана 27 могильника Броды (*Голдина*, 1986. Табл. 15, 20, 21), которое можно датировать второй половиной IV – первой половиной V в. Аппликации зигзагообразной формы известны в гуннское время и на Северном Кавказе, где они представлены в богатом «вождеском» погребении в Ираги (*Абакаров*, *Давудов*, 1993. Рис. 49, *14*; *Давудов*, 2013. С. 60. Рис. 4, 21).

Сравнительно редко такие нашивные бляшки встречаются в погребениях степного населения гуннского времени. Так, они известны в гуннском комплексе в Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) или в аланских могильниках Северного Предкавказья — Октябрьский и Брут (Fettich, 1953; Абрамова, 1975. Рис. 1, 3, 4; 1997. Рис. 12, 3, 4).

Основные формы аппликаций. Среди золотых накладок эпохи переселения народов бляшки треугольной формы наиболее распространены, они найдены на следующих памятниках: Кудиат-Затер (рис. XIV, 1, 2), Эран, Унтерзибенбрунн,

Регей, Папкеси, Кошовени-де-Жос, Большой Каменец, Мухино, Синявка, Лучистое, комплекс 82 (рис. 3, *I*), Керчь, Брут, Октябрьский.

Прямоугольные бляшки – Кудиат-Затер (см. цв. вклейку, рис. XIV, *1*, 2), Эран, Унтерзибенбрунн, Сегед-Надьсекшош, Бакодпуста, Большой Каменец, Керчь;

круглые бляшки — Эран, Хохфельден (см. цв. вклейку, рис. XIII), Унтерзибенбрунн, Бакодпуста, Мухино, Синявка, Суворово, Лучистое (рис. 3), Керчь, Тамань (рис. 2), Джурга-Оба (см. цв. вклейку, рис. XVI, 5, 10, 12, 14, 17);

зигзагообразные бляшки – Эран, Унтерзибенбрунн, Лебень, Регей, Папкеси, Большой Каменец, Мухино, Лучистое (рис. 3, *I*), Керчь.

Реже встречаются *восьмеркообразные накладки* – Унтерзибенбрунн, Керчь, Октябрьский;

накладки в виде соединенных треугольников – Эран, Унтерзибенбрунн, Регей, Керчь;

четырехугольные накладки с округлыми выступами – Хохфельден, Керчь, Тамань;

листовидные подвески из золотой пластины – Унтерзибенбрунн, Керчь, Тамань;

и, наконец, *лировидные*, известные пока только на Боспоре Киммерийском — Керчь, Тамань.

В Тубурбо-Мажюс найдены золотые пластинки *треугольной формы со сту- пенчатыми сторонами*, или, как их еще называют, *ступенчатые пирамидки* (рис. XIV, 3), составляющие колье или декор ворота (*Ghalia*, 2008; Erben des Imperiums in Nordafrika... 2009. Кат. 307, *b*). *Треугольные накладки с рельефным декором в виде ступенчатых пирамидок*, прототипы которых имеются в погребении с Золотой маской (см. цв. вклейку, рис. XV, 5), найдены в могильнике Алмалык-Дере в Юго-Западном Крыму (*Mączyńska et al.*, 2011. Fig. 13, 20–23), а также в склепе 40 могильника Джурга-Оба (см. цв. вклейку, рис. XVII, 3) (*Ермолин*, 2009. Рис. 5, 5; *Ermolin*, 2012. Fig. 5, 3), который относится к постгуннскому времени.

Вместе с золотыми аппликациями в состав убора иногда входят луновидные итампованные подвески и металлические трубочки-пронизки. Такие золотые лунницы подробно изучены М. Мончиньской (Масууńska, 2005). Одна находка зафиксирована на римском Западе — это колье, состоящее из золотых рифленых трубочек-пронизок с лунницами-подвесками (рис. 4, 1), найденное в Гранада-Альбасин (Granada-Albaicín) в Южной Испании (Тетреlmann-Масууńska, 1986). По М. Мончиньской, золотые лунницы помимо испанской находки известны в Танаисе, Китее, Лучистом, Гурзуфе, Бакле (Масууńska, 2005. Fig. 7). К этому списку можно добавить недавние находки в Алмалык-Дере (Масууńska et al., 2011. Fig. 13, 8). Эти памятники принадлежат оседлому, в значительной степени эллинизированному населению Северного Причерноморья. На Среднем Дунае серебряная луновидная подвеска обнаружена в погребении 2 могильника Тисафелдвар (Tiszaföldvár) вместе с пряжкой периода D, т. е. V в. (Vaday, 1989. S. 273. Taf. 107, 11).

Трубочки-пронизки известны в Северном Причерноморье с І в. н. э. (*Кузнецов*, 1996. С. 76; для римской эпохи см. *Белов*, 1927. С. 117. Рис. 1), они имеются и в ожерельях в других регионах Римской империи (*Deppert-Lippitz*, 1997. Abb. 4–8).

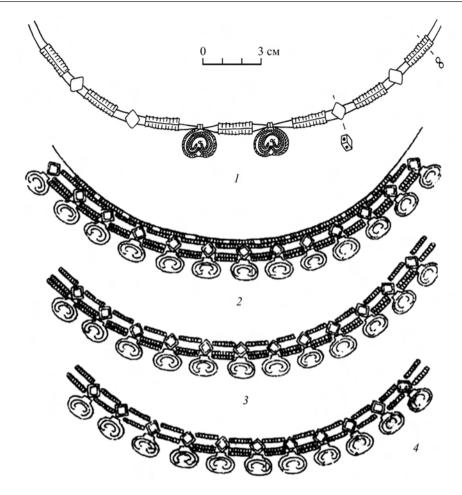

Рис. 4. Колье с трубочками-пронизками и луновидными подвесками (по: Mączyńska, 2005. Fig. 1; 6)

I — Гранада-Альбасин (Granada-Albaicín); 2 — Танаис, погребение 10.1981 г.; 3 — Танаис, погребение 3.1990 г.; 4 — Гурзуф Масштаб лля — 1

Для гуннского времени пронизки хорошо представлены в понтийском регионе в древностях оседлого населения, в частности на территории Боспора Киммерийского: Керчь, погребения 11.1899 г.; 340.1903 г., ингумация 1; 1903 г. в саду Тумаковского; 154.1904 г., ингумации 2, 7–9; 175.1904 г.; 176.1904 г. ингумация 1; Фанагория, погребение 21.1936–1937 г.; Тамань/Гермонасса; Китей; Джурга-Оба; Тамань или Майкоп (*Блаватский*, 1941. С. 37; Засецкая, 1993. № 13, 220, 245, 324, 325; Шкорпил, 1907. С. 43; *Damm*, 1988. № 43; 95. Abb. 90; 171; Ханутина, Хршановский, 2009. Рис. 4, 10; Ермолин, 2009. Рис. 3, 6).

Помимо Боспора Киммерийского пронизки известны в погребениях оседлого населения Танаиса гуннского времени, в погребениях 10.1981 г. и 3.1990 г.

(Арсеньева и др., 2001. Табл. 6, 60; 40, 484), в «княжеской» женской могиле Синявка близ Танаиса, принадлежащей горизонту Унтерзибенбрунн (Каменецкий, Кропоткин, 1962. Рис. 2, 4).

В Юго-Западном Крыму металлические пронизки найдены в Гурзуфе, Херсонесе, могильниках Вишневое, склеп 1 и Лучистое, комплекс 82; в Алмалык-Дере (*Damm*, 1988. S. 131. № 43, 45. Abb. 93; *Пуздровский и др.*, 2001. Рис. 10, 6; *Mączyńska et al.*, 2011. Fig. 13, *1–5*).

Имеются трубочки-пронизки и в аристократических погребениях гуннского времени на Среднем Дунае: Рабапордань (Rábapordány) (Alföldi, 1932. Taf. 10) и Дындешть (Dindesti) (*Harhoiu*, 1998. Taf. 94, 4).

Позиция нашивных бляшек в уборе. Рассмотрим позицию всех этих металлических элементов в женском костюме³ эпохи переселения народов. Насколько можно судить по погребальному контексту, аппликации использовались для украшения различных деталей одежды. Очень часто ими украшались воротник и рукава платья, как, например, в погребениях Хохфельден (см. цв. вклейку, рис. ХІІІ), Керчь, склеп 165.1904 г., ингумация 4 (Шкорпил, 1907. С. 48), Тубурбо-Мажюс (Eger, 2001. S. 349–376). К этому списку следует добавить погребение позднеримского времени № 17 в Майен (Mayen) в саркофаге, где аппликации были зафиксированы у шеи погребенного (Haberey, 1942. S. 274).

В женских захоронениях Танаиса 10.1981 г. и 3.1990 г. луновидные бляшки и золотые трубочки-пронизки находились на груди погребенных. Исследователи полагают, что они украшали ворот платья (Арсеньева и др., 2001. С. 9, 35). Следует отметить, что и в ряде других случаев – Гранада-Альбасин, Танаис, Гурзуф, Фанагория, возможно Лучистое – луновидные подвески сопровождались металлическими пронизками и составляли, вероятно, как реконструирует М. Мончиньска, единое колье (рис. 4, 2-4). Видимо, этот тип украшения (колье?) типичен в первую очередь для понтийского оседлого населения античных центров. Похожие ожерелья существуют в позднеримское время и у алано-сармат, но они сделаны не из золота и не имеют штампованного декора. В качестве примера можно назвать находки в кургане 26 погребения Градешка в Бессарабии, датированном III в. (Гудкова, Редина, 1999. Рис. 3, 5, 6) и в кургане 27 (ингумация 1) могильника Купцын-Толга в Калмыкии, в составе ожерелья из бус (Шнайдштейн, 1981. Табл. 8, 5).

В североафриканской могиле Кудиат-Затер аппликации были рассеяны по всей верхней части тела погребенной (CRAI, 1916. Р. 15). Видимо такая же позиция бляшек отмечена и в погребении Эран в Нормандии, где аппликации «были найдены вместе в виде скопления рядом с большими фибулами», которые находились на плечах или груди покойной (BSAF, 1920. Р. 261). Эти бляшки «должны были образовывать верхний край одежды или же были прикреплены на некий пластрон,

³ В некоторых случаях аппликации отмечены и в мужских захоронениях, например в погребении воина с парадным мечом в Лебень (Pusztai, 1966) или в находке (жертвенное место?) с типично мужских инвентарем в Сегед-Надьсекшош (Fettich, 1953). К сожалению, в первом случае зигзагообразные накладки происходят из заполнения могильной ямы, а во втором – из скопления предметов, помещенных на кострище на дневной поверхности (L'Or des princes barbares... 2000. № 19, 142), поэтому их место в костюме неясно.

Рис. 5. Пекторальное украшение, Египет (по: Ross, 1965. Pl. 18)

помещенный на грудь» (BSAF, 1920. Р. 262). Итак, речь идет либо о декоративных элементах, нашитых на грудь и ворот платья (возможные реконструкции см. *Pilet*, 2001. Р. 423–425; L'Or des princes barbares... 2000. № 36), либо это пекторальное сетчатое украшение, известное по находкам в ранневизантийском Египте (рис. 5).

В отдельных случаях, в позднеримском контексте, в погребениях в Страсбурге и Регенсбурге известны находки диадем с нашивными бляшками (*Martin*, 1991. Abb. 11, 6, 8, 9). Реконструкция головного убора, украшенного золотыми аппликациями, предлагается и для комплекса 82 могильника Лучистое (рис. 3, *II*), о котором уже говорилось (*Айбабин, Хайрединова*, 1998. Рис. 14). Остановимся подробнее на этой находке. Предложенная реконструкция, конечно, возможна, однако требует более развернутой аргументации. Напомню, что на территории могильника в небольшом углублении была обнаружена компактно сложенная группа из 265 золотых предметов, среди которых находились и многочисленные нашивные бляшки разных форм (рис. 3, *I*). Бляшки зигзаговидной и треугольной форм были, по мнению авторов находки, скорее всего, нашиты на какую-то органическую поверхность (ткань? кожа?) и образовывали правильную ленту (Там же. С. 299. Рис. 14). Кроме того, здесь же были найдены серьги, золотые пронизи, луновидные подвески, бусы и округлая бляха полихромного стиля. Ничто, однако, не свидетельствует об их принадлежности

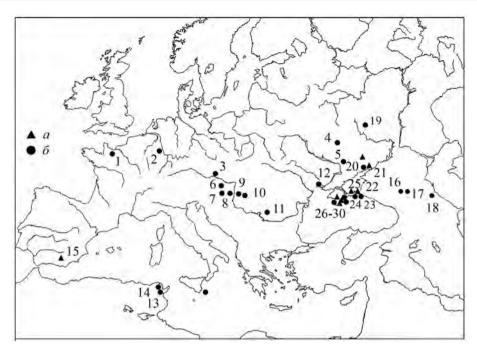

Рис. 6. Распространение штампованных золотых лунниц (a) и золотых бляшек-накладок (б) гуннского времени (по: Mastykova, Kazanski, 2006. Fig. 12, с дополнениями)

1 — Эран (Airan); 2 — Хохфельден (Hochfelden); 3 — Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn); 4 — Большой Каменец; 5 — Екатеринослав; 6 — Лебень (Lébény); 7 — Папкеси (Papkeszi); 8 — Регей (Regöly); 9 — Бакодпуста (Bakódpuszta); 10 — Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós); 11 — Кошовени де Жос (Coşoveni de Jos); 12 — Ольвия; 13 — Кудиат-Затер (Kudiat-Zateur); 14 — Тубурбо-Мажюс (Thuburbo-Majus); 15 — Гранада-Альбасин (Granada-Albaicín); 16 — Брут; 17 — Октябрьский; 18 — Ираги; 19 — Мухино; 20 — Синявка; 21 — Танаис; 22 — Фанагория; 23 — Тамань/Гермонасса; 24 — Керчь/Пантикапей; 25 — Китей, Джурга-Оба; 26 — Лучистое; 27 — Гурзуф; 28 — Аламалык-Дере; 29 — Бакла; 30 — Суворово

именно головному украшению-диадеме. Наличие серег в том же скоплении вещей (Aйбабин, Xайрединова, 1998. Рис. 13, 7, 8) вряд ли может служить аргументом в пользу такой реконструкции (рис. 3, II), поскольку ни одна из довольно многочисленных диадем и/или погребальных корон эпохи переселения народов никаких прикрепленных к ним сережек не имеет.

Среди предметов из комплекса 82 (Лучистое) обнаружена круглая бляха полихромного стиля, которую авторы интерпретировали как налобное украшение в составе этого головного убора (Айбабин, Хайрединова, 1998. Рис. 13, 10). Параллелью могла бы служить овальная фибула, призванная, видимо, скреплять вуаль, найденная в сарматской могиле I в. до н. э. в Песчаном на Кубани (L'Or des Amazones... 2001. Р. 168, 169. № 179). Округлые бляхи в диадемах можно видеть и на некоторых пальмирских погребальных рельефах II в. (Dentzer-Feydy,

Теіхіdor, 1993. № 195). Наконец, такие бляхи, видимо, украшавшие диадемы, известны и в средиземноморском мире на женских изображениях V–VII вв. (Grabar, 1966. Fig. 161, 166; Мастыкова, 2005. Рис. 5, 1; 7, 2). Однако во всех этих случаях диадемы, насколько можно судить по иконографическим данным, не несут декора в виде нашивных аппликаций. В то же время округлые бляхи полихромного стиля, очень похожие на находку из Лучистого, видимо имитирующие средиземноморские броши (о них см. Quast, 1999), хорошо известны в погребениях V–VI вв. в Крыму и на Северном Кавказе, где они находятся непосредственно на погребенных (Мастыкова, 2005; 2009. С. 35–37). Можно предполагать, что «тайник» 82 в некрополе у с. Лучистое содержал не головной убор-диадему, а какую-то свернутую одежду, украшенную золотыми аппликациями и округлой бляхой – имитацией броши, ожерелье из бус и колье из золотых пронизок и луновидных подвесок, как в Гранаде-Альбасин. Такой костюм имеет многочисленные параллели (Мастыкова, 2009. С. 139–145).

Итак, если суммировать приведенные данные, то можно сделать вывод, что женский убор с золотыми бляшками, типичный для варварской аристократии гуннского времени, распространившийся на территории Западной Римской империи, а также в Барбарикуме (рис. 6), имеет северопричерноморские истоки и более всего связан с культурой оседлого населения позднеантичных центров, таких как Боспор Киммерийский и Танаис. В гораздо меньшей степени он присущ степным варварам Северного Причерноморья, гуннам и аланам. Золотые накладки, пронизки и подвески – не единственный элемент понтийской культуры в «княжеском» уборе варваров гуннского времени. С большой долей вероятности к числу понтийских заимствований относятся и металлические зеркала, а также золотые цепи с коническими подвесками, лучше всего представленные в Восточной Европе в древностях оседлого населения городов и сельских поселений Северного Понта (Мастыкова, Казанский, 2005. С. 259–261). Разумеется, распространителями этой моды в Западной и Центральной Европе были восточноевропейские варвары – недаром в женском уборе горизонта Унтерзибенбрунн хорошо представлены восточногерманские элементы, такие как двупластинчатые фибулы (Там же. С. 253, 259). Не стоит, однако, забывать и о возможности прямой миграции отдельных групп оседлого понтийского населения на Запад. Возможно, именно их имеют в виду древние авторы, когда говорят о людях понтийского происхождения, таких как Андрагатий (Andragathius), magister equitum узурпатора Максима, который убил в 383 г. императора Грациана (Demougeot, 1979. Vol. 2. Fasc. 1. P. 120).

ЛИТЕРАТУРА

Абакаров А. И., Давудов О. М., 1993. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука. 325 с. Абрамова М. П., 1975. Катакомбные погребения IV–V вв. из Северной Осетии // СА. № 1. С. 213–233.

Абрамова М. П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М.: ИА РАН. 165 с. Айбабин А. И., Хайрединова Э. А., 1998. Ранние комплексы могильника у села Лучистое в Крыму // МАИЭТ. Вып. VI. С. 274–311.

Арсеньева Т. М., Безуглов С. И., Толочко И. В., 2001. Некрополь Танаиса: Раскопки 1981–1995 гг. М.: Палеограф. 274 с.

- Ахмедов И. Р., Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2001. Богатое погребение II в. н. э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма: Сб. ст. / Отв. ред. И. И. Гущина, Д. В. Журавлев. М.: ГИМ. С. 175–186. (Труды ГИМ; № 118).
- *Белов Г. Д.*, 1927. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 // Херсонесский сборник. № 2. С. 107–146.
- *Берхин И. П.*, 1961. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье // АСГЭ. № 2. С. 141–153.
- *Блаватский В. Д.*, 1941. Отчет о раскопках в Фанагории в 1936–1937 гг. // Работы археологических экспедиций: Сб. ст. / Под ред. Д. Н. Эдинга. М.: ГИМ. С. 5–74. (Труды ГИМ; № 16).
- *Боталов С. Г., Гуцалов С. Ю.*, 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей. 269 с.
- Голдина Р. Д., 1986. Исследования курганной части Бродовского могильника // Приуралье в древности и средние века: Медвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А. А. Тронин. Устинов: Удмуртский ун-т. С. 47–98.
- *Гудкова А. В., Редина Е. Ф.*, 1999. Сарматский могильник Градешка в низовьях Дуная // Старожитності Північного Причорномор'я і Криму. Т. 7. С. 177–193.
- *Гудкова А. В., Фокеев М. М.*, 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I–IV вв. н. э. Киев: Наукова Думка. 120 с.
- *Гущина И. И., Засецкая И. П.*, 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.
- Давудов О. М., 2013. Погребальный комплекс Ирагинского могильника // Вестник Института ИАЭ. № 1 (33). С. 56–71.
- Древности Боспора Киммерийского, 1854. СПб.: Изд-во Ф. Жиль.
- Думберг К. Е., 1901. Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // ИАК. Вып. 1. С. 80–93.
- *Ермолин А. Л.*, 2009. Кроваво-золотой стиль «клуазонне» в ювелирных изделиях Боспора (по материалам некрополя Джурга-Оба) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 70–77.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год / Отв. ред. В.А. Кутайсов. Симферополь: Крымский филиал Ин-та Археологии. С. 102–116.
- Зайцев Ю. П., 2005. Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Симферополь: Тарпан. 29 с.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2003. Исследование могильника в с. Суворово в 2001 г. // МАИЭТ. Вып. Х. С. 57–77.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма 2 в. до н. э. 1 в. н. э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Наследие Кубани. С. 174–204.
- Засецкая И. П., 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. Вып. III. С. 23–105.
- *Каменецкий И. С., Кропоткин В. В.*, 1962. Погребение гуннского времени близ Танаиса // СА. № 3. С. 235–240.
- Кишш А., 1995. Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура / Отв. ред. В. Х. Тменов. Владикавказ: СОИГИ. С. 79–100.
- Кузнецов В. А., 1996. Аланы на Западе: археологическая реальность или миф? // РА. № 4. С. 71–79.
- Лысенко А. В., Юрочкин В. Ю., 2004. Некрополь Пантикапея-Боспора: (по материалам исследований 2000–2002 г.) // О древностях Южного берега Крыма и гор таврических: Сб. науч. тр.: (по матлам конф. в честь 210-летия со дня рожд. Петра Ивановича Кеппена) / Ред. В. Л. Мыц и др. Киев: Стилос. С. 94–166.
- Марченко И. И., 1996. Сираки Кубани: (по материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: КубГУ. 340 с.

А. В. Мастыкова

- Мастыкова А. В., 2005. Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв. // РА. № 1. С. 22–36.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV середине VI в. н. э. М.: ИА РАН. 502 с.
- Мастыкова А. В., Казанский М. М., 2005. О происхождении «княжеского» костюма варваров гуннского времени (горизонт Унтерзибенбрунн) // II Городцовские чтения: Мат-лы науч. конф., посвящ. 100-летию деятельности В. А. Городцова в ГИМ (Москва, апрель 2003 г.) / Отв. ред. И. В. Белоцерковская. М.: ГИМ. С. 253–267. (Труды ГИМ; вып. 145)
- Пуздровский А. Е., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2001. Новые памятники III–IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. Вып. VIII. С. 32–50.
- *Скалон К. М.*, 1961. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. Вып. 2. С. 114–140.
- Тайна золотой маски, 2009. Каталог выставки [Санкт-Петербург, 21 апреля 3 сентября 2009 г.] / Авт. текста и ред. А. М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 204 с.
- *Трейстер М. Ю.*, 2009. Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы // Тайна золотой маски: каталог выставки [Санкт-Петербург, 21 апреля 3 сентября 2009 г.] / Авт. текста и ред. А. М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 43–62.
- Ханутина Э. В., Хршановский В. А., 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Нестор-История. С. 58–69.
- Шаров О. В., 2009. Погребение с Золотой Маской // Тайна золотой маски: каталог выставки [Санкт-Петербург, 21 апреля 3 сентября 2009 г.] / Авт. текста и ред. А. М. Бутягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 17–42.
- *Шкорпил В. В.*, 1907. Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // ИАК. Вып. 25. С. 1–66.
- Шнайдишейн Е. В., 1981. Раскопки курганов группы Купцын-Толга // Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья / Отв. ред. У. Э. Эрдниев. Элиста: КНИИИФЭ. С. 78–119.
- Alföldi A., 1932. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 90 s.
- Ben Abed A., 2008. Présence vandale dans le pays de Carthage // Rome et les Barbares. La naissance d'un nouveau monde. Venise: Skira. P. 331–333.
- BSAF: Bulletin de la Société des Antiquaires de France, 1920. Paris.
- CRAI: Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres, 1916. Paris.
- Damm I., 1988. Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzenmeergebiet: Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und Frühgeschichte. Bd. 21. S. 65–210.
- Demougeot E., 1979. La formation de l'Europe et les invasions barbares. 2: De l'avènement de Dioclétien au début du VIe siècle. Paris: Aubier. 935 p.
- Dentzer-Feydy J., Teixidor J., 1993. Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre. Paris: Réunion des musées nationaux. 303 p.
- Deppert-Lippitz B., 1997. Spätrömische Goldperlen // Perlen: Archäologie, Techniken, Analysen / U. von Freeden, A. Wieczorek (Hrsg). Bonn: Rudolf Habelt GmbH. S. 63–76.
- Eger C., 2001. Vandalische Grabfunde aus Karthago // Germania. Bd. 79. Heft 1. S. 347–390.
- Erben des Imperiums in Nordafrika. Das Königreich der Vandalen, 2009. Karlsruhe: Philipp von Zabern. 448 S.
- Ermolin A., 2012. Džurga-Oba a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosporus // The Pontic-Danubian Realm in the Periode of the Great Migration / V. Ivanišević, M. Kazanski (eds). Paris: ACHByz. P. 340–348.
- Fettich N., 1953. La trouvaille de la tombe princière hunnique à Szeged-Nagyszéksos. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum. 203 p.

- Ghalia T., 2008. Le trésor de Thuburbo Majus (Tunisie) // Rome et les Barbares. La naissance d'un nouveau monde. Venise: Skira. P. 334–336.
- Gédéonov S. A., 1874. Rapport sur m'activité de la Commission Impériale Archéologique pendant l'année 1874 // ΟΑΚ 1874 г. СПб. С. I–XXIV.
- Grabar A., 1966. L'Age d'or de Justinien. De la mort de Théodose à l'Islam. Paris: Gallimard. 409 p.
- Haberey W., 1942. Spätantike Gräber aus Gräben von Mayen // Bonner Jahrbücher. Band 147. S. 249–284.
- Harhoiu R., 1998. Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien. Bukarest: Editura Enciclopedică. 268 p.
- Hatt J.-J., 1965. Une tombe barbare du Ve siècle à Hochfelden (Bas-Rhin) // Gallia. T. 23. P. 250–256.
- Kazanski M., 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique // L'idéntité des populations archéologiques: actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes. Sophia Antipolis: APDCA. P. 109–126.
- Kazanski M., Mastykova A., 2003. Les origines du costume «princier» féminine des Barbares à l'époque des Grandes Migrations // Costume et société dans l'Antiquité et le haut Moyen Age / Dir. F. Chausson, H. Ingelbert. Paris: Picard. P. 107–120.
- L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe VIe siècle av. J.-C. IVe siècle apr. J.-C. 2001. Paris: Paris-Musées. 300 p.
- L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. après J.-C. 2000. Paris: Réunion des musées nationaux. 224 p.
- Mączyńska M., 2005. La question de l'origine des pendeloques en forme de lunules à décor au repoussé de l'époque des grandes migrations // La Méditerranée et le monde mérovingien: témoignes archéologiques / Dir. X. Delestre, P. Périn, M. Kazanski. Aix-en-Proivence: Association Provence Archéologie. P. 247–255.
- Maczyńska M., Urbaniak A., Jakubczyk I., 2011. The Early Medieval Cemetery of Almalyk-Dere near the Foot of Mangup // Inter Ambo Maria. Contacts between Scandinavia and the Crimea in the Roman Period / I. Khrapunov, F.-A. Stylegar (eds). Simferopol: Dolya. P. 154–175.
- *Martin M.*, 1991. Das spätrömisch-frühmittelalterliche Gräberfeld von Kaiseraugst, Kt. Aargau. Solothurn: Habegger Verlag. 359 p.
- Mastykova A., Kazanski M., 2006. À propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations:
 le costume à appliques en or // Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica' (ss.V–VII).
 Balance y Perspectivas / J. López Quiroga, A. M. Martínez Tejera, J. Moríin de Pablos (eds).
 Oxford: Archaeopress. P. 291–305. (BAR. International Series; 1534).
- Pilet C., 2001. Témoignages de modes germaniques orientales dans la Lyonnaise Seconde (Normandie actuelle): bilan provisoire // International Connections of the Bararians of the Carpathian Basin in the 1st-5th Centuries A.D. / E. Istvánovits, V. Kulcsár (eds). Aszód-Nyíregyháza: András Museum Osváth Museum Fondation. P. 419–429.
- Pusztai P., 1966. A lébényi germán fejedelmi sír // Arrabona. № 8. S. 99–118.
- Quast D., 1999. Cloisonnierte Scheibenfibeln aus Achmim-Panopolis (Ägypten) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Bd. 29. Heft 1. S. 111–124.
- Reinach S., 1892. Antiquités du Bosphore Cimmérien. Paris. 213 p.
- Ross M. C., 1965. Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2: Jewellery, enamels and Art of the Migration Period. Washington: The Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies. 144 p.
- *Šarov O.*, 2003. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / C. von Carnap-Bornheim (Hrsg). Neumünster: Wachholz. S. 35–64.
- Templemann-Maczyńska M., 1986. Der Goldfund aus dem 5. Jahrhundert n. Chr. Aus Granada-Albaícin und seine Beziehungen zu Mittel- und Osteuropa // Madrider Mitteilungen. Bd. 27. S. 375–388.
- Vaday A., 1989. Die Sarmatischen Debkmäler des komitats Szolnok (Antaeus 17-18). Budapest: Archäologisches Institut der UAW. 351 p.

К. Н. Скворцов, А. Н. Хохлов

ПОГРЕБЕНИЕ ВСАДНИКА КОНЦА V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в. ИЗ МОГИЛЬНИКА ШОССЕЙНОЕ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

K. N. Skvortsov, A. N. Khokhlov. The burial of a horseman from the end of the 5th – first half of the 6th century in the Shosseinoye burial-ground, the Kaliningrad Region (preliminary report)

Abstract. The article presents the find of a burial of a horseman dating from the end of the 5th – beginning of the 6th century in the Shosseinoye burial-ground (Kaliningrad Region) in 2012. The association stands out clearly on account of the variety and richness of the grave-goods. It can be compared to the so-called leaders' burials of the late stage in the period of the Great Migration of the Peoples.

Ключевые слова: балты, эстии, эпоха Великого переселения народов, «вождеские погребения» знать, всадники, звериный стиль.

Грунтовый могильник, о котором пойдет речь, впервые был обнаружен в 2006 г. у пос. Шоссейное (Гурьевский район Калининградской области). Он размещается на северной пологой части моренной возвышенности, на левом берегу безымянного ручья, в 1,5 км южнее берега Калининградского залива, рядом с бывшим имением Maulen, Kr. Königsberg (ныне не существует) (рис. 1). Памятник в довоенное время не был известен, первые сведения о нем поступили от сотрудника Самбийской археологической экспедиции (САЭ) ИА РАН Э. Б. Зальцмана, который при осмотре несанкционированного песчаного карьера выявил следы разрушенных древних погребений. В 2007 г. отряд САЭ провел спасательные раскопки на этом разрушаемом карьером грунтовом могильнике (Скворцов, 2008). Была вскрыта площадь около 200 м², исследовано 35 захоронений, совершенных, по большей части, по обряду кремации, в урнах и без них, датирующихся II—VIII вв. Часть погребальных комплексов, судя по стратиграфическим наблюдениям, была повреждена еще в древности (Скворцов, 2012. С. 115).

Настоящая публикация посвящена погребению всадника, сопровождавшегося захоронениями коней, которое по инвентарю существенно выделяется

Рис. 1. Географическое положение могильника Шоссейное

среди исследованных захоронений могильника Шоссейное¹. По разнообразию, качеству и художественному уровню сопровождающих вещей оно сопоставимо с так называемыми вождескими погребениями позднего этапа эпохи Великого переселения народов (Скворцов, 2012. С. 9–12).

Погребение 36 в виде частично поврежденной могильной ямы было выявлено в стенке карьера. Часть металлических находок из комплекса и костные останки находились ниже могильной ямы на песчаной осыпи в переотложенном состоянии. На месте обнаружения погребения был разбит небольшой подпрямоугольной в плане формы раскоп, ориентированный по оси С–Ю, общими размерами около 9,5 м². При осмотре территории и опросе местных жителей удалось выяснить, что часть грунта с территории, прилегающей к захоронению, была вывезена для подсыпки дороги в нескольких сотнях метрах западнее

¹ Погребение обнаружено в 2012 г. при осмотре могильника совместно с представителями заинтересованных государственных ведомств во время работ по мониторингу объектов археологического наследия, выявленных САЭ ИА РАН в предшествующие годы. САЭ также реализует Программу разведочных работ по выявлению и постановке на государственный учет и охрану объектов археологического наследия, расположенных в районах наиболее активного хозяйственного освоения территории Калининградской области.

карьера. При обследовании участка этой дороги обнаружены фрагменты предметов, аналогичных находкам из погребения, а также кости коней, которые, по предварительному заключению д. биол. н. А. В. Зиновьева, совпадают с костными останками коней, выявленными *in situ* в погребении.

Уцелевшая часть могилы составила около 50 %. Обследованный комплекс представлял собой кремацию всадника, совершенную на стороне. Останки покойного были помещены в могилу в деревянном ящике, тлен от которого достаточно хорошо фиксировался. Погребение сопровождалось по предварительным данным захоронением не менее пяти коней².

Погребальный инвентарь выделяется по своему богатству и разнообразию. В его состав входили следующие предметы, обнаруженные в заполнении могильной ямы:

- серебряная позолоченная пальчатая фибула типа Пурда (Purda) (рис. 2, 5)³. Известно еще несколько находок фибул этого типа в ареале ольштынской группы, а также единичная довоенная находка на Самбийском полуострове бронзовая фибула из могильника Доброе/Rantau «Hünenberg» (*Hilberg*, 2009. Taf. 1, 4; 16, 120; 32, 282). В погребении 246 мазурского могильника Косево (Kosewo/Alt-Kossewen) вместе с фибулой типа Пурда находилась и фибула типа Чонград (Csongrád) по терминологии Ф. Хильберга (Ibid., 2009. S. 95–98). Последние, в основном, датируются концом V началом VI в. (*Bierbrauer*, 1993. S. 322–324; *Koch*, 1998. S. 223, 224), что может определять дату как косевского погребения 246, так и погребения 36 могильника Шоссейный⁴;
- две бронзовые пряжки (рис. 2, *3*, *4*) с обоймицами и с рамками овальной и В-образной форм с прямоугольными площадками у основания язычка, украшенные гравированным орнаментом. Подобные пряжки хорошо известны в местных древностях эпохи Великого переселения народов (*Скворцов*, 2010а. С. 71, 75);
 - два бронзовых пинцета (рис. 2, 6) с циркульным орнаментом;
- немногочисленные мелкие фрагменты нескольких лепных керамических сосудов;
 - фрагменты железного ножа с остатками деревянной рукояти.

В заполнении могильной ямы со скелетами коней обнаружены многочисленные предметы, относящиеся к конскому снаряжению: железные кольчатые удила, бронзовые пряжки от узды, многочисленные серебряные заклепки со сферическими навершиями и другие находки.

В переотложенном состоянии обнаружены два железных наконечника копья (рис. 2, 1, 2), близкие к типу Казакявичюс II. В литовских древностях такие наконечники датируются V–VII вв. (Казакявичюс, 1988. С. 38, 39). Аналогичные

² По предварительным результатам анализа костного материала, проведенного А. В. Зиновьевым, обнаружены останки шести коней. На данный момент можно утверждать, что все они изначально находились в выявленном погребальном комплексе. Отметим, что в верхнюю часть заполнения описанной могильной ямы были «врезаны» более поздние погребения 36а и 36б.

³ Это название было дано Я. Ковальским по месту находки – бывший Gr. Purden на Мазурах (*Kowalski*, 1991. S. 72. Ryc. 2; 2000. S. 213).

⁴ О хронологии западнобалтских древностей см. также: Скворцов, 2010a. С. 180–183.

Рис. 2. Инвентарь из погребения всадника № 36 могильника Шоссейное

1, 2 – наконечники копий железные; 3, 4 – пряжки бронзовые; 5 – фибула серебряная позолоченная; 6 – пинцет бронзовый

копья обнаружены Р. Клебсом в погребениях 1 и 4 могильника Варникам (Первомайское), наконечники такого типа также широко известны в V–VI вв. в регионе Балтийского моря не только в ареале балтов, но и в местах болотных жертвоприношений в Дании (Hilberg, 2009. S. 328). На осыпи под стенкой карьера, в которой сохранилась часть могильной ямы, также были найдены элементы конского снаряжения: многочисленные железные кольчатые удила, серебряные заклепки со сферическими навершиями; разнообразные бронзовые пряжки от упряжи и подпруги, в основном, с рамками В-образной формы с прямоугольными площадками у основания язычка и, зачастую, с обоймицами.

Снаряжение одного из разрушенных экскаватором конских захоронений, относящихся к погребению 36, отличалось особым богатством. В его состав входили:

- железные удила с деталями из позолоченной бронзы и серебра (тип I по J. Oexle), датирующиеся по многочисленным аналогиям концом V началом VI в. (*Oexle*, 1992. S. 39–43);
 - многочисленные серебряные заклепки;
- две налобные бронзовые золоченые подвески-лунницы (см. цв. вклейку, рис. XVIII, 3, 4) со стилизованными изображениями голов хищных птиц, выполненные в I германском зверином стиле;
- четыре бронзовых золоченых четверика (рис. XVIII, 1, 2, 5, 6), оформленных в I германском зверином стиле, в том числе с антропоморфными изображениями;
- разнообразные седельные накладки (рис. 3) с декором (также в I германском зверином стиле) в виде борющихся животных и людей (*Salin*, 1904. S. 222, 223; *Haseloff*, 1981. S. 180–196), изготовленные методом тиснения серебряных пластин. Интересен тот факт, что часть из этих пластин, по всей видимости, была сделана тем же мастером и теми же инструментами (штемпелем), что и тисненые пластины из погребений 1 и 4 могильника Варникам. Возможно, это связано с тем, что могильник Шоссейное находится восточнее Варникама на том же отрезке сухопутных дорог от Самбийского полуострова к устью Вислы. Датировать данные пластины следует, вероятно, как и аналогичные предметы из погребений Варникама, концом V началом VI в. (*Hilberg*, 2009. S. 319–321).

Итак, судя по сопровождающему инвентарю, погребение 36 могильника Шоссейный, относится к концу V – первой половине VI в., находки из него имеют ряд аналогий в материалах, происходящих с территории Скандинавии и островов Балтийского моря.

Подобного рода захоронения, как правило, обнаруживаются уже в разрушенном состоянии, что не позволяет зафиксировать источник во всей его полноте. Тем не менее эти находки представляют особый интерес для изучения этносоциальной ситуации в ареале самбийско-натангийской культуры на позднем этапе Великого переселения народов. Следует отметить, что материал по данной проблеме до недавнего времени был весьма скуден. По сути, единственным источником, к которому апеллировали исследователи при упоминании богатых погребений самбийско-натангийской культуры на позднем этапе Великого переселения народов, были погребения 1 и 4 могильника Варникам, обнаруженные 136 лет назад Р. Клебсом (Klebs, 1878; Tischler, Kemke, 1902. S. 41, 42. Taf. XIII; XV, 9, 10). Информация об этих погребениях наиболее упоминаема в археологических изданиях, касающихся данной проблематики (Åberg, 1919. Abb. 149, 154; Gaerte, 1929. Abb. 232, b; 240, 244, 245; Кулаков, 1990. С. 64, 100. Табл. VI, 8, 9; 1997; 2007. С. 339, 340; Nowakowski, 1996. S. 41, 42. Taf. 77, 79; 2007. S. 151, 152; Kulakov, 1997. S. 595–628; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 121-127; Nowakowski, 2009. S. 311-342). Реже в данном контексте упоминаются всадническое погребение могильника Bapeнген/Warengen (Kr. Samland) и некоторые другие находки, относимые рядом исследователей к престижным воинским захоронениям позднего этапа Великого переселения

Рис. 3. Погребение № 36 могильника Шоссейное. Элемент декора оковки седла, выполненный в I германском зверином стиле

народов (*Hilberg*, 2009. S. 331. Fundliste 22. Abb. 9, *11*, *16*; 22, *5*, *6*; *Казанский*, 2010. C. 47).

Проблема недостатка сведений по данному вопросу усугубляется тем фактом, что все находки из погребений могильника Варникам исчезли в конце Второй мировой войны. Единственный источник, к которому могут обратиться современные исследователи, – довоенные публикации, в которых представлены лишь рисунки и развернутые описания отдельных находок из этих погребений, а некоторые вещи упомянуты только эпизодически.

За последние 15 лет кроме захоронения 36 из могильника Шоссейное было обнаружено еще несколько погребальных комплексов позднего этапа эпохи Великого переселения народов. По многим признакам они сопоставимы с комплексами представителей элиты эстиев из могильника Варникам, и на сегодняшний день являются единственными материальными свидетельствами наличия родовой знати в землях эстиев в конце V – первой половине VI в.

К данным комплексам относятся:

- погребение 21, обнаруженное в 1997 г. при раскопках грунтового могильника Кляйнхайде в Гурьевском районе Калининградской области (*Скворцов*, 1998; 1999. С. 50, 51; *Кулаков*, 2003. С. 130, 131);
- погребение 335, исследованное в 2008 г. при работах на грунтовом могильнике Митино (Гурьевский район Калининградской области) (Скворцов, 2010a. С. 162–166; 2010b. С. 95, 96, 664–673; Skvorzov, Pesch, 2011. S. 219–438);
- частично разрушенное конское захоронение 1, выявленное в 2012 г. на территории могильника Логвиново/КІ. Medenau (Кг. Samland) в ходе разведок, проводившихся на территориях нескольких районов Калининградской области (*Skvortsov*, 2013).

Материалы новых исследований дают возможность рассмотреть вопрос о так называемых вождеских погребениях Самбии на новом уровне. Ряд предварительных выводов можно сделать уже сейчас. В связи с тем, что большая часть найденных в этих погребальных комплексах изделий входит в круг скандинавских древностей, можно более пристально рассмотреть факт влияния, которое скандинавская «воинская» и «вождеская» культура оказывала на местную знать. Вероятно,

К. Н. Скворцов, А. Н. Хохлов

оно осуществлялось, главным образом, в процессе торговых контактов скандинавов с населением устья Вислы и Самбийского полуострова, что не исключает возможности существования матримониальных связей родовой верхушки местного населения со скандинавами (*Несман*, 1989. С. 21; *Bitner-Wróblewska*, 2001. Р. 124, 125; *Skvortsov*, 2012. S.169; *Казанский, Мастыкова*, 2013. С. 108).

В то же время отдельные вещи из погребения в Шоссейном напоминают экипировку варварских элит Среднего Дуная. Например, разнообразные подвески-лунницы с головами хищных птиц (см. цв. вклейку, рис. XVIII, 3, 4) или фантастических зверей хорошо известны в вождеских погребениях лангобардов первой половины — середины VI в. на территории современных Моравии, Венгрии, Австрии (Werner, 1962. Taf. 40, 1, 2; Tejral et al., 2011. Abb. 28, 15; 121, 7). Возможно, речь идет об общеевропейских элементах престижной «княжеской» культуры.

Необходимо отметить, что все могильники, на которых обнаружены такие погребальные комплексы, приурочены либо к местам добычи янтаря, либо располагаются на основном отрезке торгового пути от Самбии к устью Вислы, продолжая тенденции, возникшие в эпоху римского влияния. Насколько можно судить по археологическим данным, янтарь и в эпоху переселения народов оставался востребованным товаром.

Описанные выше захоронения, выделяющиеся разнообразием и богатством погребального инвентаря, можно интерпретировать как захоронения представителей родовой знати, которые, возможно, контролировали как основные древние сухопутные дороги, так и предполагаемый каботажный путь вдоль берега Вислинского залива и морского побережья Самбии (Кулаков, 2007. С. 340; Казанский, 2010. С. 46–48; Казанский, Мастыкова, 2013. С. 108, 109). Не исключено, что в древнем обществе эстиев существовал некий объединяющий властный элемент, который мог не только контролировать торговые пути, но и инициировать дипломатическую миссию, о чем свидетельствует упомянутое Кассиодором посольство эстиев с янтарными дарами к остготскому королю Теодориху Великому, совершенное около 523–525 гг. (Хенние, 1961. С. 60, 61).

ЛИТЕРАТУРА

Казакявичюс В., 1988. Оружие балтских племен II–VIII веков на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас. 160 с.

Казанский М. М., 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // Рим и варвары: от Августа до Августула. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 17–127. (Stratum plus; № 4/2010).

Казанский М. М., Мастыкова А. В., 2013. О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона. СПб. С. 97–112.

Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М: Наука. 168 с. (САИ; вып. Г1-9).

Кулаков В. И., 1997. Варникам. Древности прусских вождей // Гістарычна-Археалагічны зборник. № 12. С. 143–171.

Кулаков В. И., 2003. История Пруссии до 1283 года. М: Индрик. 402 с.

Кулаков В. И., 2007. Самбия и Натангия // Восточная Европа в середине І тысячелетия н. э. / Отв. ред. И. О. Гавритухин, А. М. Обломский. М: Ин-т археологии РАН. С. 333–343. (Раннеславянский мир: Археология славян и их соседей; Вып. 9).

- Несман У., 1989. Этнос и связи на Балтике в V X веках нашей эры // Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря: Тез. докл. сов.-дат. симпозиума (Ленинград, ноябрь 1989 г.) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. С. 19–23.
- Скворцов К. Н., 1998. Отчет о раскопках, проведенных Натангийским отрядом БАЭ ИА РАН в 1997 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21297.
- Скворцов К. Н., 1999. Работы Натангийского отряда Балтийской экспедиции // Археологические открытия 1997 года. / Ред. В. В. Седов, Н. В. Лопатин. М.: Эдиториал УРСС. С. 50–51.
- Скворцов К. Н., 2008. Отчет по раскопкам грунтового могильника Шоссейное (Гурьевский район Калининградской области) Самбийской археологической экспедицией ИА РАН в 2007 году // Архив ИА. Р-1. Б/н.
- Скворцов К. Н., 2010а. Могильник Митино V–XIV вв (Калининградская область): по результатам исследований 2008 г. Ч. 1. М.: Тверская обл. тип. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15).
- Скворцов К. Н., 2010б. Могильник Митино V–XIV вв (Калининградская область): по результатам исследований 2008 г. Ч. 2. М.: Тверская обл. тип. 806 с. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15).
- Скворцов К. Н., 2012. Новые находки памятников римского времени на побережье Вислинского залива // От Римского Лимеса до Великой Китайской Стены. Кишинев: Высшая антропологическая школа. С. 107–127. (Stratum plus; № 4).
- Хенниг Р., 1961. Неведомые земли. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы. 520 с.
- Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Leipzig; Uppsala: Uppsala Akademiska bokhandeln. 175 S.
- Bierbrauer V., 1993. Die Dame von Ficarolo // Archeologia Medievale. T. XX. S. 303–332.
- Bitner-Wróblewska A., 2001. From Samland to Rogaland: East-West Connections in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. 256 S.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg: Gräfe und Unzer. 406 S.
- Haseloff G., 1981. Die germanische Tierornamentik der Völkerwanderungszeit. Bd. I. Berlin; New York: De Gruyter, Walter, Inc. 280 S.
- Hilberg V., 2009. Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeiziehungen der völkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren // Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Bd. 2. Neumünster: Wachholtz. 615 S. (Schriften des Archaologischen Landesmuseums. Bd. 9).
- *Klebs R.*, 1878. Über einen Goldfund in Natangen // Schriften der königlichen physikalisch-ökonomischer Gesselschaft zu Königsberg. Bd. XIX. S. 4–5.
- Koch A., 1998. Bügelfibeln der Merowingerzeit im westlichen Frankreich. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 748 S.
- Kowalski J., 1991. Z badań nad chronologią okresu wędrówek ludów na ziemiach zachodniobałtyjskich (faza E) // Archeologia Bałtyjska: materiały z konferencji (Olsztyn, 24–25 kwietnie 1988 roku). Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. W. Kętrzyńskiego. S. 67–85.
- Kowalski J., 2000. Chronologia grupy elbląskiej i olsztyńskiej kręgu zachodniobałtyjskiego (V–VII w.) // Barbaricum. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego. T. 6. S. 203–248.
- Kulakov V., 1997. Gräber pruzzischer Stammesführer aus Warnikam // Eurasia Antiqua. Berlin: Zabern. Bd. 3. S. 595–626.
- Nowakowski W., 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt // Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg: Philipps-Universität. 169 S.
- Nowakowski W., 2007. East Prussia as a bridge between Eastern and Westen Europe: finds of the 5th to 8th centuries // The Merovingian Period-Europe without Borders. Archeology and history of the 5th to 8th centuries. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin. S. 145–155.
- Nowakowski W., 2009. Die Olsztyn-Gruppe und ihre historische Deutung // Jakobson F. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Bd. I. Neumünster: Wacholtz. S. 415–421.

К. Н. Скворцов, А. Н. Хохлов

- Oexle J., 1992. Studien zu merowingerzeitlichem Pferdegeschirr am Beispiel der Trensen. Mainz: Zabern. 307 S.
- Salin B., 1904. Die Altgermanische Tierornamentik, Stockholm: Wahlström & Widstrand, 388 S.
- Skvorzov K. N., 2012. The formation of patrimonial elite of Sambian-Natangain culture in Roman Period in the context of amber trade // Archaeologia Baltica. 18. № 2. S. 167–192
- Skvortsov K. N., 2013. The Amber Coast Masters: some observations on rich burials in the Sambian-Natangian culture ca. AD 500 // Inter Ambo Maria: northern barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya. P. 352–364.
- Skvorzov K. N., Pesch A., 2011. Krieger, Dicke Vögel und gehörnte Pferde? Ein Sattelbeschlag aus Mitino (obl. Kaliningrad) // Archäologisches Korrespondenzblatt. Jhrg. 41. Heft 3. S. 419–438.
- *Tejral J., Stuchlík S., Čižmář M., Klanica Z., Klanicová S.*, 2011. Langobardische Gräberfelder in Mähren I / J. Tejral, D. Peters, Z. Loskotová (Hrsg.). Brno: Archäologisches Institut AW CR. 459 S.
- Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh: W. Koch. 106 S.
- Werner J., 1962. Die Langobarden in Pannonien. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 195 S.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ РИТУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ С ЖИВОТНЫМИ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ МУРОМЫ (ПО АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ ПОДБОЛОТЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА)*

O. V. Zelentsova, L. V. Yavorskaya. Features of ritual manipulations with animals in the funerary rites of the Muroma (on the basis of archaeo-zoological materials from the Podbolotyevo burial-ground)

Abstract. Archaeo-zoological investigation of animal bones from the Podbolotyevo burial-ground was carried out. This led to the identification of two assemblages consisting of the remains of sacrificial food offerings: one including meat and the other without it. The first of these included the front and back of a cow's thigh and its rump complete with pelvis, which was interpreted as meat to sustain the deceased. The second assemblage consisted of bones from parts of the carcasses of a cow and pig without meat, which had been the remains of ritual feasts for the living. Complete horse skeletons were also discovered. An unusual position was reconstructed in imitation of a large animal lying on its belly with its legs bent and head raised. Similar horse burials are also known from the sites of other Finnish peoples in the Volga region from the medieval period.

Ключевые слова: археология муромы, Подболотьевский могильник, кости животных, жертвенная пища, захоронения коней.

Присутствие в погребальном обряде поволжских финнов эпохи раннего средневековья костей животных в качестве «заупокойной пищи» — одна из характерных деталей, которая отмечалась исследователями начиная с раскопок первых грунтовых могильников в конце XIX в. (Городцов, 1914; Материалы по истории мордвы... 1952). В дальнейшем при описании обряда указывалось местоположение костей животных в погребальной камере: в изголовье, у пояса, реже у ног погребенных или в засыпи погребальной камеры (Дубынин, 1947. С. 48, 49; Гришаков, 1988. С. 79, 82). Однако специальный подробный анализ видового состава жертвенных животных, их возраста никогда не проводился;

^{*} Работа выполнена в рамках научного проекта РФФИ ОФИ-М-2013 № 13-06-12023.

не ясно, какие анатомические части расположены в погребениях, а какие — в заполнении могильных ям, т. е. остаются невыясненными вопросы семантической нагрузки, которую несут те или иные наборы костей животных в погребальных ритуалах поволжских финнов.

Другая особенность обрядовой практики древнего финского населения Поволжья – отдельные захоронения коней и реже других животных на территории грунтовых могильников. Обычай захоронения животных и прежде всего коней как характерная деталь обрядовой практики муромы определена еще первым исследователем Подболотьевского могильника (*Городцов*, 1916). Конские погребения присутствуют во всех могильниках муромы (*Голубева*, 1987. С. 85, 86. Карта 18). Самые ранние захоронения коней известны в Безводнинском могильнике V–VIII вв. (*Краснов*, 1980. С. 33). У муромы захоронения коней появляются начиная с VIII в., и к X в. они исчезают (*Бейлекчи*, 2005. С. 11–112, 118). В материалах раскопок В. А. Городцовым Подболотьевского могильника они составляют 5% от общего количества захоронений (*Городцов*, 1914. С. 54). В самом восточном могильнике муромы – Чулковском доля конских захоронений достигает 12 % (*Гришаков*, 1990. С. 127).

Известны конские захоронения и у соседних с муромой эрзянских племен Притешья, где их доля в могильниках колеблется от 5 до 8 %. По мнению В. Н. Мартьянова, обряд захоронения коней появляется в Притешье одновременно с муромским в VIII в. и бытует до XIII в. (*Мартьянов*, 1992. С. 53–57). В южномордовских мокшанских могильниках захоронения коней более редки. Этот обряд известен в Кельгининском могильнике в погребениях XI в. и связывается с влиянием муромы (*Вихляев*, 1997. С. 118).

Одним из исследователей, обратившихся к анализу конских захоронений муромы, была Л. А. Голубева, которая, опираясь на классификацию Ю. А. Краснова (1980. С. 33–35), разделила захоронения коней на две группы по признаку положения в могилу целой туши или «расчлененной». Внутри этих групп по ориентировке и положению коня исследовательница выделила типы, при этом отметив, что для одного из типов погребения целой туши характерна поза животного, уложенного на брюхо с вытянутой шеей и вздернутым черепом (Голубева, 1987. С. 85–87). В. Н. Мартьянов также выделяет захоронения как целых туш, так и расчлененных костяков коней, считая оба вида захоронений характерными для мордвы-эрзи (Мартьянов, 1992. С. 53). В. В. Гришаков в специальной статье, посвященной анализу конских захоронений Чулковского могильника, пишет об обычае захоронения расчлененного коня, которому придавали позу лежащего животного с подогнутыми ногами и приподнятой головой (Гришаков, 1990. С. 129).

В 2012 г. Волжской археологической экспедицией (ВАЭ) ИА РАН были продолжены раскопки одного из самых известных могильников муромы – Подболотьевского, исследовавшегося в 1910 г. В. А. Городцовым (1914). Благодаря этому появилась возможность проследить все разнообразие погребальных обрядов муромы современными археологическими методами, а также обратиться к проблеме специфики ритуальных действий с животными.

При раскопках могильника в 1910 г. В. А. Городцов аккуратно фиксировал как отдельные захоронения животных, так и их кости в погребениях. Для конских захоронений было отмечено, что в подавляющем большинстве остовы

«лежали на брюхе с поджатыми ногами, головой на ССВ», некоторые из них обнаружены в той же позе, с поджатыми ногами, но «на боку» (Городцов, 1914. С. 65, 85, 86). Для костей из наборов «жертвенной пищи», т. е. из погребений людей, отмечалось, предположительно какому животному принадлежат кости. Например: «вдоль левой ноги погребенного человека лежат две ножные кости крупного животного (коровы или лошади)» (Там же. С. 89). Таким образом указывался размерный класс жертвенных животных. Кроме того, по В. А. Городцову, в засыпях погребальных ям найдены «зубы овцы», а однажды — «груда костей медведя».

В ходе работ ВАЭ 2012 г. кости животных выявлены в 17 погребениях (18%). По особенностям погребального обряда и набору вещей эти захоронения ничем не выделялись из общей массы погребений. В погребениях, совершенных по обряду ингумации, кости животных располагались в изголовье; в кремациях они зафиксированы в разных частях погребальной камеры; в трех случаях кости обнаружены в заполнении могильных ям.

При анализе костей животных из раскопок 2012 г. использовались методические разработки лаборатории естественно-научных методов в археологии ИА РАН (Антипина, 2004). Оценивалась степень сохранности костных фрагментов, фиксировался характер их разлома – естественный (тафономический) или искусственный – действиями человека. Определялась таксономическая принадлежность, количество особей в каждом отдельном наборе костей, индивидуальный возраст и, при возможности, половая принадлежность. Возраст большинства домашних копытных оценивался по степени стертости зубов нижней челюсти по методике Э. Грант (Grant, 1975), а возраст лошадей – по стертости и высоте коронки по методике М. Левин (Levine, 1982), дополненной в лаборатории естественно-научных методов в археологии ИА РАН. В случаях обнаружения целых или почти целых скелетов животных наличествующий анатомический набор рассматривался в археологическом контексте, т. е. определялось, где именно, как далеко друг от друга и на какой глубине располагались части тела одного животного. В силу плохой сохранности промеры длинных костей получить не удалось, лишь несколько костей сохранились таким образом, что можно было измерить их длину, что дало некоторую информацию об экстерьере животных. Фрагменты, не определимые до таксона (вида), распределены по категориям в соответствии с реконструируемыми размерами животных: крупные млекопитающие, средние млекопитающие и т. п.

Естественная сохранность костей животных в исследуемом могильнике оказалась чрезвычайно плохой, лишь в отдельных случаях удовлетворяющей условиям архезоологического исследования. Сохранность может быть оценена преимущественно в 1–2 балла по 5-балльной шкале, в отдельных случаях – в 3 балла. Отметим, что почвенная среда в месте, где расположен могильник, оказалась очень агрессивной по отношению к костям, поверхностный слой костной ткани (компакта) был разрушен почти во всех случаях. Однако сохранившиеся отдельные участки компакты и общие контуры костей все же позволили сделать достоверные анатомическое и таксономическое определения. Следует отметить, что анализ проводился в кабинете археозоологии лаборатории естественно-научных методов в археологии ИА РАН при наличии сравнительно-анатомической

коллекции, что также способствовало достоверному определению в условиях, когда сохранность костей неудовлетворительна.

В таксономическом составе животных, использованных в погребальных ритуалах Подболотьевского могильника, были зафиксированы останки только домашних млекопитающих: крупного рогатого скота (Bos Taurus), лошади (Equus caballus), свиньи (Sus scrofa forma domestica) и собаки (Canis familiaris). Остатки мелкого рогатого скота не обнаружеы.

Далее представлено описание остатков разных видов животных из погребальных комплексов Подболотьевского могильника, начиная с наиболее малочисленных.

Захоронение собаки связано с комплексом погребения 46/1. Сохранность костей может быть оценена примерно в 2-3 балла. Скелет собаки почти полный, с весьма незначительными утратами. Часть эпифизов длинных костей животного приросла, другие приросли недавно, а некоторые не приросли совсем. По совокупности сведений возраст животного может быть оценен примерно в 10–14 месяцев – полувзрослый (subadultus-subadultus). Несмотря на то что на момент смерти рост животного еще не был завершен, оно не выросло бы крупным. Визуальная оценка позволяет предположить мелкую особь, размеры которой вероятно были бы сходны с мелким шпицем. Для захоронения собаки была сооружена отдельная яма округлой в плане формы, которая впущена в верхнюю часть захоронения 46/1. Животное уложено в «спящую» позу, рядом – два лепных сосуда. Каким образом это захоронение связано с погребением человека 46/1, судить сложно. Для Подболотьевского могильника это захоронение собаки единственное. Известны лишь захоронения собачьих голов в эрзянских могильниках Красное I и Заречное II в Притешье, где они выявлены в комплексе конских погребений (Мартьянов, 1992. С. 53).

Кости свиньи в Подболотьевском могильнике также встречены единожды. В заполнении погребения 52 обнаружен набор из четырех зубов нижней челюсти свиньи домашней: три коренных правой стороны и один — левой. По стертости зубов нижней челюсти возраст животного определяется как близкий к 2 годам. В настоящее время домашних свиней в большинстве забивают на мясо примерно около этого возраста, когда вес животного уже большой, а мясо еще нежное. По-видимому, обнаруженные в засыпи погребения остатки обозначают ритуальную трапезу. Находки зубов свиней более характерны для мордовских захоронений на Средней Цне и в Примокшанье.

Костные остатки крупного рогатого скота (КРС) – самые многочисленные в погребениях Подболотьевского могильника, а ритуалы, связанные с этим животным, – наиболее многообразны. Они выявлены в могильнике в двух «комплектациях»: как комплекс «мясной пищи» и как комплекс «немясной»¹

 $^{^1}$ Под комплексом «мясной пищи» в археозоологии принято подразумевать костные остатки от таких частей туши животного, на которых был мощный мышечный слой, т. е. от «мясных» частей. К ним относятся кости конечностей (лопатка, плечевая, лучевая и локтевая, тазовая, бедренная, берцовая), а также позвонки и ребра. Кости черепа, нижних частей конечностей — метаподий и фаланг, имеют небольшой мышечный слой и маркируют «немясной» комплекс (\mathcal{I} . \mathcal{I} .).

Комплекс мясной пищи маркируют фрагменты мясных частей туши КРС, уложенные на дно погребальной камеры вблизи погребенного человека. Он обнаружен в 10 погребениях. В целом ряде случаев фиксируется положение с умершим на дно могильной ямы двух мясных частей от передней и задней конечностей КРС – фрагменты плечевой и бедренной костей. Именно такой набор, иногда в совокупности с позвонком, который тоже принадлежит к мясным частям туши, выявлен в погребениях 34, 37, в южной части погребения 56 и 57; в погребениях 20, 48/2, 55, 66 – какая-либо одна из костей данного набора.

Таким образом, относительная частота этих случаев показывает, что данные фрагменты туш КРС можно считать важными для ритуалов исследуемого могильника и их специально помещали в погребальную камеру в качестве «заупокойной пищи» для погребенного. Все кости из этого мясного набора оказались чрезвычайно плохой сохранности, никаких следов манипуляций с ними зафиксировать не удалось. Во всех подобных случаях затруднена и фиксация возраста животных. Судя по степени развития костной ткани, в ритуалах преимущественно использовались молодые особи с нежным мясом, но уже в убойном весе (subadultus-adultus). Любопытно, что в случае, когда в погребении зафиксированы две кости, они обе принадлежали к разным конечностям: плечевая – к передней, бедренная – к задней, но обе одинаковы по мясу, это передний и задний окорока.

Другое наполнение комплекса мясной пищи фиксируется в погребениях 56 и 39. Здесь обнаружены фрагменты таза и крестца КРС. Эти части тела животных очень значимы в ритуалах многих народов Евразии, в том числе в погребальных ритуальных трапезах (*Ильминский*, 1861. С. 170). Не исключено, что выявленные остатки также были долей, причитающейся покойному при трапезе.

Комплекс «немясной», представленный фрагментами костей головы (череп и нижние челюсти), а также нижних частей конечностей (метаподий и фаланг), обнаружен в погребениях 46, 46/2, 48/2, 49, 56/2, 65. Из-за плохой сохранности следы манипуляций с ними не зафиксированы. Практически во всех погребениях, где удается достоверно установить возраст, животные оказываются молодыми (полувзрослый – subadultus). Возможно, что ритуалы захоронения мясных и немясных частей выполнялись с одними и теми же животными, используя их различные по значимости части туш.

Захоронения коней обнаружены в погребениях 19, 38, 60. Здесь удалось зафиксировать местоположение всех костей в этих наборах, что и дало возможность их подробного археозоологического исследования.

Кони были похоронены в отдельных ямах в тех же рядах, что и люди, причем в каждом из прослеженных рядов находилось по одному конскому захоронению. Другая особенность расположения конских захоронений в планиграфии исследованной части могильника — вокруг них расположены только женские погребения. Вероятно, это как-то связано с обрядом конских захоронений. Тенденция расположения конских захоронений рядом с женскими прослежена в эрзянских могильниках Красное I и Выполнено VI (Мартьянов, 1992. С. 54).

Размеры ям для коней были несколько меньше размеров человеческих могил, но ориентированы они были так же, как людские – на север. В двух случаях (п. 38 и 60) в северной части ямы была материковая ступенька, на которую укладывалась голова коня, а в погребении 19 отмечено возвышение в районе головы. Во всех трех случаях кони сопровождались предметами снаряжения: удилами, стременами, подпругой с железными пряжками и уздечкой, боталом; хвост и грива животного украшались бронзовой спиралью. О том, что все исследуемые животные погребались взнузданными и оседланными, свидетельствует расположение предметов конского снаряжения в погребальной камере: удил — во рту конских черепов, стремян — по обе стороны от туши, подпружной пряжки, застегивающей сбрую, — под брюхом (рис. 1).

Анализ скелетов коней методами археозоологии показал, что во всех исследуемых захоронениях обнаружены останки целого скелета одного животного (табл. 1). Во всех трех наборах зубов обнаружены хорошо развитые клыки, что означает принадлежность всех скелетов самцам. По сохранившимся резцам, предкоренным и коренным зубам возраст животных из погребений 19 и 38 устанавливается в пределах 12—15 лет. Для лошадей это возраст довольно зрелый (возрастной класс adultus-2). Особь из погребения 60 несколько моложе — примерно 5—6 лет (возрастной класс subadultus). Плохая сохранность не позволила снять промеры с длинных костей всех особей, чтобы представить себе экстерьер животных. Визуально особь из погребения 19 была оценена как среднерослая по градации В. О. Витта (1952). В наборе из погребения 38 оказалось возможным померить длину пястной кости, которая составила 222 мм, что соответствует среднерослости по той же градации и согласуется с нашим предположением для погребения 19.

Во всех трех исследуемых случаях наборы костей следует считать полными скелетами. В погребении 19 отсутствуют самые нижние части конечностей: пяточные и таранные кости, все фаланги. Они оказались утрачены в связи с тем, что южную часть погребальной камеры нарушило более позднее захоронение. Отсутствие отдельных частей скелетов животных во всех других случаях связано с их сохранностью и позой животного.

Ключ к реконструкции позы коня в погребении дает конструкция могильной ямы. Во всех случаях фиксируется возвышение или ступенька, на которой располагается череп с нижней челюстью. Как правило, череп находился на нижних челюстях, которые «стоят» на ступеньке, т. е. голова коня во всех случаях была выше, чем все остальные кости, расположенные по обе стороны от осевого скелета. Таким образом животное как будто лежало на брюхе; это положение имитирует позу живого коня, лежащего с подогнутыми конечностями и поднятой головой. Именно для придания животному данного положения сооружалось возвышение-ступенька под голову (см. цв. вклейку, рис. XIX).

Это позволяет объяснить отсутствие некоторых отделов позвоночника в скелетах. Первый и второй шейные позвонки наличествуют во всех погребениях. По-видимому, они располагались на ступеньке вместе с черепом и хорошо сохранялись. В погребении 60 была сооружена очень высокая ступенька для головы и шея животного находилась в строго вертикальном положении. Под тяжестью земли и друг друга эти позвонки сильно раскрошились, и определить их невозможно.

Отсутствие грудных и поясничных позвонков в погребении 38 следует связать с каким-то дополнительным фактором, усилившим разрушение костной

Рис. 1. Погребение коня (п. 38)

1 — удила; 2 — пронизка; 3, 8 — спиральные обмотки; 4 — ботало; 5 — подпружная пряжка; 6—7 — стремена

2, 3, 8 – бронза, остальное железо

Таблица 1. Анатомический состав комплекса костей лошади из погребений Подболотьевского могильника ²

Археологические объекты	Погребение 19	Погребение 38	Погребение 60
Части скелета	Количество	костей и сторон	ы тела (s/d) ¹
Череп	1	1	1
Верхняя челюсть	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Нижняя челюсть	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Зубы (отдельные от челюстей)	13	20	27
Из них клыков	2	1	2
Атлант – первый шейный позвонок	1	_	1
Эпистрофей – второй шейный позвонок	1	1	1
Шейные позвонки	5	6	_
Грудные позвонки	9	_	8
Поясничные позвонки	3	_	5
Крестец	1	_	1
Хвостовые позвонки	_	_	_
Ребра	7 d	2	7 d
Лопатка	2 s/d	_	2 s/d
Плечевая	2 s/d	1 d	2 s/d
Лучевая	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Локтевая	1d	_	1 d
Тазовая	2 s/d	1	2 s/d
Бедренная	1 d	2 s/d	2 s/d
Большая берцовая	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Пясть	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Плюсна	2 s/d	2 s/d	2 s/d
Мелкие кости конечностей	12 s/d	2	14 s/d
Таранная	_	1 d	2 s/d
Пяточная	_	1 d	2 s/d
Фаланга I	_	2	3 s/d
Фаланга II		1	3 s/d
Фаланга III			2 s/d
Неопределимые небольшие фрагменты	_	34	_
Возможное количество особей	1	1	1

ткани. Возможно, на коня была надета попона из плотного материала (например, войлока), закрывшая грудину и круп, что могло создать дополнительный фактор агрессии среды до полного исчезновения костей. Остальные кости в этом погребении расположены анатомически правильно по отношению друг к другу

² s-левая сторона, d-правая сторона

и к черепу таким образом, как если бы в захоронение была уложена целая туша в описанной выше позе. Это подтверждается тем, что, во-первых, в наборе костей сохранились остатки ребер — самая нижняя их часть (табл. 1). Эти кости составляют единый комплекс скелета грудной клетки, и именно нижние концы ребер могли сохраниться, так как нижний край предполагаемой попоны был выше уровня их залегания в захоронении и не накрывал их. Во-вторых, по обе стороны от туши животного обнаружены хорошо сохранившиеся стремена. По-видимому, в погребение был уложен взнузданный и оседланный конь, а 34 небольших неопределимых фрагмента из этого захоронения и являются остатками грудной клетки и поясничного отдела позвоночника, более пострадавших от воздействия среды внутри захоронения, чем все другие кости (рис. 1).

Таким образом, реконструируется ритуал захоронения целых туш коней. При помощи ступеньки для укрепления головы им была придана особая поза: животные лежали на брюхе с подогнутыми ногами и поднятой головой, т. е. несмотря на некоторые, вполне объяснимые утраты отдельных частей скелета, эти кони не были расчленены (см. цв. вклейку, рис. XIX).

Похожую позу в захоронениях коней Подболотьевского могильника описывает и В. А. Городцов, не указывая лишь на высоко поднятую при помощи ступеньки голову животного (*Городцов*, 1914. С. 77, 80). В Чулковском могильнике и у соседних эрзянских племен, судя по иллюстрациям и наблюдениям исследователей, прослеживается аналогичная поза животного — на брюхе, с поджатыми ногами, головой на возвышении (*Мартьянов*, 1992. Табл. II, III; *Гришаков*, 1988. С. 72).

По-видимому, эта своеобразная поза, когда голова животного оказывается гораздо выше остального скелета, и ввела в заблуждение исследователей конских захоронений муромы: кости одного животного оказывались на разных глубинах, и создавалась иллюзия, что конь расчленен. Типология конских погребений Л. А. Голубевой выстроена именно по принципу наличия-отсутствия признака расчленения коня (*Голубева*, 1987. С. 84). Сам факт расчленения никак не установлен, поскольку подробные археозоологические исследования этих захоронений не проводились.

Детальное изучение останков животных из Подболотьевского могильника с учетом археологического контекста позволило по-новому взглянуть на погребальные ритуалы муромы, выявить в них ряд особенностей.

Начиная с В. А. Городцова исследователи отмечали, что на дне погребальной камеры располагалась жертвенная пища. Указывалось, где она расположена по отношению к человеку, но не было точно известно, какие именно части и каких животных были выявлены, действительно ли эти остатки маркировали жертвенную пищу. Наше исследование показало, что в погребениях располагали действительно куски мяса на плечевой и бедренной костях, крестце и тазе КРС. Это была мясная пища для погребенного. В заполнении могильных ям обнаружены немясные части туш КРС, зубы свиньи, которые могут быть интерпретированы как остатки ритуальной трапезы живых. Во всех этих обрядах использовались молодые животные.

Таким образом, захоронения с конями получили новую интерпретацию. Теперь понятно, что это был особый ритуал, когда коню придавали позу, имити-

О. В. Зеленцова, Л. В. Яворская

рующую лежащее на брюхе живое животное с подогнутыми ногами и поднятой головой. Этот взнузданный и оседланный конь как будто готов подняться и нестись или нести своего хозяина в иной мир.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е. Е., 2004. Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III.: Селище Горный: Археологические материалы; Технология горно-металлургического производства; Археобиологические исследования / Сост. и науч. ред. Е. Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. С. 182–239.
- Бейлекчи В. В., 2005. Древности Нижнего Поочья: погребальный обряд и поселения летописной муромы: Учеб. пособ. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та. 278 с.
- Витт В. О., 1952. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Т. XVI. С. 163–205.
- Вихляев В. И., 1997. Возникновение обычая конских погребений у средневековой мордвы // Гуманитарные науки и образование: проблемы и перспективы: Мат-лы I Сафаргалиевских науч. чтений / Отв. ред. Н. М. Арсентьев. Саранск: Тип. «Красный Октябрь». С. 114–118.
- *Голубева Л. А.*, 1987. Мурома // Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука. С. 81–92.
- *Городцов В. А.*, 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // МАО. Т. XXIV. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко. С. 40–216.
- Городцов В. А., 1916. Погребения животных в муромских могильниках // ЭО. № 3-4. С. 81-85.
- *Гришаков В. В.*, 1988. К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 71–103. (Труды МНИИЯЛИЭ; Вып. 85).
- *Гришаков В. В.*, 1990. Конские погребения VIII первой половины X вв. Чулковского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Йошкар-Ола. С. 127–139.
- Дубынин А. Ф., 1947. Малышевский могильник: К истории Нижней Оки в I тыс. н. э.: рукопись канд. дисс., защищенной в Ученом совете ИИМК АН СССР 23.01.1947 г. // Архив ИА РАН. Ф. 2. № 362.
- *Ильминский Н. И.*, 1861. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов // Известия Императорского Археологического общества. Т. 2. С. 164–175.
- Краснов Ю. А., 1980. Безводнинский могильник: (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.
- Мартьянов В. Н., 1992. Захоронения коней в могильниках мордвы левобережья р. Тёши в конце I начале II тысячелетия н. э. // Археологические исследования в Окско—Сурском междуречье / Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск. С. 53—68. (Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 107).
- Материалы по истории мордвы VIII—XI вв. Крюковско-Кужновский могильник: Дневник археол. раскопок П. П. Иванова / Ред. и авт. вступ. ст. А. П. Смирнов. 1952. Моршанск: Издание Моршанского краеведческого музея. 232 с.
- *Grant A.*, 1975. The use of tooth wear as a guide to the age of domestic animals // Excavations at Portchester Castle / Ed. B. Cunliffe, London: Society of Antiquaries, Vol. 2, P. 245–279.
- Levine M. A., 1982. The use of crown height measurements and eruption-wear sequences to age horse teeth // Ageing and sexing animal bones from archaeological sites / B. Wilson, C. Grigson, S. Payne (eds). Oxford. P. 223–250. (BAR. British series).

И. А. Сапрыкина

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ РАСКОПОК «РУБЛЕНОГО ГОРОДА» ЯРОСЛАВЛЯ

I. A. Saprykina. Items of jewellery from the excavations at «Rublenyi Gorod» in Yaroslavl

Abstract. This publication is devoted to the results of the examination of items of jewellery found in 2008 during excavations within the territory of «Rublenyi Gorod» in Yaroslavl (led by A. V. Engovatrova). The jewellery items are traditional finds in medieval urban context, these are mostly pendants, appliqués, temple rings, bracelets, finger-rings, torques and fibulae. A considerable number of the items could be classified as imitations of shapes familiar from the urban levels of the 12th-14th centuries (36 items). Use-and-wear analysis of these objects was carried out and the chemical composition of the non-ferrous metal was investigated with the help of X-ray fluorescent spectrometry. Many of the jewellery items studied were specimens made of easily fused alloys or of tin: these objects had mostly been cast in composite moulds using impressions from finished articles. Parallels for such articles are known from large hoards dating from the medieval period. It is most likely that, using easily fused alloys (or tin), known as "opoor men's silver", jewellers enabled town-dwellers to acquire prestigious articles. What provides indirect indication of this is the fact that jewellery used for everyday wear was usually made of copper-based alloys. It would be worthwhile in the future to carry out special analysis of medieval easily fused alloys, so as to determine their share in the medieval non-ferrous metalworking and to distinguish the sources from which such metals entered the territory of medieval Rus, in particular the North-West (Novgorod, Yaroslavl, Ladoga and other centres of urban culture).

Ключевые слова: XII–XIV века, Ярославль, изделия из цветного металла, трасологический анализ, РФА-спектрометрия, легкоплавкие сплавы, «имитационные» украшения.

Раскопки 2008 г. на территории «Рубленого города» Ярославля, проведенные Ярославской археологической экспедицией ИА РАН, автор исследования А. В. Энговатова (2009), позволили получить коллекцию изделий из цветного металла, состоящую из более чем 200 предметов; часть находок относится к ювелирным украшениям (85 изделий), треть из которых происходит из заполнения построек и археологических объектов конца XII – XIV в.

Коллекцию ювелирных изделий, которую мы можем связать с городской культурой Ярославля этого периода, представлена довольно традиционным

набором украшений, характерным для городской среды: прежде всего это изделия, имеющие аналогии в финно-угорских материалах, а также копирующие украшения более высоких в социальном плане слоев городского населения — предметы так называемой городской моды (50 % от найденных украшений). Они были изучены с целью получения данных о способах их изготовления и химического состава металла¹.

Трасологическое исследование ювелирных изделий в основном включало в себя изучение поверхности предметов, выполнявшееся с помощью бинокулярного микроскопа Motic BA-300 (\times 4), с целью фиксации следов технических операций; фотофиксация проводилась с использованием цифровой камеры Moticam 2300 (принудительное увеличение \times 0,5). Исследование химического состава цветного металла анализируемой выборки выполнялось неразрушающим способом по методу безэталонного рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) на портативном переносном анализаторе (РЛП-3)² и спектрометре M1 Mistral (Bruker)³. Подробный анализ полученных результатов приведен в сводной статье по химическому составу цветного металла из раскопок на «Стрелке» Ярославля; эти данные используются для характеристики ювелирных изделий (Зайцева, Сапрыкина, в печати). В рамках данной публикации подробно рассматривается только характеристика легкоплавких сплавов Ярославля конца XII – XIV в. (таблица).

Украшения, имеющие аналогии в финно-угорском материале, представлены преимущественно подвесками (рис. 1). Зооморфные подвески (№ 358, 296)⁴, многочисленные аналогии которым имеются в финно-угорской среде, хорошо известны в городских и сельских памятниках Древней Руси. В слоях Новгорода, к примеру, время их бытования определяется довольно широко, а основная масса находок зооморфных подвесок происходит из слоев XI — начала XII в. (Коновалов, 2008. С. 36). При этом отмечается, что для Новгорода время их бытования может быть отнесено и к концу XIII — середине XIV в.; изготавливались они на месте (Сингх, 2011. С. 235, 236. Рис. 3, 4, 5). В качестве характерной черты новгородских экземпляров исследователи называют некоторую «тупоносость» морд коньков, этот же признак присущ ярославскому экземпляру (№ 296).

К переходному типу подвесок «коньки-птицы» относится подвеска № 358, датирующаяся XII–XIII вв. (тип XIX по Е. А. Рябинину); основная масса находок таких подвесок происходит с территории Костромского Поволжья (*Рябинин*, 1981. С. 35, 38, 117. Табл. XX).

¹ Автор выражает свою искреннюю признательность А. В. Энговатовой за предоставленную возможность работы с данным материалом.

² Анализ выполнен Р. А. Митояном, кафедра геохимии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (пробы 1108–1150; таблица).

 $^{^3}$ Анализ выполнен Г. Б. Кузнецовым, Bruker-Nano, Москва. Расчет спектров проводился автором исследования (пробы 13–40; таблица).

⁴ Номера исследуемых украшений даны по полевой описи и соответствуют номерам, помещенным под изображением конкретного предмета на рисунках.

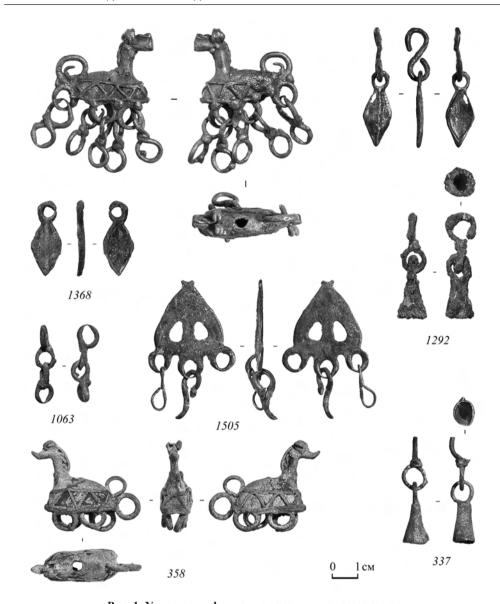

Рис. 1. Украшения финно-угорского типа из раскопок на территории «Рубленого города» Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой, 2008 г.)

Подвески изготовлены традиционным для финно-угорского мира методом литья по выплавляемой модели; в данном случае использован метод литья со сложной разветвленной системой литников, где для отливки использовалась сборная модель (Сапрыкина, 2010. С. 15, 16). Формовка тела подвески происходила на специально изготовленном для конкретной модели валике (вероятно, глиняном). Все дополнительные декоративные и функциональные элементы

Результаты анализа с помощью РФА-спектрометрии химического состава легкоплавких сплавов из выборки «Рубленого города» Ярославля конца XII – XIVв.

No	Лабораторный	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	္ပ	Fe	Mn	ï	№ полевой	Категория
-	1100	-	2	22 65		07 (1	<	-	<	-	-	<	описи	II
Ī	1108	0	47,77	73,00	0	2,0%	0,41	>	>	>	>	>	>	C741 av	пакладка прямоугольная
2	1114	0	27,76	55,23	0,31	16,7	0	0	0	0	0	0	0	№ 1088	Пряжка
3	1115	0	25,02	70,18	0	4,28	0	0	0	0	0,52	0	0	№ 1030	Накладка фигурная
4	1117	0	96,56	4,04	0	0	0	0	0	0	0	0	0	№ 1844	Заготовка пластинчатого изделия
S	1118	0	94,16	3,22	0,37	0	0	0	0	0	2,25	0	0	№ 245	Перстень
9	1119	9,0	97,71	0	0	0	0	0	0	0	1,64	0	0	№ 343	Перстень
7	1131	1,59	92,05	3,68	0	0	0,1	0	0	0	2,58	0	0	№ 1464	Браслет витой проволочный
8	1141	0,34	97,17	0	0	0	0,4	0	0	0	2,09	0	0	№ 1367	Изделие пластинчатое
6	1143	0,53	98,14	0	0	0	0	0	0	0	1,33	0	0	№ 501	Бусина миниатюрная
10	1145	1,87	91,86	9,0	0	0	0,05	0	0	0	5,62	0	0	№ 307	Бляшка
111	1147	8,0	93,52	1,79	0	0	90,0	0	0	0	3,83	0	0	№ 279	Перстень
12	1149	1,22	95,77	0	0	0	0	0	0	0	3	0	0	№ 331	Перстень
13	1150	1,1	93,06	0	0	0	0	0	0	0	5,84	0	0	№ 382	Перстень
14	13	0,42	98,3	0,06	0,02	0	0	0	0,01	0	1,01	0,12	0	№ 954	Перстень
15	14	0,01	99,55	0,01	0,01	0	0,03	0	0	0	0,39	0	0	№ 936	Перстень
16	15	0,04	98,66	0,02	0,01	0	0	0	0,02	0	90,0	0	0	№ 210	Браслет пластинчатый

															Продолжение таблицы
№ коллекции	Лабораторный шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Ag	As	Sb	Bi	ပိ	Fe	Mn	ï	№ полевой описи	Категория
17	17	0,02	68'66	0,02	0,01	0	0	0	0,01	0	0,05	0	0	№ 301	Перстень
18	18	0,2	98,17	0,05	0,02	0	0,05	1,4	0,01	0	0,12	0	0	№ 1344	Подвеска монетовидная
19	19	0,02	99,72	0,01	0,01	0	0,01	0	90,0	0	0,15	0,02	0	№ 875	Подвеска монетовидная
20	20	0,02	69,66	0,01	0,01	0	0	0	0,01	0	0,2	0,03	0	№ 973	Подвеска монетовидная
21	28	0,02	99,23	0,15	0,03	0	0,03	0	0	0	0,51	0	0	№ 615	Перстень
22	29	90,0	78,66	0,02	0,01	0	0	0	0	0	0,04	0	0	№ 1398	Бусина
23	30	0,07	2,66	0,07	0,02	0	0	0	0	0	0,14	0	0	№ 963	Перстень
24	31	0,00	69'66	0,09	0,02	0	0,03	0	0	0	0,08	0	0	№ 372	Перстень
25	32	0,07	52,66	0,01	0,01	0	0,02	0	0	0	0,14	0	0	№ 375	Браслет (?)
26	33	0,1	78,66	0,04	0,05	0	0,05	0	0	0	0,33	0,07	0	№ 137	Перстень
27	35	1,17	78,76	0,05	0,03	0	0,01	0	0	0,03	0,79	0,05	0	№ 1626	Перстень
28	36	0,04	65,66	0,02	0,03	0	0,05	0	0	0	0,24	0	0,03	№ 333	Перстень
29	37	0,47	57,72	38,58	0,0	0	0	0	0	0	2,81	0,35	0	№ 108	Перстень
30	39	0,06	99,32	0,03	0,0	0	0	0	0	0	0,32	0,19	0	№ 962	Перстень
31	40	0,04	98,46	0,03	0,04	0	0	0	0,43	0	-	0	0	№ 927	Перстень

изготовлены из провощенной нити, для чего использовались нити различного диаметра (от 1 до 2,1 мм). Отверстие на подвеске № 358 просверлено на готовом изделии. Все дефекты, которые отмечены на нем, характерны для украшений, изготовленных по выплавляемой модели.

Деталью шумящей подвески может быть ромбовидная привеска (№ 389), к ушку которой присоединено S-видное звено цепи. Привеска отлита в составной форме по оттиску готового изделия, фиксируются отдельные дефекты литья (недоливы в месте стыка с ушком). На отливку «перешла» часть рифления, расположенного на бордюре подвески. Вероятно, «модель» для привески была получена литьем по выплавляемой модели, по аналогии с техникой изготовления ромбовидной привески № 1368. Здесь хорошо фиксируется использование техники резания изделия на восковой пластине с подкладным шаблоном: в центральной части подвески сохранился след от подкладного шаблона, сформировавшего своеобразное «ребро жесткости». Ушко привески имеет дефект (разрыв), который мог возникнуть как на этапе изготовления выплавляемой модели, так и на этапе литья.

К деталям шумящих подвесок относятся и небольшие привески-колокольчики, к которым присоединены звенья цепочек (№ 337 и 1292), изготовленные также в технике литья по выплавляемой модели. Способ изготовления звеньев цепочек-держателей в подобных украшениях традиционен: на примере № 1063 видно, что каждое отдельное звено изготовлено из провощенной нити, вставлено в следующее, и каждое имеет следы присоединения отдельного литника, вместе с другими входящего в сложную литниковую систему.

Треугольный щиток шумящей подвески с кольцами для привесок (№ 1505) изготовлен литьем по оттиску готового изделия, которое, в свою очередь, было получено литьем по выплавляемой модели. Нижняя часть колец для привесок сильно утончена; вероятно, это следы длительного ношения, перешедшие на отливку с «матрицы». Орнаментальные детали, расположенные на лицевой стороне подвески, залощены, дополнительно после отливки не проработаны. Звено цепочки, служившее фиксатором для следующей детали подвески, также было изготовлено литьем по оттиску; на ребрах звена хорошо заметны следы литейного шва. Крайнее звено было заменено на проволоку диаметром 1 мм, изготовленную ковкой, рубкой и гибкой дрота круглого сечения, вероятно, уже в процессе использования подвески.

Следует отметить, что в материалах раскопов, расположенных на Стрелке Ярославля, в частности на участке предполагавшегося строительства отеля Mariott по адресу: Волжская наб., д. 1 (работы 2007–2008 гг., автор исследований А. В. Энговатова), также присутствуют украшения, имеющие аналогии в финноугорской среде. От общего количества ювелирных изделий, найденных в ходе раскопок на Стрелке, эти украшения составляют не более 10 %; в основном они представлены шумящими подвесками, в том числе плоских форм.

Украшения, традиционные для материалов древнерусского города, представлены в основном подвесками, накладками, височными кольцами, браслетами, перстнями, гривнами, фибулами и другими категориями украшений; хотя подобные украшения, в связи с увеличением объема исследований сельских памятников, в настоящее время известны в материалах и селищ, и сельских

некрополей. Наиболее интересны в данной выборке из Ярославля ювелирные изделия, относимые исследователями к «имитационным» формам. Они представляют собой довольно яркий комплекс предметов так называемой городской моды (36 ед.).

Монетовидная подвеска № 487, ушко обрублено (рис. 2). Подобные украшения происходят из раскопок Торопца и из слоя 40–50-х гг. XIII в. Полоцка (Φo няков, 1991. С. 223, 224. Рис. 3, 7); из слоя XIII в. Новгорода (Седова, 1981. С. 41. Рис. 14, 9). Время изготовления торопецкого экземпляра, отлитого из свинцово-оловянного сплава, Д. И. Фоняков относит к периоду не ранее 40-х гг. XII в. (Фоняков, 1991. С. 230). Сходные монетовидные подвески из постройки второй половины XII – начала XIII в. Мининского археологического комплекса также были изготовлены из легкоплавкого сплава (Зайцева, 2006. С. 85, 86. Рис. 10). В центральной части подвески из раскопок на Рубленом городе расположена 8-лепестковая розетка, выполненная в технике ложной зерни, в той же технике сделана и кайма по краю подвески, ограниченная небольшими валиками, имитирующими скань. По краям подвески не опилены облои, возникшие в процессе литья в составной литейной форме.

Монетовидные подвески с изображением «процветшего креста», оконтуренного линией из ложной зерни (рис. 2, № 242, 875, 886, 973, 1344), имитируют стилистику и форму медальонов барм, время бытования которых по новгородским аналогиям относится к периоду от середины XII в. до 1240 г. (Седова, 1978. С. 156, 157). Сходные подвески происходят, к примеру, из слоя 30-х гг. XIII в. Торопца, из Полоцка, где датируются 40–50-ми гг. XIII в. (Фоняков, 1991. С. 223, 224. Рис. 3, 8), из Твери, где датируются временем до 1340 г. (*Лапшин*, 2009. С. 98. Рис. 95, 4). Исследователи относят эти изделия к имитационным, повторяющим декор серебряных медальонов второй половины XII – первой половины XIII в. (Фоняков, 1991. С. 224).

Как и торопецкий экземпляр, подвески из Ярославля были изготовлены из олова (таблица) литьем в односторонней, скорее каменной, разъемной форме, причем для отливки каждой из исследуемых подвесок была использована отдельная форма: на всех экземплярах зафиксированы различия в стилистике изображений и в их основных размерах. Почти все подвески имеют один и тот же брак, связанный с процессом послелитейной доработки, а именно: не до конца обрубленные облои и литники, расположенные на ушках, что, однако, не помешало просверлить в них отверстия для носки (см. цв. вклейку, рис. ХХ, 4).

Литьем в составных формах изготовлены и детали поясных наборов (рис. 2), найденные в процессе раскопок на территории Рубленого города. Помимо железных пряжек в коллекции присутствуют пряжки (№ 1086, 1087, 1334), отлитые из многокомпонентного сплава (Зайцева, Сапрыкина, в печати); круглая пряжка № 1086 украшена отверстиями, просверленными на ребре готового изделия на лицевой стороне; на пряжках № 1087 и 1334 литой орнамент имитирует шарики «зерни», равномерно распределенные по всей длине пряжки. Нашивные бляшки № 1030 и 1088, изготовленные из легкоплавкого сплава с присадкой серебра (таблица), относятся к типу прямоугольных с прорезным орнаментом в виде двух зигзагов; по краю бляшки идет «рубчик», имитирующий скань, отверстия

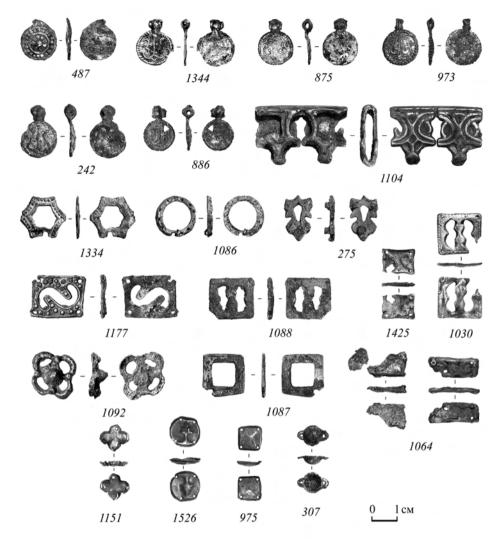

Рис. 2. Монетовидные подвески, детали поясного набора, пряжки и нашивные бляшки из раскопок на территории «Рубленого города» Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой, 2008 г.)

пробиты после литья. Такая же имитация украшений из зерни и скани – бляшки № 1092 и 1177, отлитые в жестких, видимо, каменных литейных формах.

Поясные накладки № 275 и 1104 изготовлены в традиционной схеме литья деталей поясных наборов в составных литейных формах (*Сапрыкина и др.*, 2011. С. 316–323); накладка № 275 отлита из оловянно-свинцовой бронзы (*Зайцева, Сапрыкина*, в печати). Обе накладки получены литьем в составную форму: для накладки № 1104 использована литейная форма с внутренним вкладышем, формировавшим полость для продевания в нее ремня, а при отливке накладки № 275 для формирования штифтов применялись рубленые кованые дроты.

Помимо литых накладок и нашивных бляшек в коллекции присутствуют бляшки и накладки, изготовленные тиснением на матрице; о возможности местного изготовления бляшек в технике тиснения свидетельствуют находки матриц на территории Рубленого города (рис. 3, № 217, 384, 924). Матрицы для тиснения, судя по последним данным, не редкость среди находок ювелирного инструментария и происходят как из городских, так и из сельских памятников (Ениосова, Сарачева, 2006. С. 88, 89). Для тиснения, технология которого детально реконструирована, как правило, использовался листовой металл толщиной 0,01–0,03 мм. Из такого листа изготовлены нашивные бляшки № 307, 975, 1064, 1151, 1526 (рис. 2). Анализ химического состава металла прямоугольной рельефной бляшки № 975 показал, что она изготовлена из «желтого» двухкомпонентного серебра (Зайцева, Сапрыкина, в печати), а листовой металл бляшки № 307 получен из олова (таблица). Бляшки № 307, 975, 1151, 1526 скорее относятся к украшениям головного убора или одежды.

Наборы нашивных бляшек, изготовленных тиснением пластинчатого металла, известны в составе Любечского клада, сокрытого в 1239 г. (Недошивина, 1999. С. 193–195); в Рязанских кладах (Стрикалов, Чернецов, 2012. Ил. 9, Б); во Владимирском кладе находки 2008 г., время сокрытия которого исследователи относят к 1238 г. (Очеретин, Родина, 2011. С. 94. Цв. вклейка, рис. 10); в составе клада, найденного у с. Юрковцы (Корзухина, 1954. Табл. VII, 12, 13). По новгородским находкам время бытования тисненых нашивных бляшек относится к 1025–1382 гг., а по тверским – к 1333–1385 (Лапшин, 2009. С. 107).

Аналогии лунничному ложноплетеному височному кольцу № 83 (рис. 4) известны в материалах Тверского кремля, где кольцо изготовлено из легкоплавкого сплава и датируется 1333–1364 гг. (Там же. С. 97, 345. Рис. 94, 4), Новгорода середины XIII в. (Cedosa, 1981. С. 96. Рис. 3, 5); в слое середины XII в. из раскопок в Смоленске (Acmauosa, 1990. С. 96. Рис. II, 3). При бинокулярном исследовании на височном кольце № 83 зафиксированы дефекты, свидетельствующие о его изготовлении в технике литья: не до конца опиленные литейные швы, облои, неслитины, смещение линий орнамента (см. цв. вклейку, рис. XX, I); судя по имеющейся внутренней полости, литье проводилось характерным для древнерусского ювелирного дела методом «литья навыплеск». По сохранившемуся фрагменту и количеству литейных дефектов не вполне ясно, использовалось ли это кольцо по назначению; однако на одном из его ажурных выступов было просверлено отверстие, в которое могло быть продето какое-либо украшение (привеска).

Височное кольцо с напускными бусинами № 1397 (рис. 4) изготовлено литьем в составной литейной форме (подобные литейные формы см. Зайцева, Сарачева, 2011. С. 294. Рис. 144, 19); при увеличении × 4 зафиксирована полая внутренняя часть бусины, на отдельных участках ее поверхности — неслитины, одна из которых расположена в месте стыка створок литейной формы и литника (размеры 2,2 × 0,9 мм). Для изготовления височного кольца также мог быть использован метод литья навыплеск, по мнению исследователей, традиционная схема при массовом воспроизводстве дорогих украшений (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 153, 175). На поверхности изделия зафиксированы дефекты, связанные

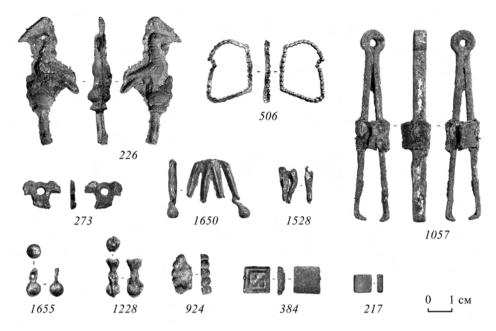

Рис. 3. Готовые изделия, инструментарий, отходы производства, характеризующие местное изготовление ювелирных украшений на территории «Рубленого города» Ярославля в конце XII–XIV вв. (раскопки А. В. Энговатовой, 2008 г.)

с процессом литья и послелитейной обработки: кроме неслитин по всей длине отмечены остатки литейного шва, смещение рельефа, не до конца опиленные литники.

Трехбусинные височные кольца, известные как «имитационные», — частые находки в средневековых слоях, датируются второй половиной XII — серединой XIV в.; они изготавливались преимущественно из оловянно-свинцового сплава (*Седова*, 1981. С.14; *Захаров*, 2004. С. 169. Рис. 49, *1*, 2).

К имитационным относятся также две створки *браслета-наруча* (рис. 4, № 210), изготовленные литьем в разъемные литейные формы; соединение створок шарнирное. Размерность браслета: 1-я створка имеет длину 48,4 мм, ширину (измерена по восьми участкам на одной створке и девяти участкам на другой, «верх-низ») 12,1; 8,1; 12,5; 9,1; 12,9; 9; 12,5; 7,5 мм; 2-я створка длиной 48,2 мм, шириной 12; 8,1; 12,8; 9; 13; 8,9; 12.3; 8; 12 мм. Толщина пластин составляет 0,7–1 мм.

Видимо после литья и доработки, заключавшейся в опиливании литейных швов, просверливании отверстий в шарнирах для соединительного штифта, браслету не успели придать нужную форму для лучшего обхвата руки. Орнамент на лицевой стороне литой; на оборотной стороне браслетов отмечается наличие выделенного места для присоединения застежки-шарнира. Подобные следы характерны скорее для предмета, отлитого по оттиску готового изделия, выполненного в технике зерни и скани (см. цв. вклейку, рис. XX, 2). Следует отметить, что на исследуемом образце «гранулы зерни» скомпонованы на строго

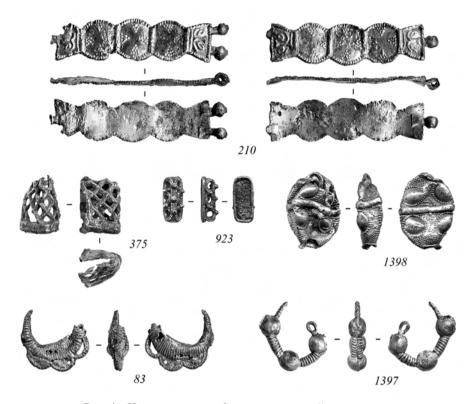

Рис. 4. «Имитационные» формы украшений из раскопок на территории «Рубленого города» Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой, 2008 г.)

отведенных отдельных участках (так называемые стандартные геометрические зоны), диаметр гранул составляет 0,05–0,07 мм, что укладывается в выделенный Н. В. Жилиной II технологический комплекс получения зерни, время существования которого относится к концу XI – XIII в. (Жилина, 2006. С. 57).

Однако нельзя исключать того, что мастера могли намеренно вводить «в заблуждение» своих потенциальных заказчиков, полностью имитируя все элементы дорогих украшений, в том числе по расположению и размерности зерни.

По материалам раскопок в Киеве известны литейная форма для отливки створчатого браслета и свинцовый браслет, по типу орнаментации близкие к ярославскому экземпляру (*Корзухина*, 1950. С. 222, 223. Рис. 1, *5*, *7*); такой же тип орнаментации отмечен для браслета из Новгорода второй половины XIII в. (*Седова*, 1981. С. 117, 178. Рис. 44, *5*). Большинство браслетов-наручей имеет, как правило, стандартную прямоугольную форму; по форме браслет № 210 наиболее близок к пластинчатым браслетам из Серенска (*Никольская*, 1968. С. 129. Рис. 2, *7*) или Новгорода (*Седова*, 1981. С. 109. Рис. 42, *10*, *17*).

Большинство известных новгородских экземпляров имитационных браслетов-наручей изготовлено из легкоплавких сплавов и датируется 70-ми гг. XII–XIII в. (Седова, 1978. С. 153). Они в основном повторяют орнамент киевских

и владимирских браслетов, изготовленных в иной технике. Ярославский экземпляр стилистически близок к монетовидным привескам, найденным в ходе раскопок на Рубленом городе; можно предположить, что эти предметы относятся к своеобразному комплекту украшений. Для изготовления браслета № 210 мастера также использовали легкоплавкий металл – олово (таблица). Возможно, в коллекции имеется еще один браслет, сохранившийся фрагментарно, также изготовленный «в подражание», это решетчатое изделие № 375, отлитое из олова в жесткой литейной форме (рис. 4).

К имитационным формам относится и *бусина* № 1398 (рис. 4), по классификации Н. В. Жилиной тип бус с полусферами (тип IV, подтип III), датируемый XII–XIII вв. (*Жилина*, 1998. С. 110. Рис. 5). Как правило, подобные бусины входят в состав княжеско-боярского убора и находки их происходят, в основном, из кладов, сокрытых во время Батыева нашествия (*Персов и др.*, 2012. С. 206). Интересно, что подобная бусина, найденная в ходе раскопок недалеко от Тверского кремля, была изготовлена из чистого серебра, в то время как для изготовления исследуемой из выборки Рубленого города Ярославля было использовано олово (таблица). Бусина была отлита в составной литейной форме методом литья навыплеск; медальоны, зернь, другие декоративные элементы литые. К дефектам литья можно отнести смещение створок литейной формы, фиксируемое по линии совмещения канта, остатки литейных швов, фиксирующих места совмещения створок литейной формы (см. цв. вклейку, рис. XX, 5, 6).

В другой технике изготовлена ажурная пронизь № 923 (рис. 4), некоторые аналогии которой можно отметить в материалах конца Х в. из могильника Михайловское (Мурашева, 1999. С. 29, 30). Она выполнена литьем по выплавляемой модели, сложный ажурный орнамент изготовлен из провощенных витых нитей; на оборотной стороне основы зафиксированы следы работы с восковой моделью, особенно в месте стыка ажурного орнамента с основой – восковой пластиной, по краю оформленной рельефным кантом из провощенной нити (капли воска, следы работы острым концом инструмента по склейке отдельных деталей). Следует отметить, что подобную реконструкцию техники изготовления предлагала и В. В. Мурашева. Отдельные участки ажурного орнамента декорированы зернью, диаметр которой 1,9 мм, лежащей на специальной подушке (рис. ХХ, 3). О возможном местном изготовлении этой пронизи, выполненной из «желтого» двухкомпонентного серебра (Зайцева, Сапрыкина, в печати), свидетельствует тот факт, что в материалах Рубленого города присутствует заготовка для зерни (№ 506) подобного размера (рис. 3), представляющая собой тонкую полосу металла, на одну сторону которой «насажены» шарики зерни через равные расстояния (для удобства рубки). Судя по всему, этот предмет – использовавшаяся в ювелирном производстве заготовка шариков зерни на подушке для припоя5; аналогичные шарики зафиксированы Н. В. Жилиной при исследовании зерни древнерусских украшений (Жилина, 2006. С. 58. Рис. 1, \hat{C}).

Наиболее широко в выборке представлены перстни (рис. 5) разнообразных форм (27 ед.). *Щитковые перстни* (№ 137, 301, 343, 638, 912) изготовлены

⁵ Анализ химического состава металла шариков зерни и припоя не выполнялся.

из легкоплавкого металла – олова (таблица). Щиток и обруч перстня № 137 декорированы растительным орнаментом, щиток по краю оформлен дополнительно с помощью ложной зерни; в центре 6-гранного щитка — 6-лепестковая розетка. Перстень изготовлен литьем в разъемную форму со вставным стержнем, скорее всего, использовалась каменная литейная форма: детали орнамента хорошо пролиты, рельеф высокий и четкий. Также богато декорирован литой щиток перстня № 912, изготовленного из тройного сплава на основе олова.

Перстни № 343 и 638 имеют 6-гранный щиток, их отливка проводилась в разъемную жесткую литейную форму со вставным стержнем. Рельефные участки орнамента литые, послелитейная доработка заключалась в опиливании облоев. Сходные по типу щитка перстни известны из раскопок древнерусского Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 92, 1). Из раскопок в Новгороде, Пскове, Серенске происходят находки печаток, изготовленных из легкоплавких сплавов. Время их бытования — XII—XIII вв. (Седова, 1981. С. 137, 138; Королева, 1996. С. 279. Табл. I, 13, 16).

Перстни с квадратными щитками. Аналогии им происходят, как правило, из древнерусских городских слоев, М. В. Седова относит их к «изделиям городских ремесленников» (Седова, 1981. С. 136), однако такие перстни известны и в курганных древностях, например могильник Горки III (Сумина, 1999. С. 181–183. Рис. 7, 5). В исследуемой выборке это перстни № 331, 615, 936 (рис. 5). По новгородским аналогиям время бытования перстней с квадратными щитками может быть отнесено к 60-м гг. XIII – 60-м гг. XIV в. (Седова, 1981. С. 136); по материалам усадебных комплексов Ростова Великого – к первой трети XIII в. (Самойлович, 2012. С. 238, 239. Рис. 1, 5, 8, 21, 26). Близкие аналогии перстню № 936 происходят из материалов раскопок древнерусского Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 91, 34), а также селища Бешенцово-3 второй половины XIII – XIV в. (Грибов, 2007. С. 65. Рис. 3, 23). Подобные перстни из раскопок в Твери, определенные как «перстни с ажурным переходом от щитка к кольцу», датируются 1238–1396 гг. (Лапиин, 2009. С. 106).

Как правило, перстни с квадратными щитками и ажурными переходами изготавливались из легкоплавких сплавов или металлов (*Седова*, 1981. С. 136; *Захаров*, 2004). Для изготовления перстней из ярославской выборки также использовался легкоплавкий металл — олово, с небольшими примесями свинца и меди (таблица). В то же время в Ростове известны перстни с квадратными щитками, изготовленные из серебра; они соотнесены исследователями с работой болгарских мастерских (*Самойлович*, 2012. С. 240).

Схема изготовления перстней с квадратными щитками стандартна — литье в разъемную форму со вставным стержнем; на обруче, в месте перехода держателей щитка в дрот обруча, фиксируются не до конца опиленные литейные швы. У перстня № 331 после отливки даже не были опилены облои (затеки металла), фиксирующие места расположения створок литейной формы. Орнаменты на щитках перстней литые, следы дополнительной доработки не выявлены.

Перстень с прямоугольным щитком (№ 382) изготовлен из олова с присадкой меди до 3 % (таблица). Щиток перстня украшен плетеным орнаментом, обруч рельефный; схема изготовления — литье в разъемной форме со вставным

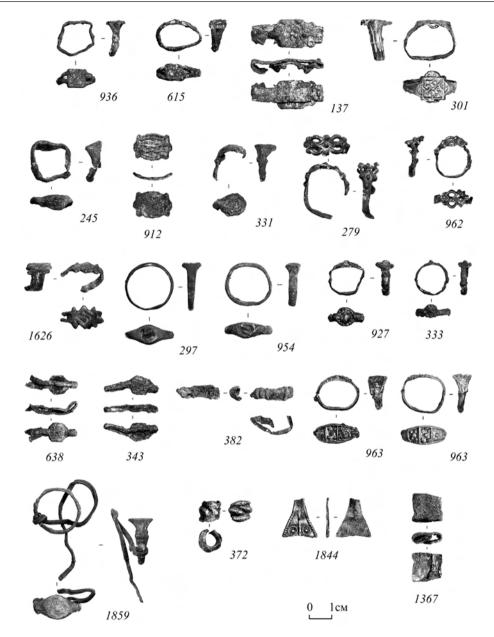

Рис. 5. Коллекций перстней из раскопок на территории «Рубленого города» Ярославля (раскопки А. В. Энговатовой, 2008 г.)

стержнем. Перстни с плетенкой из материалов раскопок в Новгороде датируются в пределах второй половины XII – 30-х гг. XIII в., при этом перстни с прямо-угольным щитком происходят из слоя середины XIII – середины XIV в. (Cedoba, 1981. С. 135, 136).

Перстии с ромбическими щитками № 279, 962, 1626 (рис. 5) изготовлены из легкоплавкого металла (олова) или оловянно-свинцового сплава литьем в разъемной форме со вставным стержнем (таблица); орнамент литой, фиксируются следы послелитейной доработки (поднятие рельефа, опиливание облоев и др.). Видимо, для изготовления перстней этого типа традиционно использование легкоплавкого сплава или металла, об этом свидетельствуют находки из Пскова (Королева, 1996. С. 279, 280. Табл. І, 14; ІІ, 9), а также Новгорода, где они связаны со слоем 30-х гг. ХІІІ – середины ХІV в. (Седова, 1981. С. 134, 136. Рис. 51, 24–27).

Перстии с круглыми щитками в коллекции из Рубленого города представлены № 333, 927, имеют небольшой диаметр, щиток их украшен рядом ложной зерни; эти перстни по своим параметрам относятся скорее к детским украшениям. Изготовлены из олова литьем в разъемную форму со вставным стержнем (таблица); на обруче зафиксированы остатки литейных швов, облои опилены. Литейная форма для отливки подобных перстней известна в материалах XII — первой половины XIII в. из раскопок в Твери (Персов и др., 2011. С. 157. Рис. 2, 4). Типологически сходные перстни известны в новгородских материалах из слоя 60–70-х гг. XII в. (Cedosa, 1981. С. 132. Рис. 50, I).

Перстии с овальными щитками № 245, 297, 954, 1859 (рис. 5) изготовлены стандартным способом — литьем в составную форму со вставным стержнем. Аналогия перстню № 954 известна в материалах селища Мякинино 2, датирующихся временем после 1238 г. (Сарачева, 2007. С. 83. Рис. 3, 8); орнамент литой, на оборотной стороне дрота фиксируются следы литейного шва. Щиток перстня № 297 украшен изображением птицы, нанесенным специальным чеканом на отливку; исследователи отмечают, что мотив птицы — один из самых популярных среди заказчиков-обывателей из городской среды (Лавыш, 2010. С. 177). Типологически сходные перстни происходят из Пскова (Королева, 1996. С. 291. Табл. XIX, 9), Новгорода, Можайска (Янишевский, 2008. С. 144. Рис. 10, 15). Псковский экземпляр изготовлен из свинцовой латуни, а для ярославского перстня использовался легкоплавкий сплав (таблица).

Пластинчатые широкосрединные перстни. Сходный с № 359 и 963 перстень происходит из напластований XIV в. из Конюшенного 2-го раскопа в Ростове Великом (Самойлович, 2012. С. 237); изготовлен из легкоплавкого металла литьем в составной форме со стержнем (следы смещения створок литейной формы, литая «зернь» и т. д.). Из олова литьем в составную форму изготовлен и щиток перстня № 372, деформированный, видимо, в древности (таблица). Близкие аналогии этому перстню происходят из древнерусского могильника Хотяжи (Мышкино) и селища Хотяжи 2 (Алексеев, 2004. С. 181, 185. Рис. 4, 9; 8, 12), курганного могильника Каблуково (Зайцева, Сарачева, 2011. С. 212. Рис. 105, 16).

Из олова изготовлен также пластинчатый перстень № 1367 (таблица), также деформированный в древности; на его лицевой поверхности расположена сложная композиция из растительного орнамента, заключенного между двумя рядами линейного. Подобный орнамент известен на браслетах, к примеру, из Серенска; на перстне из кургана 15 у Балятино, из могильника Хотяжи (Алексеев, 2004. С. 183. Рис. 6, 14; Зайцева, Сарачева, 2011. С. 212, 241. Рис. 105, 14; 125, 12).

Не исключено, что рассматриваемый ярославский перстень плохой сохранности мог быть изготовлен из орнаментированного браслета, по аналогии с пластинчатыми перстнями из Мининского археологического комплекса (Зайцева, 2008. С. 283. Рис. 5).

Из легкоплавкого сплава сделан перстень № 1844, сохранившийся фрагментарно (таблица) и выделяющийся среди всей исследованной выборки. Он представляет собой фрагмент перехода от дрота к щитку, не имеет следов сгиба; вероятно, может относиться к заготовке незамкнутого пластинчатого широкосрединного перстня (рис. 5). Перстень изготовлен литьем в составной форме по схеме, традиционной для перстней такого типа (*Ениосова, Сарачева*, 2006. С. 90. Рис. 1, *1*–3); декор на щитке – в виде витого канта по краю и «циркульного» орнамента, разделенного ребром в центре, имитирует скань и зернь дорогих украшений. Точные аналогии этому перстню не выявлены, однако из материалов раскопок детинца Спас-Городка происходит фрагмент перстня, также выделяющегося своим орнаментом среди известного массива перстней этого типа (*Зайцева, Сарачева*, 2011. С. 70, 174. Рис. 86, 20).

В ходе раскопок на территории Рубленого города были найдены находки, традиционно связываемые с деятельностью ювелирной мастерской и свидетельствующие в пользу местного производства исследованных украшений: прежде всего, заготовки зерни с подушечками припоя и матрицы для оттискивания нашивных бляшек; готовые отливки с облоями (к примеру, перстень № 331, навершие в виде птички № 226 и др.); многочисленные обрезки металла, литники, в том числе с остатками (бракованными) пуговиц, инструментарий и др. (рис. 3).

Завершая обзор этой части коллекции ювелирных изделий, происходящих с территории Рубленого города Ярославля, следует обратить внимание на соотношение типов сплавов и металлов, использовавшихся при изготовлении указанных украшений, характеризующих основные элементы так называемой городской моды.

Так, украшения «финно-угорского типа», судя по результатам анализа, отливались из оловянно-свинцовой бронзы; для изготовления нашивных бляшек и накладок использовались многокомпонентные сплавы, оловянно-свинцовая бронза, сплавы с серебром. Обращает на себя внимание определенное количество украшений, выполненных из легкоплавких сплавов или из чистого металла (олова) — 31 проба (таблица). Из них в исследуемой выборке из Рубленого города изготовлены подвески (3 ед.), бляшки и накладки (4 ед.), бусина (1 ед.), браслеты (4 ед.), перстни (17 ед.), фрагменты украшений (2 ед.). Три украшения из выборки (№ 1108, 1114, 1115) выполнены из сплава на основе свинца (55,23—73,66 %), с серебром в пределах 3,69—16,7 %. Остальные 28 предметов — из сплава на основе олова или из «чистого» олова, где его содержание, за исключением одного случая (№ 37), достаточно высоко: 91,86—99,89 % (таблица). Анализ на РФА-спектрометре М1 Міstral зафиксировал также присутствие в олове следующих микропримесей: Си, Рb, Zn, As, Sb, Bi, Co, Fe, Mn, Ni.

Для средневековых легкоплавких сплавов пока нет полноценной базы для сравнения, в частности по микропримесям, хотя в средневековой цветной металлообработке эти сплавы занимали определенную долю. Известно, что сплавы

с высоким содержанием олова доминируют в металлообработке Северо-Восточной, Юго-Восточной Руси и Волжской Болгарии; источники поступления как олова, так и свинца связываются с деятельностью рудников на Алтае, в Средней и Малой Азии (Ениосова и др., 2008. С. 157, 158). Исследование средневековых легкоплавких сплавов крайне перспективно, в пользу этого следует указать и тот факт, что украшения, изготовленные из оловянно-свинцового сплава (или из свинца или олова), так называемого серебра бедняков, часто представляют собой предметы, копировавшие формы дорогих ювелирных изделий. Так, для новгородских материалов отмечено большое количество изготовленных из легкоплавких сплавов именно имитационных изделий, копировавших стиль южнорусского ювелирного дела (Седова, 1978. С. 157, 158).

Набор украшений Рубленого города, отлитых из легкоплавкого сплава, близок к сложившемуся в новгородских землях к концу XII в. единому стилистическому набору из поздних типов трехбусинных височных колец, разнообразных видов колтов, орнаментированных браслетов-наручей, барм, имитировавших украшения знатного сословия (Там же. С. 157). Широкое употребление свинца и олова для производства ювелирных украшений зафиксировано на материалах Новгорода, Белоозера, Владимира (Орлов, 1984. С. 47; Захаров, 2004. Табл. 100; Ениосова, Жарнов, 2006; Ениосова, Сарачева, 2008. С. 271; Ениосова, Ререн, 2011. С. 249. Рис. 5). Вероятно, мастера Рубленого города Ярославля работали в тех же ремесленных традициях, что и другие известные ювелирные центры Древней Руси, существование которых прервалось после событий 1238 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А. В., 2004. Группа памятников древнерусского времени у деревни Хотяжи // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 177–192.
- Асташова Н. И., 1990. Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска // Проблемы археологии Евразии. К 100-летию со дня рожд. Ф. Я. Брюсова. Труды ГИМ. Вып. 74. М.: Гос. ист.музей. С. 93–101.
- Грибов Н. Н., 2007. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII— XIV вв. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли: Матлы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. Вып. 1. С. 58–68.
- *Ениосова Н. В., Жарнов Ю.* Э., 2006. Ювелирный производственный комплекс из «Ветчанного города» домонгольского Владимира // Российская археология / Гл. ред. Л. А. Беляев. № 2. М.: Наука. С. 64–80.
- *Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г.,* 2008. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: «Восточная литература» РАН. С. 107–162.
- Ениосова Н. В., Ререн Т., 2011. Плавильные сосуды новгородских ювелиров // Новгородские археологические чтения-3: Мат-лы Междунар. конф. «Археология средневекового города: К 75-летию археологического изучения Новгорода», Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. / Ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород. С. 243–254.
- *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.*, 2006. Древнерусские ювелирные инструменты из цветных металлов (результаты химико-технологического исследования) // КСИА. ИА РАН / Гл. ред. Н. А. Макаров. Вып. 220. М.: Наука. С. 88–101.

И. А. Сапрыкина

- *Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г.*, 2008. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XIV веках // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. З. Чернов. М.: Наука. С. 265–274.
- Жилина Н. В., 1998. Об эволюции металлических бус славянских типов // Историческая археология: Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рожд. Д. А. Авдусина / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Памятники исторической мысли. С. 106–113.
- Жилина Н. В., 2006. Методика визуального изучения технологии филиграни // КСИА. ИА РАН / Гл. ред. Н. А. Макаров. Вып. 220. М.: Наука. С. 56–73.
- Зайцева И. Е., 2006. Ювелирные производственные комплексы селища Минино (XI–XIII вв.) // КСИА. ИА РАН / Гл. ред. Н. А. Макаров. Вып. 220. М.: Наука. С. 74–87.
- Зайцева И. Е., 2008. Металлические украшения рук Мининского археологического комплекса // Сельская Русь в IX–XVI веках / Отв. ред. Н. А. Макаров, С. 3. Чернов. М.: Наука. С. 275–287.
- Зайцева И. Е., Сапрыкина И. А., в печати. Цветной металл средневекового Ярославля: химический состав.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «земли вятичей» во второй половине XI— XIII вв. / Отв. ред. А. В. Чернецов. М.: Индрик. 404 с.
- Захаров С. Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 592 с.
- Коновалов А. А., 2008. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья / Отв. ред. Н. В. Рындина. М.: «Восточная литература» РАН. С. 9–50.
- Корзухина Г. Ф., 1950. Киевские ювелиры накануне монгольского завоевания // Советская археология. Вып. XIV. М; Л.: Изд-во АН СССР. С. 217–235.
- Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX-XIII вв. М; Л.: Изд-во АН СССР (ИИМК). 158 с.
- Королева Э. В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Мат-лы и иссл. Т. 1: Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова. С. 229–300.
- *Лавыш К. А.*, 2010. Мотив птиц в изделиях художественного ремесла XII–XIII вв., найденных на территории Белоруссии // Археологические вести. Ин-т истории материальной культуры РАН / Гл. ред. Е. Н. Носов. Вып. 16 (2009). СПб.: РАН: Дмитрий Буланин. С. 173–178.
- *Лапишн В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по мат-лам раскопок 1993–1997 гг.). Труды ИИМК РАН. Т. XXX. СПб.: Фак-т филол. и искусств СПбГУ. 534 с.
- Мурашева В. В., 1999. Курган 1 из Михайловского (Опыт атрибуции и датировки) // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. Тр. ГИМ. Вып. 111. М.: Гос. ист. музей. С. 25–34.
- $Heдошивина H. \Gamma$., 1999. Любечский клад // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. Труды ГИМ. М.: Гос. ист. музей. Вып. 111. С. 190–197.
- *Никольская Т. Н.*, 1968. Кузнецы железу, меди и серебру от вятич // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 122–132.
- *Орлов Р. С.*, 1984. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука. С. 32–52.
- Очеретин И. А., Родина М. Е., 2011. Клад украшений из раскопок 2008 г. во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. Вып. 3. С. 85–95.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2011. Археологические свидетельства обработки цветных и драгоценных металлов на тверском Затьмачье в эпоху Средневековья // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара. Вып. 7 / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 155–167.
- Персов Н. Е., Сарачева Т. Г., Солдатенкова В. В., 2012. Тверские кузнецы по злату-серебру XIII в. // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 203–214.

- Рябинин Е. А., 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е 1-60. М.: Наука. 122 с.
- Самойлович Н. Г., 2012. Металлические перстни Ростова Великого // Археология Владимиро-Суздальской земли: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 236–243.
- Сапрыкина И. А., 2010. Реконструкция основных приемов изготовления выплавляемых моделей для литья ювелирных украшений дьяковской культуры // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара. / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 6. М.: ИА РАН. С. 11–18.
- Сапрыкина И., Митоян Р., Никитина Т., Зеленцова О., 2011. Результаты химико-технологического исследования поясных наборов второй половины VIII начала XI вв. из могильников Среднего Поволжья // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 2010. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Literatura, archaeologica et histoica. Borító: Kemény Márton. Reguly Társaság. C. 312–332.
- *Сарачева Т. Г.*, 2007. Ювелирные изделия второй половины XIII—XVI вв. с территорий Северо-Восточной Руси // КСИА. ИА РАН / Гл. ред. Н. А. Макаров. Вып. 221. М.: Наука. С. 73–88.
- Седова М. В., 1978. «Имитационные» украшения древнего Новгорода // Древняя Русь и славяне. М.: Наука. С. 149–159.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.: Наука. 198 с.
- Сингх В. К., 2011. Производственные комплексы на усадьбах Славенского раскопа // Новгородские археологические чтения-3: Мат-лы Междунар. конф. «Археология средневекового города: К 75-летию археологического изучения Новгорода», Великий Новгород, 25–28 сентября 2007 г. / Ред. Е. А. Рыбина. Великий Новгород. С. 233–242.
- Стрикалов И. Ю., Чернецов А. В., 2012. Работы Старорязанской экспедиции в 1994—2010 гг. (хроника исследований) // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Рязань. С. 1–279.
- *Сумина И. А.*, 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник: Памяти М. В. Фехнер. Тр. ГИМ. Вып. 111. М.: Гос. ист. музей. С. 167–189.
- Фоняков Д. И., 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология) // Советская археология. № 2. М.: Наука. С. 217–231.
- Энговатова А. В., 2009. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльной набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленый город II 2008 г). Т. I–V // Архив ИА РАН. М. б/н.
- Янишевский Б. Е., 2008. Исследования древнего Можайска в 2005–2007 годах // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 135–145.

О М Олейников

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СВИНЦОВЫХ ГРУЗИКОВ X–XV вв.

O. M. Oleinikov. On the function of lead weights in the 10th–15th centuries

Abstract. Lead weights constitute a significant part of the Novgorod archaeological collections, and they are found in levels from the 10th–15th centuries. A large proportion of the objects are in the shape of a truncated cone, those of round and flattened (wheelshaped) form are less frequent. All the weights have a central channel. Approximately a half the conical weights are decorated. On the inner surface of the channels of many weights, very fine sheets of metal were found held tightly against the surface with the help of wooden wedges. This article also includes results from an analysis of the weights, making it possible to suggest how they might have been used for the home weaving on vertical looms.

Ключевые слова: Великий Новгород, свинцовый грузик, растительные волокна, вертикальный ткацкий стан.

Свинцовые грузики – традиционные находки при раскопках средневековых городов от Новгорода до волжского Булгара, Средней Азии, золотоордынских городищ Нижней Волги. Известны находки грузиков в Прибалтике, на территории Белоруссии, Смоленщине.

Назначение свинцовых грузиков окончательно не выяснено. Их считают пряслицами, пуговицами для грубой верхней одежды (*Седова*, 1981. С. 158), разновесами, грузиками-пломбами, которые привешивались к связкам шкур и использовались в безмонетный период в товарно-денежном обращении (*Мухамадиев*, 1983. С. 26; *Валеев*, 1986. С. 110; 1995. С. 108; *Хузин*, 2001. С. 239). Есть предположения, что грузики могли использоваться как нагрудные украшения, крышечки для маленьких светильников, грузила для сетей, грузики для ткацких станков.

В Новгороде свинцовые грузики составляют значительную часть коллекций и происходят из слоев X–XV вв. Большая часть грузиков имеет форму усеченного конуса, реже встречаются круглые уплощенные (колесовидные) (см. цв. вклейку, рис. XXI, I–I5). Коническая форма грузиков восходит к античным образцам (Pyбан, 1979. С. 249; Cedoba, 1981. С. 158). Все изделия имеют сквозное отверстие в центре. Примерно половина конических грузиков

орнаментирована, но на их нижней (тыльной) поверхности орнамент всегда отсутствует.

Грузики отливались в односторонних каменных или глиняных формах, которые также являются частыми находками. На раскопе Лукинский 2 обнаружена литейная форма из песчаника для отливки орнаментированных грузиков (см. цв. вклейку, рис. XXI, 16, 17).

В настоящей работе приведены результаты анализа грузиков, позволяющие сделать предположение об их использовании в домашнем ткацком ремесле. Предметом исследования стали 100 грузиков из раскопа Лукинский 2, заложенного на Торговой стороне Великого Новгорода (Гайдуков, 2013).

Морфологические особенности исследованных изделий (форма, размер, вес, декоративные элементы и др.) полностью соответствуют известным ранее. Из 100 обнаруженных грузиков 92 имеют коническую форму, 4 – колесовидную, по 1 – цилиндрическую и полусферическую. Два грузика несут следы литейного брака. Из всех конических грузиков один изготовлен из железа с оловянным лужением (Лук-2/3-130), все остальные традиционно отлиты из свинца (рис. XXI, 1–15).

У грузиков основание (тыльная сторона) округлой формы, близкой к правильной окружности; его диаметр изменяется в широких пределах: от 1,2 до 3,2 см. В редких случаях основание овальной в плане формы.

Вертикальный канал конических грузиков, как правило, круглого сечения, с ровной гладкой поверхностью. Диаметр его для разных экземпляров колеблется от 0,2 до 1,25 см. Примерно у половины предметов канал конической формы, немного (на 0,1–0,2 см) сужается к вершине. У 18 грузиков в полости канала сохранились фрагменты деревянного стержня. Вес грузиков варьирует от 6,16 до 56, 75 г при среднем весе в 14–17 г.

При значительном разбросе значений диаметров для основной части грузиков характерны следующие параметры: внешний диаметр -1,6-2,6 см, диаметр отверстия (канала) -0,3-0,7 см; у более половины находок (59 экз.) индивидуальные размеры. Грузиков, имеющих аналоги по размерам внешнего и внутреннего диаметров, немного: совпадения отмечаются в 17 случаях.

Обращает внимание отсутствие связи между диаметрами, высотой и весом предметов. Так, например, самый тяжелый грузик (Лук-2/4-236) при весе 56,75 г имеет внешний диаметр 2,9 см, а диаметр отверстия всего 0,3 см (рис. XXI, I). Отмечено также почти трехкратное преобладание свинцовых изделий над пирофиллитовыми (шиферными) пряслицами, что говорит о массовом применении грузиков в домашнем хозяйстве новгородцев (на 100 грузиков приходится 37 пряслиц).

Анализ размеров исследуемых предметов позволяет утверждать, что они производились в большом количестве, при этом соблюдения точных размеров не требовалось, и, как следствие, — любой потерявшийся грузик легко заменялся новым.

Все грузики раскопа Лукинский 2 были изучены на стереомикроскопе Olympus SZ61 (тринокуляре), позволяющем наблюдать прямое объемное изображение предметов при увеличении \times 6,7–30. Форма и строение волокон изучались на поляризационном микроскопе Olympus BX51 в проходящем свете, при уве-

личении \times 100–500. Тринокуляр и микроскоп оснащены цифровыми камерами, что позволяет выводить изображения на монитор в режиме реального времени и сохранять их в виде файлов. Документирование проводилось на базе программного обеспечения CellSens, разработанного компанией Olympus¹.

Визуальные наблюдения показывают, что боковые грани большинства грузиков в разной степени сплющены, некоторые имеют небольшие выбоины (см. цв. вклейку, рис. XXI, 5, 7, 9). Это указывает на их систематичные соударения в подвешенном состоянии. Тыльная сторона (основание грузика) шероховатая, на ней часто наблюдаются небольшие вмятины и углубления.

Поверхность канала, как отмечалось выше, всегда гладкая. Никакие отпечатки в металле не зафиксированы. Это указывает на то, что при отливке грузика отверстие формировалось гладким неструктурированным предметом.

На внутренней поверхности каналов восьми изделий обнаружены тончайшие листовые пластинки растительного происхождения, плотно прижатые к поверхности. Их волокна во всех случаях располагались вдоль канала или под небольшим $(1-2^{\circ})$ наклоном (см. цв. вклейку, рис. XXII, 4). Они исследованы в проходящем свете на поляризационном микроскопе при \times 100, 200 и 500- увеличении.

При изучении 18 деревянных стержней, сохранившихся в отверстии грузиков, на их поверхности также обнаружены фрагменты листовых пластин и волокон растительного происхождения. Эти волокна были плотно прижаты к деревянному стержню и располагались параллельно волокнам дерева (рис. XXII, 1–4, 7). Деревянные стержни из отверстий грузиков выглядят, как обычные деревяные палочки, к которым была применена минимальная обработка (рис. XXII, 5–7). Сечение стержней округлое, овальное, подпрямоугольное. Можно говорить, что они изготовлялись примитивно, из подручного материала.

Интересен грузик (Лук-2/4-212), в центре канала которого сохранился фрагмент деревянного стержня и растительные волокна, располагавшиеся между стержнем и каналом. Хорошо видно, что растительные волокна были прижаты стержнем к поверхности канала (рис. XXII, I–I5). При увеличении \times 100 видна структура дерева, в том числе поперечные сечения плотно прилегающих друг к другу изогнутых сплющенных волокон, которые образуют плотные группы (рис. XXII, 5, 6).

При большем увеличении растительное волокно имеет вид широкой ленты мелкозернистой структуры, с узким каналом и несколько загнутыми краями. Волокна сплющены, не скручены, коленных перегибов не имеют (рис. XXII, 8).

Из отверстия грузика (Лук-2/7-896) под тринокуляром были извлечены фрагменты стержня и растительных волокон (рис. XXII, 2—4). Последние были плотно зажаты в отверстии, что, судя по фрагментам, сохранившимся на поверхности каналов ряда грузиков в виде тонких пластин, делалось намеренно.

¹ Микроскопический анализ проведен в лаборатории редкометального магматизма Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии (ИГЕМ РАН).

По предварительному палеоботаническому анализу растительные волокна могут относиться к конопле или крапиве². Крапива (*Urtica*) принадлежит роду цветковых растений семейства *крапивные*. Конопля (*Cannabis*) представляет род однолетних лубоволокнистых растений семейства *коноплевые*.

Коноплевое волокно получают из стебля растения, которое достигает в высоту до 3 м. Конопля распространилась в славянской среде не позднее римской эпохи, т. е. первой половины І тыс. н. э. (*Седов*, 1982. С. 257). Славяне с древнейших пор обращали внимание на это растение, дающее, подобно льну, и масло, и волокно. О выращивании конопли и льна свидетельствует Устав князя Ярослава XI в. (Новгородская первая летопись... 2000. С. 483).

Конопля на Руси первоначально использовалась именно для витья веревок. Из стеблей конопли добывали пеньку, которая благодаря высокой прочности на разрыв, гибкости, способности сохранять свои свойства в мокром состоянии, широко использовалась для изготовления веревок, канатов, вожжей, рыболовных сетей. На прочных конопляных веревочках носили нательные кресты.

Из грубых сортов пеньковой пряжи (женские растения) изготовляли грубые ткани: попоны для лошадей, сумки, фартуки, половики. Волокна мужских растений (посконь) служили основой для тонкой ткани, причем пеньковые полотнища были прочнее льняных. Пакля — отходы обработки конопли — была незаменима при укладывании бревен в срубах, конопачении щелей.

Крапивное волокно также получают из стеблей, оно гораздо короче, чем коноплевое, но тонкое и блестящее. Оба растения дают очень прочное волокно, которое не сильно подвержено разрушительному воздействию воды и солнечного света. Оно используется для создания прочной и долговечной ткани.

На основании сказанного логично предположить, что конические грузики могли применяться в домашнем текстильном ремесле на вертикальном ткацком станке и при ручном ткачестве, удовлетворяя нужды самого производителя. Вертикальный ткацкий станок представляет собой П-образную раму. При изготовлении полотна растительные волокна одним концом закреплялись на верхней перекладине (барабане, товарном вале) (рис. 1). Свободно висящие нити пропускались через отверстие свинцовых грузиков и закреплялись в них небольшим деревянным стержнем-клином. Толщина нити требовала грузиков с соответствующим весом и диаметром отверстия. В то же время, используя толстый стержень-клин, можно зажимать и тонкие нити в грузиках с большим диаметром отверстия.

До середины XIII в. основным орудием производства был вертикальный ткацкий станок. На нем изготавливали ткани третьего и четвертого сорта, а также производили специальные изделия: маты, килимы (двусторонние гладкие ковры), одеяла (*Нахлик*, 1963. С. 275, 296).

Кроме того, грузики могли использоваться при ручном ткачестве. Существовал простой ручной способ изготовления ткани — переплетение идущих параллельно вдоль ткани нитей (их позже назовут *основой*) с поперечной нитью (*утком*). Уточной нитью, намотанной на палочку с заостренными концами, ткач вручную пере-

² Благодарю за консультацию к. биол. н. Л. Ю. Савельеву.

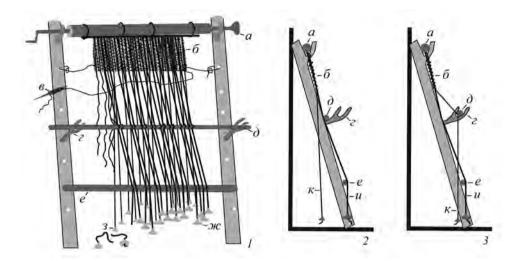

Рис. 1. Реконструкция вертикального ткацкого стана (по: Семёнова, 2009. С. 59)

I — вид спереди; 2, 3 — вид сбоку (2 — естественный зев; 3 — искусственный зев): a — товарный вал; b — готовая ткань; b — уток; c — вилка для ремизки; d — пруток галева (ремизка); d — основной нитеразделительный пруток; c — ткацкие свинцовые грузики орнаментированные для нитей передней части основы; d — ткацкие свинцовые грузики неорнаментированные для нитей задней части основы; d — передняя часть основы; d — задняя часть основы

плетал нити основы одну за другой. Собственно процесс *протыкания* нитей, «тыкать», и привел к слову «ткать».

Все исследователи обращали внимание на то, что орнаментирована лишь часть грузиков. Рискнем осторожно предположить, что и орнамент играл свою роль в ткачестве. Для облегчения и ускорения труда переплетающиеся нити могли закрепляться и одновременно обозначаться разными грузиками. Например, чередующиеся в раппорте четные нити закреплялись грузиками с орнаментом, нечетные нити – грузиками без орнамента.

Подводя краткие итоги, отметим, что наличие растительных волокон и деревянных стержней в вертикальных каналах позволяет говорить о возможном использовании грузиков в домашнем ткачестве. Технологические приемы такого производства не предъявляли жестких условий к параметрам грузиков и размерам деревянного стержня-зажима. Любой грузик и, тем более, стержень-клин легко заменялись новыми, не принося ущерба изготовителю.

Таким образом, ткачество, основным орудием которого служил вертикальный станок, существовавшее в рамках вотчинного производства, не было затратным и удовлетворяло нужды самого производителя.

ЛИТЕРАТУРА

Валеев Р. М., 1986. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X—XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь: К 1000-летию русско-булгарского договора: Сб. ст. / Отв. ред. А. Х. Халиков; Казань: ИЯЛИ. С. 20–37.

КСИА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК ВЫП. 232. 2014 г.

Валеев Р. М., 1995. Волжская Булгария: Торговля и денежно-весовые системы IX – нач. XIII вв. Казань: Фест. 157 с.

Гайдуков П. Г., 2013. Отчет о проведении археологических исследований на месте строительства жилого дома по адресу: г. Великий Новгород, ул. Пушкинская, д. 10 в квартале 41 в 2012 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Б/н.

Мухамадиев А. Г., 1983. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука. 189 с.

Нахлик А., 1963. Ткани Новгорода: Опыт технологического анализа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV: Жилища древнего Новгорода / Под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.; Л.: АН СССР. С. 228–313. (МИА; № 123).

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. (ПСРЛ. Т. 3.)

Рубан В. В., 1979. Литейная форма с поселения Козырка // СА / Гл. ред. Б. А. Рыбаков. № 3. М.: Наука. С. 249–257.

Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука. 325 с. (Археология СССР).

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука. 193 с.

Семенова М. В., 2009. Мы – славяне!: популярная энциклопедия. СПб.: Азбука-классика. 560 с.

Хузин Ф. Ш., 2001. Булгарский город в X – начале XIII в. Казань: Мастер-Лайн. 480 с.

Е. К. Столярова, Е. Ю. Журухина

НАХОДКА СТЕКЛЯННОГО СЛИТКА ИЗ КИЕВА

E. K. Stolyarova, E. Y. Zhurukhina. The find of a glass lump from Kiev

Abstract. The article is devoted to the publication and investigation of a rare find made of glass. A lump of raw glass designed for exchange was found in Kiev, when rescue-archaeology work was being carried out in the area of the present-day Independence Square in levels dating from the first half of the 12th century. It is presumed that the glass lump had been intended for the fashioning of small ornaments, mosaic tesserae, or for making glaze. The chemical composition of the glass was investigated by the method of optical-emission spectrography. The results made it possible to classify the glass as belonging to the class of non-alkaline lead glass (Pb-Si), which is usually associated with production centres in Byzantium, Western Europe and medieval Rus. However, the presence in the glass of an alkaline admixture in the form of potassium oxide (1,4 %) suggests that it had originated from medieval Rus. Special features of this glass object include its decoration with a plant pattern in the form of winding tendrils with leaves and flowers which was probably obtained by chance when some object or other (a reel of wire for example) happened to be impressed on the surface of the lump.

Ключевые слова: слиток стекла, Киев, древнерусское время, свинцово-кремнеземное стекло, стеклянная товарная масса.

Весной–летом 2001 г. постоянно действующая Подольская экспедиция Института археологии Национальной академии наук Украины (ИА НАНУ) проводила охранные археологические исследования в Киеве в районе современной площади Независимости (рис. 1)¹. Раскопки велись на месте Лядских ворот. Были найдены остатки оборонительных сооружений и усадеб. На участке с жилыми постройками в слое древнерусского времени среди прочего археологического материала были обнаружены изделия из стекла — обычные находки в отложениях этого периода: посуда, украшения, смальта (Сагайдак и др., 2009. С. 225). Среди них особо выделяется фрагмент стеклянного слитка (рис. 2, 3). Вместе с ним в слое найдены два фрагментированных кубика смальты из полупрозрачного желто-зеленого стекла, датируемых XI–XII вв. (Щапова, 1963. С. 138–140),

¹ Исследованиями руководили начальник экспедиции к. ист. н. М. А. Сагайдак, заместитель начальника экспедиции к. ист. н. В. Н. Зоценко, начальник раскопа младший научный сотрудник В. Н. Тимощук.

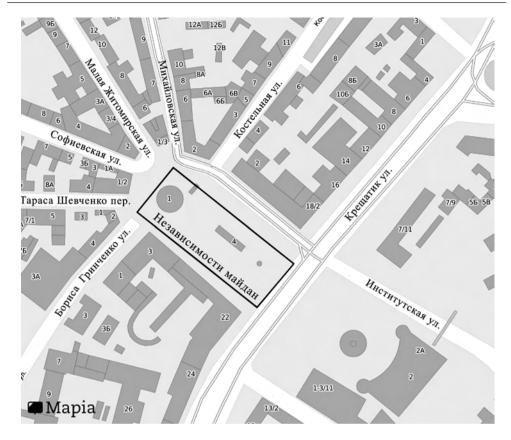

Рис. 1. Центральная часть г. Киева. Прямоугольником отмечено место археологических исследований Подольской постоянно действующей экспедиции ИА НАНУ в 2001 г.

пряслице бочонковидной формы из пирофиллитового сланца, X–XIII вв. (Ca-zaй $\partial a\kappa$ u ∂p ., 2009. С. 239), валиковая без закраин керамика, относимая к началу – середине XII в. (Там же. С. 72). Эти находки позволяют датировать горизонт со слитком первой половиной XII в. (Там же. С. 92, 181, 182, 239).

Слиток из красно-коричневого непрозрачного стекла плоский, в продольном сечении круглый, основание плоское, край выпуклый, диаметр — 6 см, толщина — 1,05 см. На внешней стороне размещен растительный декор в виде вьющихся побегов с листьями и цветками. Изображение контурное, образовано двойными углубленными линиями, промежутки между которыми плоские. Декор занимает только часть, возможно, половину поверхности слитка, остальная свободна.

Слиток изготовлен литьем на плоскость, затем дополнительно сверху отпрессован. За счет литья на плоскость образовалось плоское дно слитка и выпуклый край, а прессование придало ему плоскую форму. Без последней операции предмет был бы полусферическим.

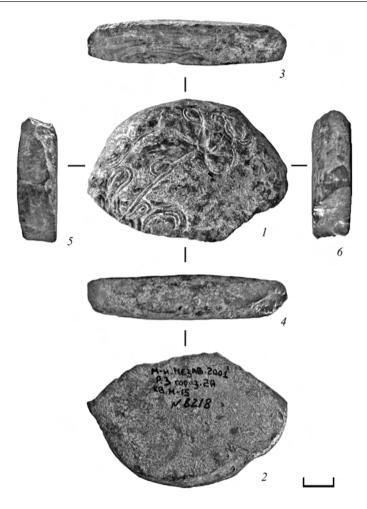

Рис. 2. Слиток стекла (фото) из раскопок 2001 г. на площади Независимости в Киеве (фото Е. Ю. Журухиной)

1 – вид сверху; 2 – вид снизу; 3–6 – виды сбоку

Декор, вероятно, был получен путем прессования инструментом (штампом). Вогнутый характер изображения позволяет предположить применение штампа с выпуклым рисунком, что в свою очередь исключает использование камня как материала инструмента. Возможно, он был выполнен из металла или керамики.

Такой способ получения декора на поверхности слитка — прессование или оттиск штампом — известен на стеклянных предметах. Например, подобный декор в виде штемпеля имеют эгзагии, служившие эталонами для проверки веса византийских золотых монет (Кропоткин, 1973. С. 262), иконки-литики, найденные в Москве, Серенске, Новогрудке, Твери и других древнерусских городах (Гуревич, 1982. С. 178—182; Никольская, 1988. С. 45—47; Беляев, 1998. С. 316—327; Панова, Коваль, 2008. Т. 1. С. 279; Т. 5. № 896, 997; Пуцко, 2008. С. 56, 57;

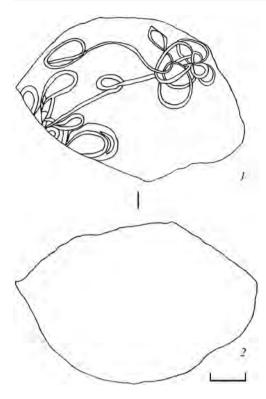

Рис. 3. Слиток стекла (прорисовка) из раскопок 2001 г. на площади Независимости в Киеве (рисунок О. В. Смирновой)

1 – вид сверху; 2 – вид снизу

Векслер, 2009. С. 98). Однако, судя по нанесенным на них выпуклым изображениям, штамп, которым проводили прессование, имел вогнутый рисунок. Примеры же стеклянных предметов с декором, образованным вогнутыми контурными линиями, как в рассматриваемом случае, нам неизвестны.

Химический состав стекла слитка исследован методом оптико-эмиссионной спектрографии в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН аналитиком А. Н. Егорьковым (табл. 1). Стекло отнесено к классу бесщелочных свинцовых (Pb-Si). Красно-коричневый цвет получен за счет окрашивания металлической медью или закисью меди (1,3 %). Тот же материал использован для глушения стекла (*Щапова*, 1983. С. 39; *Галибин*, 2001. С. 33).

Особенность состава — небольшая примесь щелочи в виде окиси калия (1,4%). Эта черта уже отмечалась одним из авторов у стекол Pb-Si из памятников древнерусского времени (Столярова, 2002. С. 200–202. Табл. 5; 2004. С. 69; 2006а. С. 315).

Например, такую примесь к основному составу имеют украшения (браслеты, бусы и перстни) из прозрачного стекла разных цветов (бежевого, коричневого, желто-зеленого и желтого), найденные в Дмитрове, на поселениях Настасьино и Усть-Шексна. Такую же характеристику имеют и украшения из непрозрачного стекла черного, белого, желтого и красно-коричневого цветов: перстень из Москвы, бусы из Владимира, с поселения Усть-Шексна, из Мякининских курганов, с селищ Волжской Булгарии (Столярова, 2005. С. 51; 2006а. С. 315; 2006б. С. 162. Табл. 2, ан. 733–30; 2008. С. 49. Табл. 4, ан. 774–26; Кузина, 2012. С. 246). Объяснение присутствию небольшой концентрации щелочи в стекле такого состава уже неоднократно приводилось: им может быть либо добавление в шихту боя стеклянных изделий, сваренных на калиевой золе или поташе, либо вторичное использование тиглей, в которых до того варили калиевое стекло (Столярова, 2004. С. 69; 2005. С. 51; 2006а. С. 315; 2006б. С. 162).

К особенностям состава слитка также можно отнести присутствие окиси олова в высокой концентрации (4,8 %). Обычно это соединение используется для глушения стекла, однако в данном случае с этой целью применен другой

Таблица 1. Химический состав стеклянного слитка из Киева

Шифр	Цвет	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	TiO ₂	PbO	SnO ₂	CuO
866-16	кр-кор	осн.	0,1	1,4	0,6	0,04	0,3	0,07	0,1	0,06	42	4,8	1,3

глушитель — медь. Возникает вопрос о цели введения окиси олова в шихту. По мнению В. А. Галибина, добавка окиси олова к красно-коричневым стеклам выполняет роль защитного коллоида, который обволакивает частицы меди, не дает им слипаться и таким способом препятствует их укрупнению (Галибин, 2001. С. 33). Данный прием использовали при получении так называемого медного рубина — прозрачного красно-коричневого стекла, чтобы не дать ему «запечься», т. е. стать непрозрачным, так как именно крупные частицы меди приводят к получению «печенки» (Ланцети, Нестеренко, 1987. С. 33, 34). Тогда присутствие окиси олова в составе стекла должно было играть роль, обратную глушению. Однако в случае со слитком такая добавка оказалась бессмысленной — стекло стало непрозрачным. Согласимся с мнением М. А. Безбородова, полагавшего, что окись олова можно рассматривать как восстановитель, который стеклоделы добавляли в шихту для создания условий образования закиси меди или металлической меди (Безбородов, 1956. С. 173).

Стекла состава Рb-Si обычно связывают с византийскими, европейскими и древнерусскими центрами. По мнению ряда авторов, бесщелочное свинцовое стекло также производили в Финикии в IV-III вв. до н. э. и на территории Дальнего Востока со II в. до н. э. по XIII в. н. э. (Галибин, 2001. С. 77, 81). К византийским изделиям из стекла такого класса обычно относят смальту (IV-XII вв.) и украшения, например так называемые треугольные² бусы VIII-XII вв. (*Шапо*ва, 1998. С. 21–25, 152), литые перстни XI в. (*Щапова*, 1972. С. 98; *Столярова*, 2005. С. 57), навитой бисер XI–XII вв. (Столярова, 2008. С. 60; Захаров, Кузина, 2008. С. 191). В Европе из бесщелочного свинцового стекла известны перстни и кольца XI–XIV вв., найденные на территории Польши (Безбородов, 1956. С. 261; Ольчак, 1959. С. 81–83; Галибин, 2001. С. 82, 83), и сосуды XIII–XIV вв. из раскопок в Западной Германии (Wedepohl, 1997. P. 251). Украшения и смальту из этого стекла, происходящие из памятников XI–XIII вв. на территории Руси, обычно связывают с древнерусскими стеклоделательными мастерскими. Представляется, данные выше объяснения присутствию небольшой концентрации окиси калия в составе бесщелочных свинцовых стекол, в том числе и киевского слитка, должны указывать на древнерусское происхождение таких стекол. В противоположность им анализы византийского навитого бисера, смальты из Преслава и колец из польских памятников показали полное отсутствие в их составе окиси калия (*Безбородов*, 1956. С. 295. Табл. XXXIX; *Щапова*, 1998. С. 254, 255. Прилож. II, № 70; Столярова, 2008. С. 49. Табл. 4, ан. 774–33, 34; 787–30).

Состав, использованный для получения рассматриваемого фрагмента слитка, применялся главным образом для выработки украшений и смальты. Высокое содержание окиси свинца (до 85 %) делало стекло этого класса «длинным»

 $^{^2}$ Эти бусы выглядят треугольными в продольном сечении за счет наложенных на тулово трех выпуклых пятен или глазков.

и потому малопригодным для выработки изделий, в частности, сосудов и оконного стекла, при помощи выдувания. Это же свойство обусловило широкое применение стекла такого состава для получения глазурных и эмалевых масс. К примеру, из стекла этого же класса изготовлена смальта для мозаик Благовещенского собора в Чернигове, мозаичный пол киевской Софии и Софии новгородской, плиточная полива Киева, Галича, Полоцка, Ростова, Чернигова и других городов. Это позволяет сделать предположение о назначении рассматриваемого слитка. Вероятно, его можно считать полуфабрикатом для выработки мелких изделий (в том числе и украшений), смальтовых кубиков или для получения поливы. Бусы, смальты и глазури такого же цвета и прозрачности, как данный слиток, хорошо известны (*Щапова*, 1972. С. 188, 189; *Егорьков*, 2000. С. 77, 82, 83. Табл. 2; *Галибин*, 2001. С. 41, 82). Присутствующие на боковой поверхности слитка старые сколы могут свидетельствовать о том, что его, возможно, уже использовали: из отколотых кусочков, как, впрочем, и из отсутствующей части слитка, могли сделать бусину, вставку или что-то другое (рис. 2, 4–6).

Аналогии растительному декору на слитке найти не удалось, они также не известны и специалистам, к которым мы обратились за консультацией³. При внимательном рассмотрении декора создается впечатление, будто он образован единой плавной линией, бессистемно располагающейся по поверхности слитка, создавая петли, завитки, восьмерки, овалы, в которых видятся растительные элементы. Такая плавность и изогнутость линий – отличительная особенность стиля модерн, искусства значительно более позднего. А хаотическая, неупорядоченная организация декора, отсутствие симметрии характерны для пещерных росписей эпохи верхнего палеолита. Однако в тот же период в изображениях, нанесенных на предметы, уже возникает ритмичность – симметрия (Кокорина, Лихтер, 2007. С. 39, 40). Средневековому декору также больше свойственна организованность, ритмичность, наличие симметрии, хотя есть и некоторые исключения. Например, керамическая глазурованная плитка из Белгорода украшена размещенным диагонально отдельным побегом со стилизованными листьями (Там же. С. 73. Рис. 64). При этом надо иметь в виду, что эта плитка – одна из множества других таких же, украшавших пол. Ритмичный повтор изображенных на них одиночных побегов образовывал определенный орнамент.

Декорирование слитка стекла, который фактически будет разрушен при изготовлении из него изделий, представляется бессмысленным. Все сказанное позволяет предположить, что данное изображение, возможно, не было создано специально, а было получено случайно путем оттиска на поверхности слитка какого-то предмета, например мотка проволоки.

Киевский полуфабрикат имеет вид и форму, которую получили не случайно, ее можно назвать специально созданной. Известно, что в древности и в средневековье заготовкам и полуфабрикатам придавали определенный вид, форму и вес, зачастую они имели маркировку (*Щапова*, 1998. С. 46). В качестве таковых назовем индийский вуц, поставлявшийся на рынки Ближнего и Среднего Востока в виде разрубленной пополам лепешки литой стали, железные товарные

 $^{^{3}}$ Благодарим А. В. Чернецова и Н. В. Жилину за консультации и высказанные соображения.

крицы бипирамидальной, веретенообразной или полосчатой форм, штуки тканей, имеющие форму рулона определенной длины (Щапова, 1989. С. 111). Известны примеры и из истории стекла: слитки-«гладилки», наиболее ранние из которых относятся к римскому времени, а основная масса – к эпохе средневековья и Новому времени, предназначавшиеся для получения бус и другой продукции, имели полусферическую форму определенного размера и веса (Там же. С. 103, 111; Саиле, 1994. Lpp. 47–52; Лесман, 2011. C. 37, 38). Венецианские слитки XVIII–XIX вв. для изготовления смальт и эмалей имели круглую форму и штамп мастерской, оттиснутый на внешней поверхности (Charleston, 1963. P. 54-67)⁴. Эти предметы могли быть таким же товаром, как и готовая продукция, в этом случае стандартизация внешних характеристик облегчала торговлю ими. Постоянная форма, размеры, вес предметов, а в некоторых случаях и штемпель служили доказательством подлинности и отсутствия подделки. В отличие от них невыработанное стекло в виде бесформенных кусков и осколков, которые многие исследователи, в том числе и зарубежные, полагают вторичным сырьем для изготовления продукции в мастерских неполного цикла, товарного вида не имеют.

Рассматривая с этой точки зрения слиток из Киева, мы предлагаем назвать его «товарным стеклом» или «товарной стеклянной массой». Предпочтителен именно этот термин в отличие от термина «полуфабрикат», более узкого по значению, нацеленного на получение какой-то конкретной продукции. Например, стеклянные трубки-полуфабрикаты в зависимости от диаметра предназначены для изготовления бус или сосудов. Термин же «товарная стекломасса» предполагает множество вариантов использования описываемого предмета в разных производственных областях — стекольной, керамической, ювелирной.

ЛИТЕРАТУРА

Безбородов М. А., 1956. Стеклоделие в Древней Руси. Минск: АН БССР. 306 с.

Беляев Л. А., 1998. Московские литики // Культура славян и Русь. М.: Наука. С. 316–327.

Векслер А. Г., 2009. Раскопки на Великом Посаде. Теплые торговые ряды. М.: Изд. дом «Триумф принт», 224 с.

Галибин В. А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб.: Петербургское востоковедение. 216 с.

Туревич Ф. Д., 1982. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. Т. 43. С. 178–182.

Егорьков А. Н., 2000. Химический состав древнерусской плиточной поливы // РА. № 4. С. 77–85. *Захаров С. Д., Кузина И. Н.*, 2008. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: В 3 т. / Отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука. С. 142–215.

Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А., 2007. Морфология декора. М.: КомКнига. 200 с.

Кропоткин В. В., 1973. Византийский экзагий из Керчи // ВВ. Т. 34. С. 262–263.

Кузина И. Н., 2012. Стеклянные бусы из раскопок в Мономаховом городе Владимира в 2007—2008 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы науч. семинара / Отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 244—251.

⁴ Такие слитки выставлены в экспозиции Музея собора Сан-Марко в Венеции.

- *Ланцетти А. Г., Нестеренко М. Л.*, 1987. Изготовление художественного стекла. М.: Высшая школа. 304 с.
- Лесман Ю. М., 2011. Стеклянные гладилки: сырье в стеклоделии и инструменты для обработки тканей // Стекло Восточной Европы в древности, Средневековье и Новое время: изучение и реставрация: тез. докл. Междунар. науч. конф. (23−25 марта 2011 г.). М.: ИА РАН. С. 37−38.
- *Никольская Т. Н.*, 1988. Редкая находка из Серенска // Древности славян и Руси: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Тимощук. М.: Наука. С. 45–47.
- Ольчак E., 1959. Производство стеклянных перстней на славянской территории в средние века // CA. № 3. С. 81–90.
- Панова Т. Д., Коваль В. Ю., 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на территории Тайницкого сада в Московском Кремле в 2007 году. М. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 29009–29016.
- *Пуцко В. Г.*, 2008. Средневековый литик с берегов Угры. Об одной необычной археологической находке // Московский журнал. № 7 (211) (июль). С. 56–57.
- Сагайдак М. А., Зоценко В. М., Тимощук В. М., Башкатов Ю. Ю., Тараненко С. П., Шевченко Д. О., 2009. Звіт Подільської постійної-діючої експедиції ІА НАНУ про охоронні археологічні дослідження на Площі Незалежності в м. Києві в 2001 р. Т. 1. Київ / НА ІАНАНУ—2001/207.
- Столярова Е. К., 2002. Стеклянные предметы из раскопок в Дмитровском кремле // Археологическое изучение Подмосковья (Дмитров, Мытищи, Тарасовка): Сб. ст. / Отв. ред. В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 173–202. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 1).
- Столярова Е. К., 2004. Химический состав стеклянных изделий // Средневековое поселение Настасьино / Ред.-сост. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 69–73. (Труды Подмосковной экспедиции ИА РАН; Т. 2).
- Столярова Е. К., 2005. Стеклянные украшения булгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья: (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): Мат-лы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 года, Казань Яльчик) / Ред. К. А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа». С. 43–66.
- Стеклянные украшения средневековой Усть-Шексны // Археология: история и перспективы: Вторая Междунар. конф.: Сб. ст. / Ред. А. Е. Леонтьев. Ярославль: Ярославский музей-заповедник: Музей-заповедник «Ростовский Кремль». С. 306—331.
- Столярова Е. К., 2006б. Химический состав средневековых стеклянных перстней Москвы // КСИА. Вып. 220. С. 151–163.
- Столярова Е. К., 2008. Стеклянные бусы Мякининской курганной группы // Археология Подмосковья: Мат-лы науч. семинара. Вып. 4. М.: ИА РАН. С. 47–61.
- *Щапова Ю. Л.*, 1963. Стеклянные изделия древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 3: Новые методы в археологии М.: АН СССР. С. 104–163. (МИА; № 117).
- *Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.: МГУ. 215 с.
- *Щапова Ю. Л.*, 1983. Очерки истории древнего стеклоделия: (по материалам долины Нила, Ближнего Востока и Европы). М.: МГУ. 200 с.
- *Щапова Ю. Л.*, 1989. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных («гладилка» из Новгорода) // СА. № 4. С. 103–114.
- Щапова Ю. Л., 1998. Византийское стекло: Очерки истории. М.: Эдиториал УРСС. 288 с.
- Caune A., 1994. 10.–17. gs. Gludināmstiklu Atradumi Latvijā // Arheoloģija un Etnogrāfija. XVII. Apcerējumi par Latvijas arheoloģisko senlietu tipoloģiju un numismātiskajiem atradumiem / Atb. red. Ē. Mugurēvičs. Riga; Zinātne. Lpp. 47–52.
- Charleston R. J., 1963. Glass «Cakes» as Raw Material and Articles of Commerce // JGS. Vol. 5. P. 54–67.
- Wedepohl K. H., 1997. Chemical composition of medieval glass from excavation in West Germany // Glastechnische Berichte. Glass Science and Technology. Vol. 70. № 8. P. 246–255.

К. Н. Скворцов

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ШЛЕМ ИЗ МОГИЛЬНИКА КЛЯЙНХАЙДЕ

K. N. Skvortsov. A medieval helmet from the Kleinheide burial-ground.

Abstract. This article is concerned with the find of a helmet at the Kleinheide burial-ground in 2010 in a warrior's burial dating from a period no earlier than the second half of the 12th or the early 13th century. This category of objects is unique for local medieval antiquities of the so-called «Late Pagan Period».

Ключевые слова: балты, пруссы, воинские захоронения, «позднеязыческое» время, шлемы.

Находка, рассматриваемая в статье, сделана осенью 2010 г. в грунтовом могильнике Кляйнхайде¹, находящемся на северной окраине районного центра г. Гурьевск Калининградской области (рис. 1). В довоенное время этот памятник не был известен. Начиная с 1987 г. территория памятника была занята садоводческим обществом «Заря», в 1991 г. один из членов товарищества обнаружил на территории своего участка древние артефакты и обратился с информацией о находке в Музей истории края в г. Багратионовск². Первые полноценные археологические исследования на могильнике были проведены в 1995–1997 гг.: обследована площадь 227 м², на которой обнаружены и изучены 16 погребальных комплексов III—XIII вв. (Скворцов, 1996; 1997; 1998). Еще не менее 20 таких

¹ Название памятнику было дано при его обнаружении в 1991 г. (*Кулаков*, 1992) по расположенному рядом имению и д. Клянхайде (Kleinheide, ранее называлась Паскерден, нем. Paskerden), первое упоминание о поселении – 1367 г. (*Blažienė*, 2000. S. 61). В настоящее время территория деревни и усадьбы включены в городскую черту Гурьевска. В последующие годы (1996–1998) памятник исследовался также под названием «Кляйнхайде».

² Автором, работавшим тогда сотрудником Музея истории края в Багратионовске, был осуществлен выезд на место находок, составлены планы и описания разрушенных комплексов, описаны условия их обнаружения и зарисованы находки. Вся эта информация была передана Балтийской археологической экспедиции ИА РАН (руководитель В. И. Кулаков) для включения в Отчет о полевых исследованиях за 1991 г. (*Кулаков*, 1992).

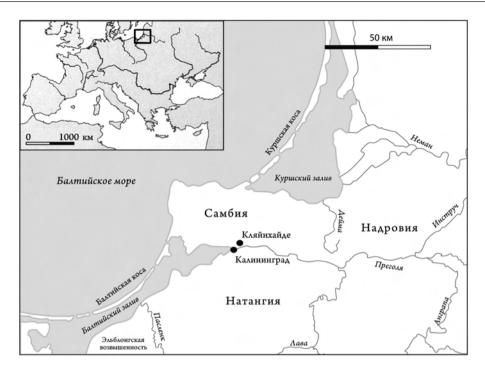

Рис. 1. Географическое положение могильника Кляйнхайде. Находки шлемов в зоне расселения балтов

комплексов были обнаружены местными жителями в процессе эксплуатации садоводческих участков с 1991 по 2010 г.

Погребальный комплекс, представляющий интерес в рамках данной статьи, был обнаружен членом садоводческого товарищества С. В. Ивановым в 2010 г. В 2012 г. отряд Самбийской экспедиции ИА РАН³ провел обследование места находки. Данный комплекс представлял собой воинское захоронение, совершенное по обряду кремации, и по инвентарю датирован «позднеязыческим» временем⁴, точнее, исходя из анализа погребального инвентаря, временем не ранее второй половины XII – начала XIII в. В соответствии со сложившейся практикой нумерации комплексов на памятнике с 1991 г. данному погребению был присвоен № 36 с литерой С⁵. Оно находилось в яме диаметром около 1 м и глубиной от дневной поверхности около 0,5—0,6 м, заполнение которой представлено

³ Хотелось бы выразить искреннюю благодарность руководителю Самбийской экспедиции А. Н. Хохлову за проявленный интерес к теме, участие в дискуссии и поддержку в проводившейся работе.

⁴ От нем. Spatheidnische Zeit, так называемый период «Н» согласно довоенной немецкой хронологии прусских древностей, в основном соотносимый со второй половиной XI – первой половиной/серединой XIII в.

⁵ Что значит «случайный» комплекс, обнаруженный местными жителями в ходе эксплуатации садовых участков.

однородным массивом чрезвычайно углистого суглинка. В слое распашки (на глубине 0,05 м) над погребением был обнаружен фрагмент булавки с крестовидным навершием (рис. 2, 7), возможно относящейся к данному погребению. Судя по форме и размерам фрагмента, это украшение относится к крестовидным булавкам, наиболее популярным у куршей в X–XII вв. (*Bliujiene*, 2006. Fig. 8).

В верхней части заполнения ямы были найдены:

- фрагмент железной шпоры (рис. 2, 17), судя по форме, скорее всего, относится к так называемым каролингским шпорам, которые в большом количестве представлены в прусских могильниках конца эпохи викингов и позднеязыческого времени (Bezzenberger, Paiser, 1914. S. 223. Abb. 65; Gaerte, 1929. S. 314. Abb. 277, b; Скворцов, 2010. С. 178). Шип шпоры не сохранился, поэтому ее можно отнести к данному типу с большой долей условности;
- фрагмент венчика бронзового блюда (рис. 2, 5); подобные сосуды в XI—XII/XIII вв. известны из многих крупных прусских могильников (Bezzenberger, 1904. S. 93. Fig. 130; Bezzenberger, Paiser, 1914. S. 246, 247. Abb. 92–96; Gaerte, 1929. S. 338; Müller, 1996; Скворцов, 2010. С. 135; Širouchov, 2012. S. 51. Pav. 74);
- фрагмент бронзового браслета (рис. 2, 8), насколько можно судить по форме его окончания, возможно, представляет собой позднюю локальную форму зооморфных браслетов, более всего характерных для куршских древностей X—XIII вв. (*Bliujiene*, 1999. Р. 167–174);
- фрагмент стенки раннегончарного сосуда (рис. 2, 6) со следами вторичного обжига.
- В донной части ямы в центре находилось неплотное скопление мелких кальцинированных костей диаметром около 30 см. Непосредственно на скоплении костей выявлены следующие предметы погребального инвентаря (рис. 3), большая часть из которых сохранила на себе следы пребывания в погребальном костре:
- пара железных стремян (рис. 2, 12, 13); стремена с подобными конструктивными особенностями не редкость в самбийских могильниках, датированных позднеязыческим временем (Engel, La Baume, 1937. S. 191. Abb. 44, m; La Baume, 1940. S. 85. Abb. 2, d, e; Пронин и др., 2006. С. 36, 37, 47, 63, 65–68. Рис. 29, 2; 32, 1, 2; 40, 3 и т. д.; Скворцов, 2010. С. 176, 177). Данные стремена более всего близки типу 7, выделяемому Й. Антанавичюсом в своей типологии, который он по литовским материалам датирует XI–XII вв., отмечая при этом наличие экземпляров, датированных и XIII в. (Antanavičius, 1976. Р. 76). Стремена подобного типа, происходящие с территории Польши, датируются уже XII–XIII вв. Такую же датировку аналогичные стремена имеют и на территории Руси (Кирпичников, 1973. С. 50, 51; Świetosławski, 1990. S. 48, 67);
- железные удила с серповидными псалиями (рис. 2, 14) также не редкий элемент погребального инвентаря в погребальных памятниках Самбии и Натангии в XI–XII вв. (Bezzenberger, 1914. S. 179. Abb. 58; Engel, 1935. S. 119. Abb. 61, е; La Baume, 1940. S. 85. Abb. 2, g; Пронин и др., 2006. С. 62, 63, 66–69, 81. Рис. 126, 6; 131, 1 и т. д.; Скворцов, 2010. С. 169, 170). На соседних территориях, например в Литве, известны подобные удила, датированные XI в.; а на территории Руси максимальное их распространение приходится на XI–XII вв.

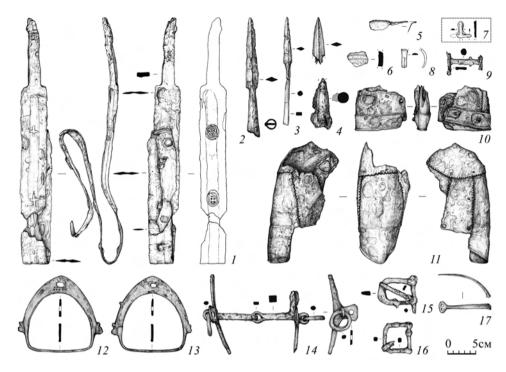

Рис. 2. Предметы погребального инвентаря из воинского захоронения № 19. С могильника Кляйнхайде

I — меч; 2, 3, 4 — копья; 5 — фрагмент венчика бронзового блюда; 6 — фрагмент стенки гончарного сосуда; 7 — фрагмент булавки; 8 — фрагмент браслета; 9 — заклепка; 10, 11 — фрагменты шлема; 12, 13 — стремена; 14 — удила; 15, 16 — пряжки; 17 — фрагмент шпоры

(Кирпичников, 1973. С. 19; Varnas, 1995. P. 249. Pav. 5; Bertašius, 2009. S. 60, 66, 84, 195. Taf. 15, 2; 27, 1; 144, 1, 2; 152, 1);

- две крупные железные подпружные пряжки (рис. 2, 15, 16) размером более 5 см. Наличие в погребении одной, реже двух подпружных пряжек соответствует ситуации с этой категорией находок и в других могильниках (Кулаков, 1999; 2007; Пронин и др., 2006. С. 360);
- железная заклепка (рис. 2, 9); подобные находки нередко встречаются в погребениях позднеязыческого времени прусских могильников. Однако, как правило, они имеют несколько меньшие размеры (Кулаков, 1990. Табл. XXXIII, XXXVI, XLIV; Пронин и др., 2006. С. 249. Рис. 178, 1–5; 200, 3–5; 243, 16–18);
- наконечник копья и два наконечника дротиков (рис. 2, 2–4) располагались в захоронении восточнее удил, ориентированы остриями на юг. Два втульчатых наконечника, принадлежащих дротику (сильно фрагментированному) и копью (рис. 2, 2, 4) по ряду основных признаков можно отнести к типу IIIБ (по А. Ф. Медведеву и А. Н. Кирпичникову), с датировкой по древнерусским материалам XII—XIII вв. Наконечники подобного типа частая находка в прусских погребениях позднеязыческого времени (Кирпичников, 1966. Рис. 1; 1973.

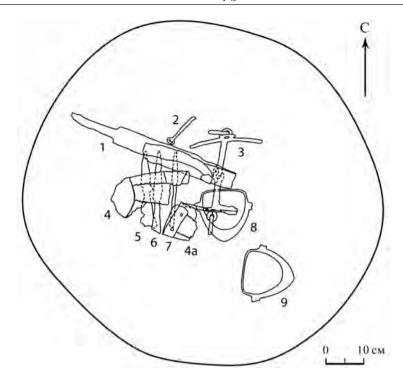

Рис. 3. Расположение инвентаря в нижней части могилы Кляйнхайде 19 С

С. 12–15; Кирпичников, Медведев, 1985; Кулаков, 1999. Рис. 8, 11, 12 и т. д.; Пронин и др., 2006. Рис. 221, I; 230, S; 247, S; Скворцов, 2010. С. 142, 143). Третий наконечник (рис. 2, S) представляет собой черешковый дротик, по форме пера наиболее близкий V типу, выделенному А. Н. Кирпичниковым, и датирующийся, как и предыдущие экземпляры, XII–XIII вв. (Кирпичников, 1973. С. 14, 15; Пронин и др., 2006. С. 315, 339. Рис. 244, I).

Все эти предметы были перекрыты ритуально согнутым *двулезвийным мечом* (рис. 2, *I*), ориентированным в могиле острием на запад, рукоятью на восток. У меча отсутствовали гарда и рукоять, которые, возможно, были сняты перед помещением в погребальный костер. По форме клинка меч близок к экземплярам типа 12 по Э. Оукшотту, которые прослеживаются по иконографии с последней четверти XII по первую половину XIV в. (*Oakeshott*, 1997. Р. 37). В типологии А. Гайбига клинок данной формы более всего близок типу 11 с такой же датировкой (*Geibig*, 1991. Abb. 22, *II*). В пользу достаточно поздней датировки данной находки также свидетельствуют и клейма, выявленные при реставрации меча. Они представляли собой крупные вварные клейма, выполненные из прутиков дамассцированной стали, в виде изображений простых крестов на одной стороне и отдельно медальонов с крестами с Т-образными перекладинами – на другой, последние также характерны для европейских мечей конца XII – XIII в. Так, Д. А. Дрбоглав указывал, что время прекращения использования в клеймах железной проволоки можно относить к концу XII в. (*Дрбоглав*, 1984. С. 111).

Меч с клинком, форма которого близка нашей находке, и также имевший схожие по стилю и размерам клейма, был обнаружен в Восточной Словакии и датирован концом XII – серединой XIII в. (*Čambal*, 2011).

На самом верху скопления предметов погребального инвентаря находился фрагментированный железный шлем (рис. 2, 10, 11; см. цв. вклейку, рис. ХХІІІ, 1). По сохранившимся фрагментам шлема, составляющим около 70 % его первоначальной конструкции, несмотря на деформацию некоторых частей, можно сделать достаточно точные выводы о его первоначальной форме, размерах, конструктивных особенностях, а также о технологии его изготовления⁶.

Шлем состоял из двусоставной тульи (корпуса) и венца; его общая высота от обода – 17 см. Двусоставная тулья имела верхнюю часть полусферической формы и нижнюю часть в форме усеченного конуса. Верхняя полусфера выколочена из одного куска металла. Диаметр по нижнему краю – около 12,8 см, высота – около 5,2 см, толщина – около 0,2 см; нижняя сторона имеет зубчатый край. Полусфера крепится к нижней части корпуса при помощи восьми заклепок со сферическими головками диаметром около 0,3 см. В месте соединения полусферы и нижней части корпуса проложена лента из бронзовой фольги. Нижняя часть корпуса шлема сформирована четырьмя железными пластинами трапециевидной формы со скругленными углами в верхней части. Ширина – около 10,4 см внизу и 8,5 см вверху, толщина – около 0,2 см. Между собой эти пластины соединены четырьмя железными накладными полосами, также сужающимися к верхней части шлема. Их ширина внизу составила около 6 см, а вверху – около 4 см, высота и толщина – около 11 и 0,2 см соответственно. По бокам они украшены резаными зубцами высотой 0,3-0,4 см. Между полосами и пластинами корпуса проложены полоски бронзовой фольги, также оформленные по краю зубцами, выступающими за полосы на расстояние около 0,4 см. Полосы крепились к пластинам корпуса при помощи шести заклепок на каждой7.

Нижняя часть шлема диаметром около 21,4 см скреплена венцом, изготовленным из железной полосы шириной около 2,9 см и толщиной от 0,2 до 0,3 см. Нижняя часть обода отогнута наружу на 0,03 см. Обод не смыкается, а крепится поверх козырька, края которого в местах стыка с ободом также имеют отогнутый наружу край. В средней части обода находятся крупные железные заклепки с железными подкладками, выступающие на 0,5 см, скорее всего служившие для крепежа подшлемника. По нижнему краю обода располагаются сквозные отверстия диаметром около 0,4 см и расстоянием от центра отверстия до края обруча около 1 см, служившие, вероятно, для крепления бармицы. Козырек высотой

⁶ Автор выражает глубокую признательность сотруднику отдела оружия Государственного Исторического музея С. Ю. Каинову за помощь в работе над техническим описанием конструкции шлема и за дискуссию.

⁷ К сожалению, остается непонятным, располагались ли эти бронзовые вставки из фольги зубчатой стороной непосредственно под зубцами навершия и пластин каркаса, так как большинство фрагментов шлема деформированы и имеют следы пребывания в огне, а целые зубчатые части бронзовых элементов сохранились лишь в двух местах. Не исключено, что первоначально они были закреплены непосредственно под зубчатым декором железных деталей.

около 6,3 см изготовлен из железного листа толщиной около 0,2 см, по краям он приклепан (по одной клепке) к ободу, и, вероятно, имел зашлифованные впотай клепки в его верхней части для фиксации к корпусу. В силу плохой сохранности этой части шлема проследить остатки данных креплений не удалось.

Следует отметить, что шлем – очень редкая категория находок в балтских средневековых могильниках. Всего здесь найдено четыре шлема, из которых два импортных, а два изготовлены местными оружейниками (рис. 4). В местных древностях на сегодняшний день известна только одна самая близкая аналогия рассматриваемой находке. Это фрагментированный составной шлем (см. цв. вклейку, рис. XXIII, 2-4), обнаруженный О. Тишлером (Tischler, 1880. S. 41) в ходе раскопок 1879 г. могильника Коврово⁸ (быв. Dollkeim, Kr. Samland, ранее Kr. Fischhausen). Впервые изображение данной находки было опубликовано прусским археологом А. Йенчем в записках Физико-Экономического общества (Jentzsch, 1896. Taf. 4, 60). В работе В. Герте она упоминается в разделе «Вооружение конца эпохи Великого переселения народов» (Gaerte, 1929. S. 296, 301. Abb. 242). Подобная датировка шлема, вероятно, могла возникнуть из-за его достаточно архаической конструкции, схожей с каркасными шлемами типа Spangenhelm, типичными для европейских древностей эпохи Великого переселения народов. В последующих публикациях все исследователи уже датируют данный шлем позднеязыческим временем. Основной аргумент в пользу этой датировки – тот факт, что он был обнаружен в слое Aschenplätze (месте сожжения) – прусском погребальном феномене позднеязыческого времени (Engel, 1935. S. 119. Abb. 61; *La Baume*, 1939. S. 298. Abb. 1, 2; *Širouchov*, 2012. P. 79).

В материалах соседних Литвы и Латвии, в ареале куршей, известно пять мест находок куршских шлемов (рис. 4), которые по некоторым особенностям конструкции и датировке имеют много общего с шлемом, обнаруженным в могильнике Кляйнхайде в 2010 г. (Širouchov, 2012. Р. 221. Pav. 115). Особенности, объединяющие куршские и прусские шлемы, — многочастность конструкции, крестообразность пластин каркаса, наличие козырька и накладных декоративных элементов из бронзовой жести. Главное отличие находок из куршского ареала — они имеют односоставные тульи конусовидной формы, а прусские шлемы эллипсовидные с двухчастными тульями. Прямые аналогии куршским шлемам до сих пор не найдены за пределами расселения куршей, большинство авторов сходятся во мнении, что эти шлемы изготавливались на месте, и датируют их XI/XII—XIII вв. (Volkaite-Kulikauskienė, 1981. Р. 43; Asaris, 2003. Р. 15; Vaškevičiūtė, Cholodinskienė, 2008. Р. 146, 147).

Весьма интересным в контексте данной статьи представляется шлем, обнаруженный в ходе раскопок 1968 г. в г. Слоним, хранящийся ныне в Национальном музее истории и культуры Беларуси⁹. Этот шлем, обнаруженный вне

⁸ Автор выражает искреннюю благодарность директору объединенных музеев земли Шлезвиг-Гольштейн К. фон Карнап-Борнхейму за возможность работы с материалами, связанными с данной находкой, в Архиве Рудольфа Гренца, в замке Готторф.

⁹ Автор выражает благодарность научному сотруднику Национального музея истории и культуры Беларуси Н. А. Плавинскому за предоставленные материалы и фотографии слонимской находки.

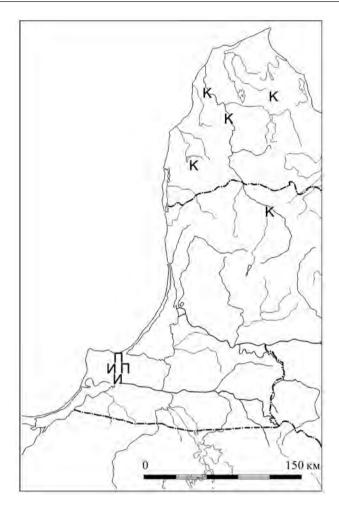

Рис. 4. Карта находок шлемов в прусском и куршском ареалах; К – шлемы из ареала расселения куршей; П – шлемы из прусского ареала; И – импортные шлемы

ареала балтов, — наиболее близок по форме и конструктивным особенностям тульи к шлемам из Кляйнхайде и Доллькайма, что уже было отмечено в работе Н. А. Плавинского (*Плавінскі*, 2003). Современные исследователи датируют эту находку второй половиной XII — серединой XIII в. (Там же. С. 144).

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что данный тип шлемов в прусском ареале возникает достаточно поздно и имеет самобытную форму. Наличие в погребении шлема наряду с многочисленными предметами вооружения, безусловно, свидетельствует о высоком социальном статусе погребенного и его вполне определенной профессиональной принадлежности. Как представляется, хорошо оснащенные профессиональные воины не были редкостью в прусском социуме, даже учитывая тот факт, что находка воинского захоронения

с подобным комплектом вооружения в прусском могильнике позднеязыческого времени – огромная удача.

Сходство между прусскими и куршскими шлемами, а, главное, их хронологическая близость свидетельствуют в пользу того, что элементы защитного вооружения этого типа были характерны для западных балтов в конце позднеязыческого периода, до начала крестоносной экспансии в Прибалтику в XIII в. Несмотря на то что подобные шлемы ранее датировались преимущественно XI—XII вв., теперь можно говорить о более поздней датировке, близкой той, которая была получена в ходе анализа предметов погребального инвентаря из воинского захоронения могильника Кляйнхайде. Появление новых видов вооружения в ареале западных балтов можно связывать с необходимостью сопротивляться давлению, которое оказывали христианские феодальные государства (Польша, Русь, государства Скандинавии и т. д.) на своих языческих соседей балтов в XII—XIII вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Дрбоглав Д. А., 1984. Загадки латинских клейм на мечах IX–XIV веков: (Классификация, датировка и чтение надписей). М.: МГУ. 147 с.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Т. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука. 147с. (САИ; Вып. Е1-36).
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. М.: Наука. 140 с. (САИ; вып. Е1-36).
- Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф., 1985. Вооружение // Древняя Русь: Город, замок, село / Под ред. Б. А. Колчина. М.: Наука. С. 298–363. (Археология СССР).
- Кулаков. В. И.,1992. Отчет о работе БАЭ ИА РАН 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15992.
- Кулаков В. И., 1990. Древности пруссов VI–XIII вв. М: Наука. 167 с. (САИ; Г1-9).
- Кулаков В. И., 1999. Ирзекапинис // Неславянское в славянском мире. СПб.; Кишинёв; Одесса: Высшая антропологическая школа. С. 211–273. (Stratum Plus; 5/1999).
- *Кулаков В. И.*, 2007. Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т истории НАН Беларуси. 335 с. (Prussia Antiqua; Т. 4).
- *Плавінскі М.*, 2003. Слонімскі шлем (датаванне і паходжанне) // Гістарычны альманах Т. 8. С. 137–144.
- *Пронин Г. Н., Смирнова М. Е., Мишина Т. Н., Новиков В. В.*, 2006. Могильник Поваровка X— XIII вв. (Калиниградская область). М.: Таус. 378 с. (Мат-лы охранных археологических иссл.; Т. 8).
- Скворцов К. Н., 1996. Отчет о работе Натангийского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19799.
- Скворцов К. Н., 1997. Отчет о работе Натангийского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20266.
- Скворцов К. Н., 1998. Отчет о работе Натангийского отряда Балтийской экспедиции ИА РАН 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1.
- Скворцов К. Н., 2010. Могильник Митино V–XIV вв (Калининградская область): по результатам исследований 2008 г. Ч. 1. М.: Тверская обл. тип. 302 с. (Мат-лы охранных археологических иссл.; Т. 15).

¹⁰ Судя по количеству находок, прежде всего для куршей и пруссов.

- Antanavičius J., 1976. Balno kilpos Lietuvoje X–XIV a. // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija. № 1 (54). S. 69–81
- Asaris J., 2003. Couronian Helmets // Art, applied art and symbols in Latvian Archaeology / V. Ivbulis. Rīga: University of Latvia. № 2 (39). P. 5–17.
- Bertašius M., 2009. Ein Bestattungsplatz mit Pferdegräbern Marvelès žirgų kapinynas. Bd. II. Kaunas: Kauno technologijos universitetas, 390 p.
- Bezzenberger A., 1904. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreussens. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 108 S.
- Bezzenberger A., 1914. Gräberfeld bei Laptau, Kr. Fischhausen // Sitzungsberichte des Altertumsgesellschaft Prussia. H. 23. T. 1. S. 157-180.
- Bezzenberger A., Peiser F., 1914. Gräberfeld bei Bludau, Kr. Fischhausen // Sitzungsberichte des Altertumsgesellschaft Prussia. H. 23. T. 1. S. 210-249.
- Blažienė G., 2000. Die baltischen Ortsnamen im Samland. Stuttgart: Franz Steiner Verlag. 178 S.
- Bliujenė A., 1999. Vikingų epochos kuršių papuošalų ornamentika. Vilnius: Diemedžio. 299 p.
- Bliujiene A., 2006. Some notes on curonian women's bead sets with bronze spacer plates in their headbands, headresses nade of cloth ans unaccountable ware during the viking Age and early medieval Times // Archaeologia Baltica. 6. Klaipeda: Klaipedos universiteto leidykla. P. 112–126.
- Čambal R., 2011. Románsky meč z Ostrého Kameňa pri Bukovej v Malých Karpatoch // Zborník Slovenského Národného Múzea CV. Archeológia 21. S. 159–163.
- Engel C., 1935. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag, 155 S.
- Engel C., La Baume W., 1937. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preußenlande. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 290 S.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Ostpreußische Landeskunde in Einzeldarstellungen. Königsberg: Gräfe und Unzer Verlag. 403 S.
- Geibig A., 1991. Beiträge zur morphologischen Entwicklung des Schwertes im Mittelalter // Eine Analyse des Fundmaterials vom ausgehenden 8 bis zum 12 Jahrhundert aus Sammlungen der Bundesrepublik Deutschland. Neumunster: Karl Wachholtz Verlag. 208 S.
- Jentzsch A., 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseums in der Jahren 1893-1895. III Prähistorische Sammlung // Schriften der physikalisch - ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg i. Pr. Bd. XXXVII. Königsberg. S. 49–114.
- La Baume W., 1939. Frühgeschichtliche Helme aus Ostpreuβen. Nachrichtenblatt für Deutsche Vorzeit. Jhg. 15. Heft 11/12.
- La Baume W., 1940. Ein spätheidnische Reitergrab mit Helm und verzierter Lanzen aus Ekritten // Alt Preußen. Jhg. 4. S. 84-87.
- Müller U., 1996. Tugend und Lasterschalen: Bemerkungen zu Ikonographie, Chronologie und Funktion einer Objektgruppe des hohen Mittelalters // Realienforschung und Historische Quellen. Oldenburg. S. 147-170.
- Oakeshott E., 1997. The Sword in the Age of Chivalry. Woodbridge: The Boydell Press. 260 p.
- Širouchov R., 2012. Prūsų ir kuršių kontaktai XI–XIII A. Pradžioje archeologijos duomenimis: daktaro disertacija, humanitariniai mokslai, istorija (05H). Klaipėda. 334 p.
- Świetosławski W., 1990. Strzemiona średniowieczne z ziem Polski. Łódź: Instytut Historii Kultury Materialnej. 129 S.
- Tischler O., 1880. Die Gräberfelder zu Wackern und Eisselbitten // Schriften der physikalisch ökonomischen Gesellschaft zu Königsberg i. Pr. Bd. 20. S. 5-10
- Varnas A., 1995. Tulpiakiemio senkapiai // Lietuvos Archeologija. № 11. P. 244–288.
- Vaškevičiūtė I., Cholodinskienė A., 2008. Pavirvytės kapinynas (X-XIII amžiai). Vilnius: Diemedžio. 199 p.
- Volkaite-Kulikauskienė R., 1981. Ginklai. // Lietuvių materialinė kultūra IX–XII a. 2. Vilnius: Mokslas. S. 6–48.

В. В. Миненко, А. В. Яганов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧЕВСКОЙ КРЕПОСТИ XII–XVII вв. В 2012 г.

V. V. Minenko, A. V. Yaganov. Archaeological research in the territory of the Karachev fortress of the 12th–17th centuries (2012)

Abstract. In 2012 an expedition from the Department for Rescue Archaeology of the Institute of Archaeology, the Russian Academy of Sciences, carried out architectural and archaeological investigations within the territory of the Karachev Fortress dating from the 12th-17th cc. The main aim of the excavations was to pinpoint the remains of a stone church of the late 12th century, of the pre-Mongol time, which were unearthed during construction work. The territory around the existing early 18th century church was investigated and the position of the earlier church at the site was determined. The cultural layer was investigated, its lowest part dating from the first half of the 12th c. In the test pits the stratigraphy of the cultural deposits was traced, which for the most part was of a single type. Under a layer of turf, brown sandy loam with high humus content was found, containing broken plinths and mortar. Beneath that, a layer of grey sandy loam with charcoals and burnt clay was traced. Down white and yellow sand was recorded with inclusions of pale-grey sandy loam and charcoals, which lay immediately above the sandy subsoil. Ten archaeological objects were recorded in the natural soil and partially studied: remains of dwellings, rubbish pits and the narrow ditch for a palisade. The data presented in this article on the newly discovered monument of medieval Russian architecture are far from conclusive and require further investigation.

Ключевые слова: Карачев, Карачевская крепость XII–XVII вв., домонгольский храм XII в., строительные материалы.

Памятник «Карачевская крепость XII–XVII вв.» находится в юго-западной части г. Карачев Брянской области на правом высоком берегу р. Снежеть. Овальное в плане городище вытянуто с юго-востока на северо-запад. Из укреплений сохранились фрагменты восточного и северного участков вала и заплывшее углубление, указывающее на остатки рва. Территория памятника застроена частными домами с приусадебными участками, в северо-западной части городища расположен собор Михаила Архангела, построенный в 1701–1705 гг. (см. цв. вклейку, рис. XXIV).

Карачевское городище обследовалось в 1964—1974 гг. сотрудниками Института археологии АН СССР С. С. Ширинским и А. С. Смирновым (*Никольская*,

1967. С. 7–9; *Смирнов*, 1974. С. 36, 37), а в 1988 г. оно осмотрено сотрудником Брянского музея Г. П. Поляковым (*Поляков*, 1996. С. 6). Разведки Е. А. Чеплянской и Н. Е. Ющенко выявили на территории города несколько селищ X–XIII и XIV–XVII вв., которые могли быть частью посада древнерусского Карачева (*Чеплянская*, 1998. С. 6–10).

В июне 2012 г. Институтом археологии РАН в Карачев была направлена комиссия Отдела охранных раскопок для осмотра повреждений памятника, вызванных строительной деятельностью общины собора Михаила Архангела. Осмотр траншеи, вырытой вдоль южной стены трапезной собора, выявил в ее южной стенке крупный фрагмент кладки из плинфы, мощные развалы этого строительного материала, куски кладочного раствора, лежащие на культурном слое. Массив кладки оказался фрагментом стены каменного сооружения, упавшим в южном направлении.

Появились основания считать, что на месте нынешнего собора Михаила Архангела находилось не зафиксированное ранними письменными источниками каменное здание домонгольского времени. Было принято решение о начале археологических раскопок, в задачи которых входило выявление границ распространения развалов кирпичных кладок и определение габаритов существовавшего здесь каменного здания.

Первое упоминание Карачева в письменных источниках связано с одной из усобиц в Южной Руси. После вокняжения в Киеве Изяслава Мстиславича, в конце 1146 — начале 1147 г. он предпринял поход с черниговскими князьями Владимиром и Изяславом Давидовичами и Мстиславом Изяславичем против Игоря и Святослава Ольговичей с целью овладеть северскими землями. Захватив в декабре 1146 г. Новгород-Северский и Путивль, коалиция вынудила Святослава перебраться в Карачев (ПСРЛ, 1908. С. 330—337).

Отмеченное в источниках значение города для новгород-северских и черниговских князей, вероятно, и определило появление здесь каменного храма Михаила Архангела. Его возникновение связано, по мнению Г. П. Полякова, со Святославом Всеволодичем, христианское имя которого было Михаил (Поляков, 1996. С. 7). Известно, что в 1174 г. князь Святослав заложил в Чернигове церковь Михаила, посвящение которой связывается с именем ктитора. Если считать инициатором строительства каменной церкви в Карачеве князя Святослава, можно предполагать ее появление до времени смерти князя в 1194 г. Информация о церковной топографии Карачева на протяжении XIII–XVI вв. неизвестна.

Памятник впервые упоминается в документах в связи с восстановлением города после разорения Смутного времени. В 1627 г. была составлена краткая роспись церкви, в которой сказано: «церковь была каменна, розволялась давно. А в прошлом во 135-м году ... свезена церковь с пустого розоренова места древена клетцки, ветха» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 325. Л. 381). В документе 1631 г. сказано, что деревянная «саборная церковь середь каменные церкви поставлена меж стен» (РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. № 51. Л. 472). Следовательно, в начале XVII в. сохранялись видимые руины каменной церкви. В дальнейшем упоминаний о существовании в Карачеве домонгольского каменного храма в письменных источниках нет.

Раскопки, в результате которых исследована площадь $16 \, \mathrm{m}^2$ (4 шурфа размерами $2 \times 2 \, \mathrm{m}$), проводились в сентябре $2012 \, \mathrm{r}$. В шурфах, заложенных к северу и северо-востоку от собора, прослежена в целом однотипная стратиграфия культурных напластований. Под слоем дерна отмечена гумусированная коричневая супесь, насыщенная боем плинфы и кладочного раствора; ниже шел слой серой супеси с тленом, углем и печиной. Под ним — слой бело-желтого песка с включениями светло-серой супеси и углей, который залегал на материковом песке.

В южной части шурфа 1 была зафиксирована внешняя граница выбранного фундаментного рва северной стены каменного здания, ориентированного с северо-запада на юго-восток, с обратной засыпкой мелким боем кирпича, счистками кладочного раствора и серой супесью. В северной части шурфа прослежены хозяйственные ямы и частокольные канавки.

В шурфе 2 исследовано грунтовое безынвентарное погребение, совершенное в могильной яме размерами 1,96 × 0,3–0,36 м, ориентированной по линии 3СЗ–ВЮВ. На дне ямы прослежены остатки древесного тлена от гроба и скелет, предположительно принадлежавший мужчине 30–40 лет.

В шурфе 3 зафиксированы чередующиеся слои гумусированной коричневой супеси с боем плинфы, темной серо-коричневой супеси, темно-серой супеси, серой супеси. На материке практически на всей площади шурфа прослежены ямы, одна из которых – остатки жилой постройки с печью XII–XIII вв.

Шурф 4, заложенный к юго-востоку от собора, выявил фрагмент стеновой кладки из плинфы на известковом растворе. Из целой плинфы выполнена только внутренняя облицовка стены полуциркульного очертания, а забутовка состоит из обломков плинфы и валунов. Граница сохранившейся стеновой кладки проходит с востока на запад ближе к центральной оси шурфа. Южную часть шурфа занимала яма, заполненная темной серо-коричневой супесью, с фрагментами плинфы, камня и кусками кладочного раствора. Выявленная кладка принадлежит южной алтарной апсиде домонгольского храма.

Собрана коллекция находок XII—XX вв.: фрагмент стеклянного бирюзового крученого браслета XII—XIII вв.; железный черешковый нож XI—XIV вв.; черешок железного ножа; нашивная бляшка цветного металла с выпуклым растительным орнаментом XII—XIII вв.; фрагмент нательного креста XII—XIII вв. (рис. 1, 1-5); серебряные и медные монеты XVIII—XX вв.; свинцовая пуля второй половины XVII — начала XVIII в., фрагмент лицевой пластины рельефного «муравленого» печного изразца XVII в.

Керамика представлена тремя хронологическими группами.

XII—XIII вв. – посуда, 838 экз. (рис. 2, 1–12), выполнена из ожелезненных глин (красноглиняная керамика) с примесью дресвы («курганного типа»); из ожелезненных глин (красноглиняная «ранняя» керамика) с примесью песка; из неожелезненных глин (белоглиняная «ранняя» керамика). Представлены в основном горшки, украшенные по плечикам несколькими рядами горизонтально прочерченных линий, иногда волнистым орнаментом и насечками по краю венчика. Имеются обломки двух кувшинов (один с ручкой, второй украшен по плечикам и шейке многорядным волнистым орнаментом). Найдены также два днища сосудов с отпечатками гончарных клейм.

Рис. 1. Находки из шурфов 2012 г.

I — фрагмент бирюзового крученого браслета (XII—XIII вв.); 2 — черешковый нож (XI—XIV вв.); 3 — черешок ножа; 4 — нашивная бляшка с выпуклым растительным орнаментом (XII—XIII вв.); 5 — фрагмент нательного креста (XII—XIII вв.); 6—14 — прорисовка знаков на торцах плинф (XII в.).

1 – стекло; 2, 3 – железо; 4, 5 – цветной металл; 6–14 – керамика

XIV–XVI вв. – обломки горшков, мисок и крышек, 236 экз. (рис. 2, 13–18), из ожелезненных (красноглиняная керамика) и из неожелезненных глин (белоглиняная керамика).

XVII–XIX вв. – керамика, 92 экз. (рис. 2, 19, 20), из ожелезненных глин (красноглиняная «поздняя»); из неожелезненных глин (белоглиняная «позд-

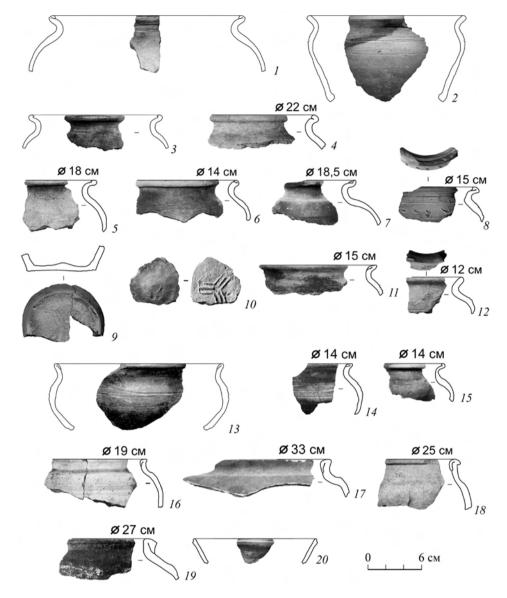

Рис. 2. Находки фрагментов круговых керамических сосудов из шурфов 2012 г. I-12- XII-XIII вв.; I3-18- XIV-XVI вв.; I9-20- XVII-XVIII вв. I3-18- XIV-XVI вв.; I9-20- XVII-XVIII вв. I3-18- 4, I3- 17 — шурф 2; I3-16, I3-20 — шурф 3

няя»); чернолощеная, мореная и поливная. Найдены обломки горшков, кувшинов и мисок.

Обработано около 200 фрагментов плинфы. Большая часть экземпляров имеет следы кладочного раствора, но некоторое количество отложилось в виде брака на строительной площадке. Плинфа представлена двумя типоразмерами:

 $25-26,5 \times 18,5-19,5 \times 4-4,5$ и $23 \times 17 \times 4,5$ см. Обжиг изделий равномерный, красно-коричневого цвета. Тесто хорошо промешано, без видимых включений. Особенность формовки или результат обжига — заметная выпуклость верхней постели, тогда как нижняя постель ровная. Разница толщин в середине и по краям плинф иногда достигает 1 см. Найдено несколько лекальных фрагментов: куски валов, четвертных валов, трапеций. Выявлены кирпичи с выпуклыми знаками на торцах (рис. 1, 6-14). Кладочный раствор состоит из извести розоватого оттенка с наполнителями из измельченного известняка крупной фракции и цемянки. Толщина швов в кладке — от 4-4,5 до 6,5 см.

Находки керамических плиток пола единичны. Фиксируется только их ширина (14,5 см) и толщина (2,3–3 см). Все фрагменты имели квадратную форму; фигурные плитки пола не обнаружены. Боковые грани вертикальные, без скосов. Лицевые поверхности покрыты светло-зеленой или желтой поливой; на одном из кусков – зеленые и коричневые крапины, нанесенные по желтому фону. Затеки поливы имеются на торцах и на тыльной стороне плиток. Заметны следы стертости от ходьбы по ним. Одна плитка без поливы, по-видимому, после обжига она была отбракована или разбита. Для изготовления плиток использовано керамическое тесто, идентичное тесту плинфы, они обожжены равномерно, хотя некоторые на изломе имеют сероватую сердцевину (недожог). Вероятно, плинфа и плитки пола изготовлялись вблизи строительной площадки.

В ходе работ выявлены остатки существовавшего церковного каменного сооружения домонгольского времени, в принципе решена задача его локализации, изучены культурные напластования XII—XVII вв. к западу, северу и юговостоку от собора Михаила Архангела. Наиболее успешны с точки зрения поиска домонгольского храма шурфы 1 и 4, где в первом выявлена граница фундаментного рва северной стены, а во втором — стеновая кладка алтарной апсиды. Эти находки в совокупности дают представление о местоположении и размерах здания.

Выяснен характер культурного слоя на территории городища, начало отложения которого относится к первой половине XII в.; частично изучены 10 археологических объектов в материке: остатки жилых построек, хозяйственные ямы, канавки от частокольной ограды. Это свидетельствует о том, что возведение храма во второй половине XII в. происходило на участке сложившейся жилой застройки. Культурный слой XIV—XVI вв. на раскопанных участках четко не выражен, находки этого времени зафиксированы как в верхних, так и в предматериковых пластах.

Для более детального определения размеров и планировочной структуры древнего каменного сооружения необходимо обследование территории к югу и востоку от существующего здания собора Михаила Архангела.

ЛИТЕРАТУРА

Никольская Т. Н., 1967. Отчет о разведках и раскопках в Орловской области летом 1967 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 3638.

В. В. Миненко, А. В. Яганов

- Поляков Г. П., 1996. Домонгольский Карачев: (по письменным источникам и данным археологии) // Страницы истории Карачева: материалы историко-краеведческой конф., посвященной 850-летию города Карачева / Отв. ред. В. В. Крашенинников Брянск. С. 4–8.
- ПСРЛ, 1908. 2-е изд. Т. 2: Ипатьевская летопись / Под ред. А. А. Шахматова. СПб.: Типография М. А. Александрова. 938 стб., 108 стр.
- РГАДА. Ф. 210. Приказной стол. № 51.
- РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 325.
- Смирнов А. С., 1974. Отчет о разведках Деснинского Левобережного отряда в 1974 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5291.
- *Чеплянская Е. А.*, 1998. Отчет об археологических разведках на территории Карачевского района Брянской области в 1998 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 21871.

Г. В. Требелева, Г. Ю. Юрков, Ю. В. Горлов, И. И. Цвинария, А. С. Агумаа, Ш. Г. Кайтан¹

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕХНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АБХАЗИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВКИ*

G. V. Trebeleva, G. Yu. Yurkov, Yu. V. Gorlov, I. I. Tsvinariya, A. S. Agumaa, Sh. G. Kaitan. Application of physical-chemical methods for the investigation of construction technology in Medieval Abkhazia and problems of dating

Abstract. In the paper a chemical composition of binding mortar used for construction of fortresses and temples in Abkhazia is discussed. Construction technology is regarded as possible chronological marker. It was established that in constructions of earlier period mostly lime mortar was used. During the Roman period all constructions were erected with application of lime mortar, which characteristic of the Roman technologies of construction. Mortars of later epochs contain insignificant admixture of sand (up to 1/4). Then proportion of sand increased, reaching 1/3 (the Anakopia temple of the 11th century). In structures of the 15th–17th centuries ratio of sand and lime is about 1:1. In some cases sand essentially dominates over lime, but this kind of mortar does not constitute an independent type and should be regarded as traces of an urgent repair when sufficient quantity of lime was unavailable.

Ключевые слова: средневековые памятники Абхазии, технологии строительства, химический состав связующей компоненты, проблемы датировки.

В рамках совместного российско-абхазского проекта в 2010 г. Институтом археологии РАН и Институтом гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа были начаты комплексные работы по изучению архитектурных остатков средневековых памятников на территории Республики Абхазия. Несмотря на многолетние и многочисленные изыскания, проводившиеся на территории республики еще с XIX в., часть памятников не исследовалась совсем, а большинство – лишь поверхностно и бессистемно (Бгажба, 1967; 2004. С. 15, 16). Многие вопросы, в том числе и датировка памятников, остаются на сегодняшний день нераскрытыми.

^{*} Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-21-12001a(м) и РФФИ, проект № 13-06-00077.

Сохранность средневековых памятников Абхазии поражает: высота стен некоторых построек достигает порой 9 м! Естественно, что относительно точно датировать памятники до проведения на них более или менее масштабных раскопок не представляется возможным. Однако была предложена идея выделить сооружавшиеся в одно время постройки на основе анализа химического состава образцов связующего раствора в кладках крепостей и храмов. За основу взято предположение, что химический состав связующего раствора в кладке стен одновременных памятников будет относительно одинаков, а разновременных – существенно отличаться друг от друга.

В 2010 г. были проведены археологические разведки в прибрежной части Сухумского района Республики Абхазии и на приграничной к Сухумскому району части Гульрипшского района (вдоль р. Келасур) (рис. 1). В ходе археологических разведок обследовано 19 объектов, из которых 11 памятников относятся к «Келасурской стене» (2 участка Келасурской стены, 8 башен, считающихся ее частями, а также крепость Багмаран вдоль восточного берега р. Келасур). Позднее был проведен и опубликован подробный анализ полученных результатов (*Требелева и др.*, 2012. С. 169–178).

В 2011 г. разведки проводились в Гудаутском районе республики (рис. 2). Исторически, особенно если говорить о раннем периоде истории, данная территория входила в иное государственное образование (Абазгия), нежели территория современного Сухумского района (Апсилия). Несомненно, главной крепостью Абазгии была Анакопия. Но кроме нее известны еще четыре раннесредневековые крепости, а также ряд храмов и дворцов. В 2012 г. были проведены обследования в Гагрском районе (рис. 3), территория которого могла относиться к Абазгии или Санигии. В литературе на этот счет существуют разные точки зрения (Анчабадзе, 2010. С. 236–247). Так или иначе в Гагрском районе расположено несколько крупных раннесредневековых центров с крепостными сооружениями и храмами: Бзыбская крепость, Пицундское городище, крепость Нитика (крепость Абаанта в г. Гагры), Хашупсинская крепость, Цандрыпшский храм, храмовый комплекс Алахадзых. Пицундское городище и Нитика существовали еще в античное время. Недалеко от Хашупсинской крепости также находится могильник античного времени, что, скорее всего, может служить подтверждением того, что и Хашупсинская крепость, если не как крепость, то как поселение, могла существовать в более ранний период.

Анализируя результаты определения химического состава связующего раствора из кладок оборонительных сооружений Гагрского и Гудаутского районов, с учетом ранее полученных в Сухумском районе результатов, были выделены пять типов растворов по соотношению основных компонентов – песка и извести:

- 1) менее одной четверти песка, в основе раствора известь;
- 2) соотношение песка и извести примерно пополам;
- 3) одна треть песка и две трети извести;
- 4) в основе раствора песок, извести около одной трети;
- 5) 100 % извести.

Очень показательным и важным стал анализ данных, полученных из крепости Анакопия, как, во-первых, одного из главных раннесредневековых памятников Абазгии, а во-вторых, частично исследованной археологически.

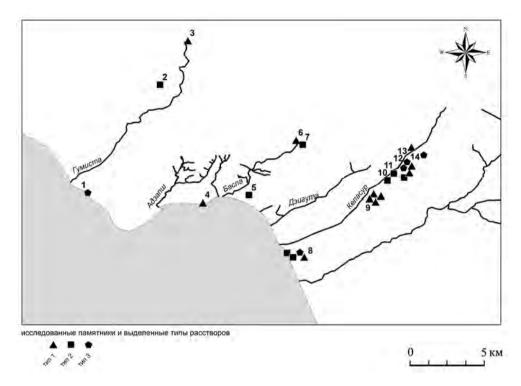

Рис. 1. Памятники, исследованные в 2010 г. Цифрами обозначены выделенные группы растворов

Археологическими раскопками, проведенными в 1950-е гг. в башнях южной стены второй линии обороны, установлены основные разновременные культурные слои. Первый слой может быть отнесен к X-XII вв., второй – к VIII-IX вв. Третий слой в целом – основной строительный слой башен и стен второй линии обороны; он относится к VII в. Внутри крепости была также изучена небольшая церковь XI в. зального типа с выступающей полукруглой апсидой (*Трапш*, 1975. С. 88–148; Бердзенишвили, 2010; Агумаа и др., 2011. С. 5–17).

На данной крепости из разных ее участков взято в общей сложности 16 образцов (рис. 4). В целом присутствует четыре из пяти выделенных типов (отсутствует только тип 5 – чистая известь). Если обратить внимание на распределение этих типов, то становится очевидным, что все образцы, взятые из стен крепости, не просто повторяют один и тот же тип раствора, но почти полностью его воспроизводят. Расхождение в соотношении между компонентами составляет всего 1 %. Так, к примеру, образец № 21 (западный край цитадели) имеет соотношение компонентов: Ca 86 % / Si 14 %; образец № 18 (вторая линия обороны, стена, перекрывающая вход за башней 1 на дорогу к цитадели): Са 86 % / Si 14 %; образец № 15 (стена второй линии обороны в районе первой бойницы между башнями 2 и 3): Ca 87% / Si 13 %; образец № 20 (стена второго уровня на стыке южной и западной стен): Са 86 % / Si 14 %. Все эти образцы

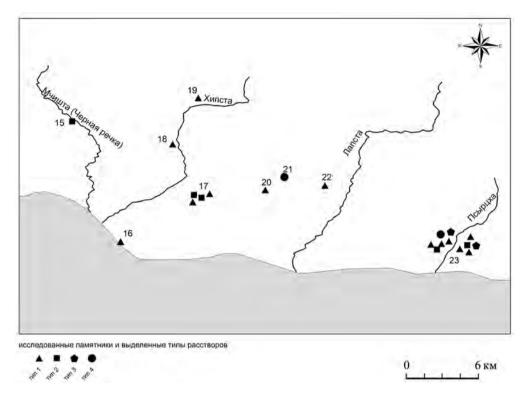

Рис. 2. Памятники, исследованные в 2011 г. Цифрами обозначены выделенные группы растворов

относятся к первому типу раствора. Образцы из башен и внутрикрепостных строений относятся к иным типам. При этом между ними также наблюдаются отдельные случаи совстречаемости, вплоть до полного совпадения в соотношениях между компонентами (башни 4 и 5). Два типа раствора (2 и 3) обнаружено и в храме.

В целом разнообразие типов на крепости вполне ожидаемо – крепость однозначно возводилась в несколько строительных этапов. Далее нельзя исключать ремонтные работы, которые явно приходилось проводить защитникам крепости. Да и здание церкви в процессе своего существования претерпевало те или иные перестройки. Подробный анализ и интерпретацию полученных результатов еще предстоит сделать. На данном этапе исследований отметим представляющийся очень важным факт: первый тип раствора обнаружен в кладке всех основных стен, которые по археологическим данным датируются VII в. Он отсутствует в кладке Анакопийского храма, строительство которого относится к XI в. Наличие двух разных типов раствора в кладке храма объяснимо возможными более поздними перестройками и/или ремонтными работами. Самое главное, что в целом наблюдается воспроизводимость типов раствора и их совстречаемость между собой. Это еще раз подтверждает, что

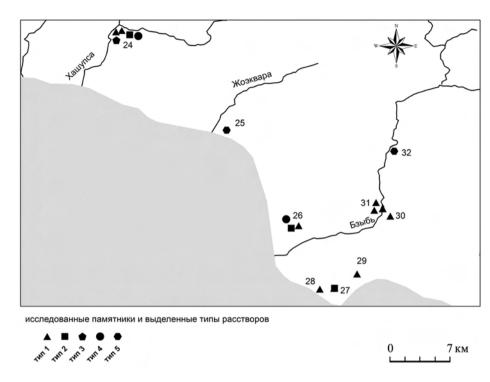

Рис. 3. Памятники, исследованные в 2012 г. Цифрами обозначены выделенные группы растворов

выбранный метод исследования оправдывает себя и может характеризовать технологии строительства.

При интерпретации полученных результатов анализов нельзя обойти вниманием выделенный тип 5 — раствор на чистой извести, без примесей песка. Этот образец получен в единственном числе и из единственного памятника, датируемого римским временем, — ворот крепости Нитика (крепость Абаанта в г. Гагры).

На другом античном городище (Пицундском) взять образцы связующего раствора из архитектурных остатков римского времени не удалось — все они находятся ниже дневной поверхности, а закладка шурфов не проводилась. Все образцы с Пицундского городища относятся к периоду средневековья. На данном городище взято несколько меньшее количество образцов, нежели на Анакопийском. Связано это, во-первых, с худшей сохранностью крепостных сооружений и с большей степенью их реставрации и консервации современными растворами. На Пицундском городище зафиксированы два основных типа раствора: 1-й и 2-й, что однозначно может маркировать разные этапы строительства и возможные ремонты. Первый тип раствора был получен из образцов, взятых у самого основания стен, фактически у современной дневной поверхности. Второй тип присутствует на внутрикрепостных строениях

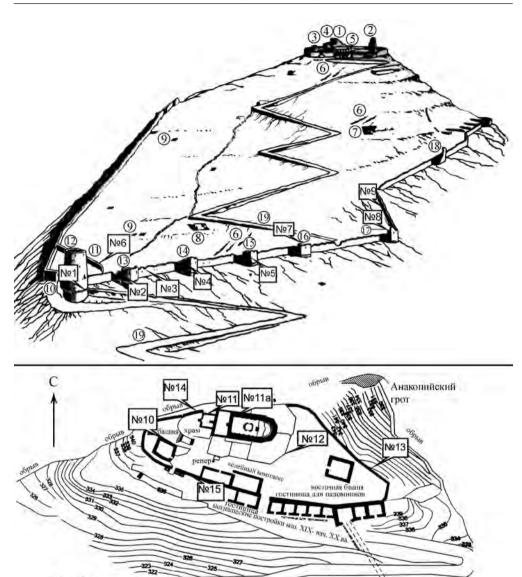

Рис. 4. Анакопийская крепость. План с указанием мест взятия аналитических проб связующего раствора

и во взятом на высоте человеческого роста образце из восточной стены, служащей оградой музея.

Одна из крупнейших крепостей Абхазии – крепость Хашупсы (*Шамба*, 1974. С. 65, 66; *Хрушкова*, 2002. С. 185, 186). На ней взято девять образцов (четыре с нижнего уровня и пять – с верхнего, включая остатки церкви). Результаты

анализа дают следующую картину: в нижнем уровне присутствуют типы 1 и 3, в верхнем – типы 2 и 4.

Храмовый комплекс Алахадзы представлен тремя сооружениями (*Хрушкова*, 2002. С. 119–136). Было взято четыре образца: один с объекта 1 (самого крупного); два с восточной и западной стен у входа в объект 2, остатки которого перекрывают сооружение 1; а также с объекта 3, расположенного севернее двух предыдущих, на расстоянии около 50 м от них. Результат анализов показал, что образец из объекта 1 относится к первому типу, из объекта 3 и восточной стены сооружения 2 – ко второму, а образец из западной стены последнего – к четвертому.

Сторожевая башня или крепость Хасант-Абаа — небольшая шестиугольная крепость с четырехугольной цитаделью внутри, расположена на вершине холма левого берега р. Бзыбь. Крепость не исследовалась, взятые образцы показали принадлежность связующих растворов к третьему и четвертому типам.

Отдельный интерес представляют собой две крепости: Абгархук и Мшварыабааху, расположенные в 2 км друг от друга и разделенные небольшой р. Убаарта. Первая имеет прекрасную степень сохранности и ровную кладку стен. Вторая значительно меньше по размеру, кладка неровная, сложенная как бы наспех, сохранность крепости плохая. Оба памятника археологически не исследованы. Связующий раствор кладки крепости Абгархук относится к первому типу, крепости Мшварыабааху – к четвертому. Учитывая небольшие размеры последней, а также то, что она находится недалеко от крупной крепости (Абгархук) и имеет неровную кладку стен, напрашивается вывод о ее сооружении непосредственно в ходе какого-то конфликта в очень сжатые сроки. Против кого и когда она была возведена, пока неизвестно.

В целом, характеризуя полученные результаты по анализу химического состава образцов, можно отметить, что более половины из них относится к первому типу (примесь песка составляет менее одной четверти от общей массы). Второе место по распространенности занимает тип 2 (песок и известь находятся в примерно равном количестве). Реже встречаются типы 3 и 4; пятый тип представлен единственным образцом (рис. 5).

При анализе результатов, полученных в первый год исследований, была сделана попытка определить, к какому периоду могут относиться выделенные типы растворов. Первоначально предполагалось, что первый тип относится к VI-VII вв., третий – к X-XII вв., второй – к XVII в. (Требелева и др., 2012. С. 169–178). Новые материалы показали, что эти предположения могут быть не совсем верными. В целом сохраняется на уровне тенденции наблюдение, что более ранние сооружения возводились на растворе, содержащем преимущественно известь. Единственный памятник, датируемый римским временем, возведен на цельном известковом растворе, что, в общем, соответствует нашим знаниям о римских технологиях строительства. В связующих же растворах более поздней эпохи уже присутствуют незначительные примеси песка, например в стенах Анакопийской крепости или базилики в Сухуме, датируемых по данным раскопок раннесредневековым временем. Тип 3 (основой раствора остается известь, но количество песка возрастает до одной трети от общей массы) присутствует в Анакопийском храме, датируемом XI в. Но кроме раствора данного типа в этой же церкви зафиксирован и раствор типа 2 (соотношение извести с песком

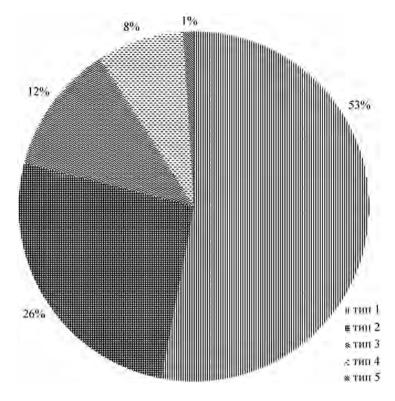

Рис. 5. Диаграмма процентного соотношения растворов по типам

примерно равное). Ранее этот тип был отнесен к XVI–XVIII вв. на основе того, что он был выявлен на остатках стен Сухумской крепости, датируемых по археологическим данным турецким временем. Однако дальнейшие анализы по-казали, что тип 2 присутствует и в Замке Баграта, который по археологическим данным датируется XII—XIII вв., и в церкви Отхара 10, также датируемой XII в., и, как уже упоминалось, в Анакопийском храме XI в. наряду с раствором типа 3. Чем это можно объяснить? Более поздними ремонтами и/или перестройками или параллельным использованием раствора двух типов? На этот вопрос окончательного ответа пока нет.

При анализе образцов, полученных в 2011 г. в Гудаутском районе, выявлен раствор типа 4 (песок существенно превалирует над известью). Известны подобные образцы и на памятниках Гагрского района. Причем данный тип выступает не в качестве оригинального раствора, а сочетается с другими типами растворов – вторым или третьим. Вполне возможно, что раствор типа 4 может маркировать не саму строительную технологию как таковую, а лишь следы спешного ремонта, когда строителям не хватало извести и приходилось замешивать много песка. Не исключено, что это могла быть определенная технология, существовавшая в некоторый период времени. Однако данных о том, к какому периоду можно отнести подобную технологию, пока нет. Также остается

открытым вопрос о разграничении растворов типа 2 и 3. Тем не менее раствор типа 1 (примеси песка составляют менее четверти от общей массы) можно датировать VI–VII вв. В строениях, относимых по археологическим данным к XI– XII вв., однозначно присутствуют только растворы типов 2–4.

В завершении отметим, что примененный в проведенной работе метод достаточно перспективен и уже показал интересные предварительные результаты. Для окончательных выводов необходимо увеличить статистическую выборку анализируемых образцов, особенно с памятников, имеющих датировки на основании археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Агумаа А. С., Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю., Ендольцева Е. Ю., 2011. Искусство Абхазского царства VIII—XI веков: Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб.: РХГА. 272 с. (Archaeologica varia).
- *Анчабадзе З. В.*, 2010. Избранные труды: В 2 т. / Сост. и отв. за вып. А. Э. Куправа. Т. 1. Сухум: АбИГИ АНА. 554 с.
- *Бгажба О. Х.*, 1967. История изучения средневековых памятников Абхазии // Материалы по археологии Абхазии / Отв. ред. М. М. Трапш. Тбилиси: Мецниереба. С. 112–128.
- Бгажба О. Х., 2004. Изучение истории Абхазии в XX веке // Кавказ: история, культура, традиции, языки: по мат-лам Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Абхазского ин-та гуманитарных иссл. им. Д. И. Гулиа АНА (28–31 мая 2001 г.) / Отв. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум: АбИГИ АНА. С. 15–20.
- Бердзенишвили И., 2010. О распространении христианства в Абхазии по данным археологии (IV– VIII вв.): Автореф. дисс. на соискание уч. степ. к. и. н. М. 25 с.
- *Трапш М. М.*, 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии / Сост. и отв. ред. А. Х. Халиков, Сухуми: Алашара. 228 с. (Трапш М. М. Труды: В 4 т.; Т. 4).
- Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г., 2012. Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. № 4. С. 169–178.
- *Хрушкова Л. Г.*, 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М.: Наука. 584 с.
- *Шамба Г. К.*, 1974. Археологические разведки 1967 г. в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми: Алашара. С. 48–66.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АбИГИ АНА – Абхазский Институт гуманитарных исследований Абхазской академии наук.

АН СССР - Академия наук СССР.

АО – Археологические открытия.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград.

Вестник Института ИАЭ – Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала.

ГИМ – Государственный исторический музей.

ДБК – Древности Боспора Киммерийского. 1854. Изд-во Ф. Жиль. Санкт-Петербург.

ИА – Институт археологии Российской Академии наук.

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.

ИГЕМ РАН – Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии.

КНИИИФЭ – Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, философии и этнографии.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.: Наука.

МАО – Московское археологическое общество. М.

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России.

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

КГУ – Кубанский государственный университет.

КЧНИИ ИЯЛ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

ОАК – Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.

РА – Российская археология. М.

РАН – Российская академия наук.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

СА – Советская археология. М.

САИ – Археология СССР. Свод археологических источников / Под общ. ред. акад. Б. А. Рыбакова. М.

САИПИ – Сибирская ассоинания исследователей первобытного искусства. Кемерово.

СОИГИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований

Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея. М.

Труды ИИМК РАН – Труды Института истории материальной культуры Российской академии наук.

Труды МНИИЯЛИЭ – Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории, экономики. Саранск.

ACHByz – Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance. Paris.

APDCA – Association pour la promotion et la diffusion des connaissances archéologiques. Sophia Antipolis

BAR – British Archaeological Reports. Oxford.

BSAF – Bulletin de la Société des Antiquaires de France. Paris.

CRAI – Comptes-Rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres. Paris.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

- А. С. Агумаа Управление по охране культурно-исторического наследия республики Абхазия, Сухуми
- Л. Э. Голубев РГУ «Государственная инспекция по охране эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия КЧР», г. Черкесск; e-mail: lasar68@mail.ru
- Ю. В. Горлов Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовсого, Москва; e-mail: y gorlov@mail.ru
- И. А. Дружинина Институт археологии РАН, Москва; e-mail: inga druzh@mail.ru
- Е. Г. Дэвлет Институт археологии РАН, Москва; e-mail: eketek@yandex.ru
- Е. Ю. Журухина ДП «Центр археології Києва НАН України», Киев; e-mail: lenzhurukh@mail.ru
- О. В. Зеленцова Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olgazelentsova2010@yandex.ru
- Ш. Г. Кайтан Институт гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа, Сухуми; e-mail: shandorikkaitan@mail.ru
- А. Н. Кренке Институт географии РАН, Москва; e-mail: krenke-igras@yandex.ru
- H. A. Кренке Институт археологии РАН, Москва; e-mail: nkrenke@mail.ru
- Д. С. Коробов Институт археологии РАН, Москва; e-mail: dkorobov@mail.ru
- А. Р. Ласкин Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края» (КГБУК «НПЦ по ОПИК»), Хабаровск; e-mail: laskin66@mail.ru
- В. Ю. Малашев Институт археологии PAH, Mockba; e-mail: malashev@yandex.ru
- А. В. Мастыкова Институт археологии РАН, Москва; e-mail: amastykova@mail.ru
- М. Н. Мещерин Институт археологии РАН, Москва; e-mail: mnm16@yandex.ru
- E. A. Миклашевич Кемеровского государственного университета, Кемерово; e-mail: elena-miklashevich@yandex.ru
- P. A. Мимоход Институт археологии РАН, Москва; e-mail: mimokhod@list.ru
- В. В. Миненко Институт археологии РАН, Mockba; e-mail: vvminenko@yandex.ru
- А. М. Обломский Институт археологии РАН, Москва; e-mail: oblomsky a@rambler.ru
- О. М. Олейников Институт археологии РАН, Москва; e-mail: olejnikov1960@yandex.ru
- И. А. Сапрыкина Институт археологии РАН, Москва; e-mail: dolmen200@mail.ru
- К. Н. Скворцов Институт археологии РАН, Москва; e-mail: sn arch exp@mail.ru
- Е. К. Столярова Институт археологии РАН, Москва; e-mail: kath.stoliarova@gmail.com
- Г. В. Требелева Институт археологии РАН, Mockba; e-mail: trgv@mail.ru
- Й. Фассбиндер Управление по охране памятников Баварии, Мюнхен; e-mail: joerg.fassbinder@ blfd.bayern.de
- А. Н. Хохлов Институт археологии РАН, Москва; e-mail: anhbalt@mail.ru
- И. И. Цвинария Институт гуманитарных исследований Абхазской академии наук им. Д. Гулиа, Сухуми; e-mail: g_gis@mail.ru
- В. Н. Чхаидзе Институт археологии РАН, Москва; e-mail: chkhaidze.v@yandex.ru
- Г. Ю. Юрков Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова РАН, Москва; e-mail: vgv76@mail.ru
- Л. Т. Яблонский Институт археологии РАН, Москва; e-mail: yablonsky.leonid@yandex.ru
- Л. В. Яворская Институт археологии РАН, Москва; e-mail: lilechkayavorska@list.ru
- А.В. Яганов Институт археологии РАН, Москва; e-mail: yagav@yandex.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Периодический сборник «Краткие сообщения Института археологии РАН» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, информацию о работе археологических экспедиций.

Направляемые в сборник материалы должны быть оформлены в соответствии с принятыми правилами.

- 1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике сборника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редколлегии.
 - 2. Рукопись в электронном варианте в формате Microsoft Word.
- 3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме и ключевых слов (не более 10) на русском языке (см. п. 11), списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы, см. п. 7), сведений об авторе (авторах; см, п. 12). Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.
- 4. Общий объем рукописи не должен превышать 0,8 печатного листа (32 тыс. знаков с пробелами) и 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...).
- 5. Статья (включая список литературы, подрисуночные подписи и др.) должна быть напечатана четким, контрастным шрифтом кегля 14 через полтора интервала. В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).
- 6. Все нестандартные буквы и знаки в тексте рукописи должны быть четко вписаны от руки в распечатку рукописи. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию.
- 7. Иллюстрации предоставляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. Фрагменты (части 1, 2, a, б) одного рисунка должны быть обязательно скомпонованы с учетом их последующего уменьшения в сборнике. Нескомпонованные части рисунка будут считаться самостоятельными рисунками при подсчете

общего количества иллюстраций к статье. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

Иллюстрации представляются в электронном виде, в отдельных файлах формата ТІГ. В текстовый файл иллюстрации не вставляются.

Все черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а штриховые рисунки – не ниже 600 dpi.

Возможна публикация цветных иллюстраций, если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

- 8. Таблицы представляются в отдельных файлах. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).
- 9. Текстовые примечания даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...
- 10. Список литературы дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть издания на кириллице, вторая на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соответствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Например: *Мелюкова А. И.*, 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1-4. Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л. *Смирнов К. Ф.*, 1964. Савроматы. М. *Чернов С.* 3., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов, 1964. С. 50). Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить ключевые слова (до 10) и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 0,5 страницы). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо

русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) и ключевых слов (key words).

- 12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны всеми авторами. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов, адреса электронной почты и даты отправления.
- 13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ, МАТЕРИАЛЫ, ОТКРЫТИЯ

лолонский Л. Т. Повые находки в «царском» кургане т могильника Филипповка т	3
(предварительное сообщение)	8
Миклашевич Е. А. Наскальные изображения в Гроте Проскурякова (Хакасия)	32
Обломский А. М. Поселение Подгородная Слобода-2 и некоторые проблемы изучения	
раннего железного века лесного Поднепровья	43
Кренке А. Н., Кренке Н. А. Археологическая карта курганов XI–XIII вв.	
в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур	64
и центра поселенческой системы	04
Голубев Л. Э., Чхаидзе В. Н. Средневековые каменные изваяния из окрестностей станицы Новодонецкая (Выселковский район Краснодарского края)	74
из окрестностей станицы поводонецкая (выселковский район краснодарского края) Дружинина И. А. Погребение с пряжками-пафти из адыгского могильника Грузинка Ха	80
дружинина и. А. Погреоение с пряжками-пафти из адыгского могильника грузинка да	80
ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛА ОХРАННЫХ РАСКОПОК	
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН	
Мещерин М. Н. О «непластинчатых» индустриях в верхнем палеолите Забайкалья	90
Мимоход Р. А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье:	
от криволукской культурной группы к волго-Донской бабинской культуре	100
Коробов Д. С., Малашев В. Ю., Фассбиндер Й. Предварительные результаты раскопок	4.00
на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска	120
Мастыкова А. В. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями	126
в эпоху Великого переселения народов.	136
Скворцов К. Н., Хохлов А. Н. Погребение всадника конца V – первой половины VI в.	1.5.1
из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение)	151
Зеленцова О. В., Яворская Л. В. К вопросу об особенностях ритуальных действий с животными в погребальных обрядах муромы	
с животными в погреоальных оорядах муромы (по археозоологическим материалам Подболотьевского могильника)	160
(по археозоологическим материалам ггодоологьевского могильника)	170
Олейников О. М. К вопросу о назначении свинцовых грузиков X–XV вв	189
Столярова Е. К., Журухина Е. Ю. Находка стеклянного слитка из Киева	195
Скворцов К. Н. Средневековый шлем из могильника Кляйнхайде	203
Миненко В. В., Яганов А. В. Археологические исследования	203
на территории Карачевской крепости XII–XVII вв. в 2012 г.	213
Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г.	213
Использование физико-химических методов в исследованиях	
технологии строительства в средневековой Абхазии и проблемы датировки	220
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	229
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	230
ОТ РЕДАКЦИИ. Правила оформления рукописей	231

CONTENTS

PROBLEMS, MATERIALS, DISCOVERIES

Tablonsky L. 1. New finds in the «royal» buriar-mound 1 in the rimppovka 1 cemetery	_
(preliminary report).	3
Devlet E. G., Laskin A. R. On investigations of rock-art of the Amur and Ussuri rivers	32
Oblomsky A. M. The Podgorodnaya Sloboda-2 settlement and certain questions concerning	32
the study of the Early Iron Age in the forest zone of the Dnieper region	43
Krenke A. N., Krenke N. A. Kurgans of the 11th-13th cc. in the archaeological map	43
of the Moskva River basin: Some approaches of revealing local structures	
and centres of settling system	64
Golubev L. E., Chkhaidze V. N. Medieval stone sculptures from the environs of	04
the village of Novodonetskaya (Vyselkovsky District, Krasnodar Region)	74
Druzhinina I. A. A burial with paft buckles from the Adygei burial-ground Gruzinka Xa	80
Drugamina 1. A. A buriar with part buckles from the Adyger buriar-ground Grazinka Ad	00
RESCUE EXCAVATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY, RAS	
,	
Meshcherin M. N. On the «non-lamellate» industries in the Upper Palaeolithic of	
the Trans-Baikal region	90
Mimokhod R. A. Post-catacomb period in the Lower Volga region:	
from the Krivaya Luka cultural group to the Volga-Don Babino culture	100
Korobov D. S., Malashev V. Yu., Faβbinder J. Preliminary results from excavations of	4.00
the Levopodkumsky kurgan cemetery near Kislovodsk	120
Mastykova A. V. «Princely» costume with gold appliqués the period of	
the Great Migration.	136
Skvortsov K. N., Khokhlov A. N. The burial of a horseman from the end of	
the 5th – first half of the 6th century in the Shosseinoye burial-ground,	1.51
the Kaliningrad Region (preliminary report).	151
Zelentsova O. V., Yavorskaya L. V. Features of ritual manipulations	
with animals in the funerary rites of the Muroma	1.00
(on the basis of archaeo-zoological materials from the Podbolotyevo burial-ground)	160
Saprykina I. A. Items of jewellery from the excavations at «Rublenyi Gorod» in Yaroslavl	170
Oleinikov O. M. On the function of lead weights in the 10 th –15 th centuries	189 195
Skvortsov K. N. A medieval helmet from the Kleinheide burial-ground	203
Minenko V. V., Yaganov A. V. Archaeological research in the territory of the Karachev fortress of the 12th–17th centuries (2012).	213
Trebeleva G. V., Yurkov G. Y., Gorlov Y. V., Tsvinariya I. I., Agumaa A. S., Kaitan Sh. G.	213
Application of physical-chemical methods for the investigation	
of construction technology in Medieval Abkhazia and problems of dating	220
of construction reclinology in wiedleval Aukhazia and problems of dating	220
ABBREVIATIONS	229
ABOUT THE AUTHORS	230
SUBMISSION GUIDE.	

Статья Л. Т. Яблонского «Новые находки в «царском» кургане 1 могильника Филипповка 1 (предварительное сообщение)»

Рис. І. Погребение 2. Общий вид сверху – с севера

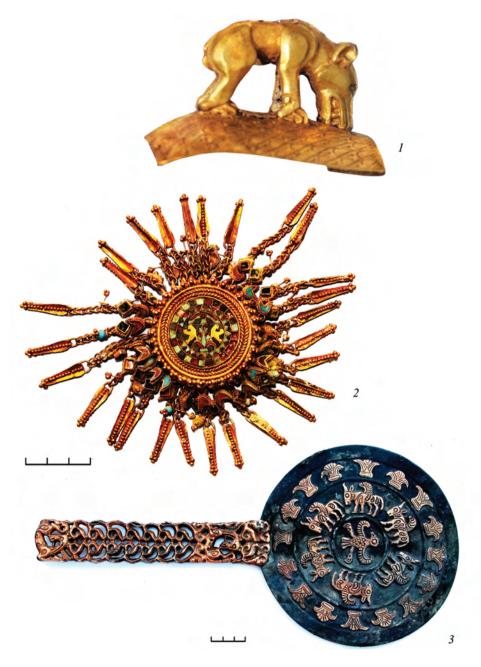

Рис. П. Курган 1 могильника Филипповка 1. Находки:

I — ручка деревянного сосуда (медведь); 2 — золотая бляха с перегородчатой стеклянной мозаикой; 3 — серебряное зеркало с позолоченной ручкой

Рис. III. Курган 1 могильника Филипповка 1. Находки:

1—4 — золотые нашивки на одежду; 5, 6 — золотые височные подвески; 7—11 — золотые перстни

Рис. IV. Изображения личин в наскальном искусстве и на сосудах

1, 4 – антропоморфные личины, Шереметьево; 2 – фрагмент сосуда, Кольчем 3, вознесеновская культура; 3 – личины из Внутренней Монголии

Рис. V. Шереметьево. Изображения на валунах (1, 2)

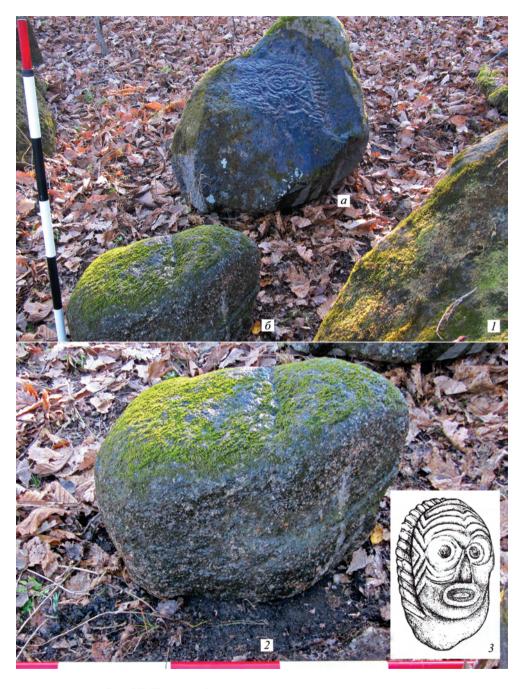

Рис. VI. Петроглифы на валунах и каменная скульптура. Шереметьево (1, 2), Николаевск-на-Амуре (3)

1 — выбитая на валуне личина (a) и валун, подработанный в виде лягушки (δ) ; 2 — фигуративное изображение лягушки; 3 — каменная голова (по: Medsedes, 20116)

1, 2 – изображения на сосудах, Вознесеновское (по: *Okladnikov*, 1981, № 18, 19); *3, 4* – личины в петроглифах, Сикачи-Алян; *5, 6* – маски (ХКМ КП 1608/2, ХКМ КП 1609/1)

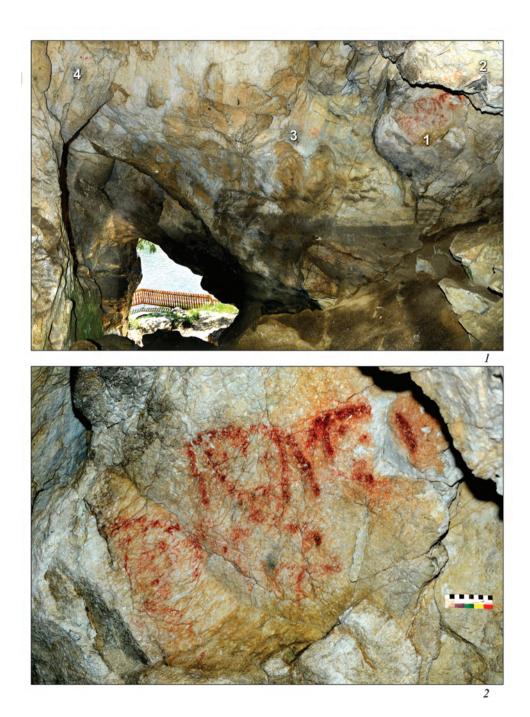

Рис. VIII. Грот Проскурякова

1 – вид изнутри, расположение плоскостей 1–4; 2 – антропоморфные изображения плоскости 1

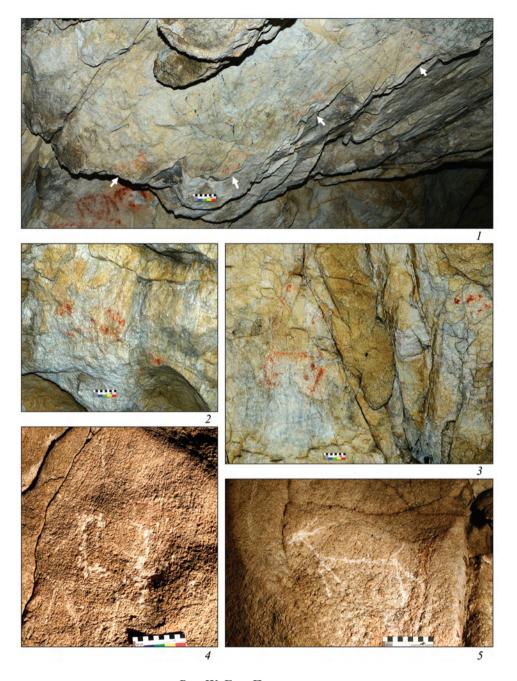

Рис. IX. Грот Проскурякова:

I — плоскость 2, стрелки указывают на участки с остатками изображений, выполненных краской; 2 — плоскость 3, фрагментированное изображение личины; 3 — плоскость 4 (пятна краски, справа) и плоскость 5 (фрагментированное изображение личины в треугольном головном уборе, слева); 4, 5 — отдельные прочерченные изображения из второй полости грота

Статья А. Н. Кренке, Н. А. Кренке «Археологическая карта курганов XI—XIII вв. в бассейне Москвы-реки: подходы к выявлению локальных структур и центра поселенческой системы»

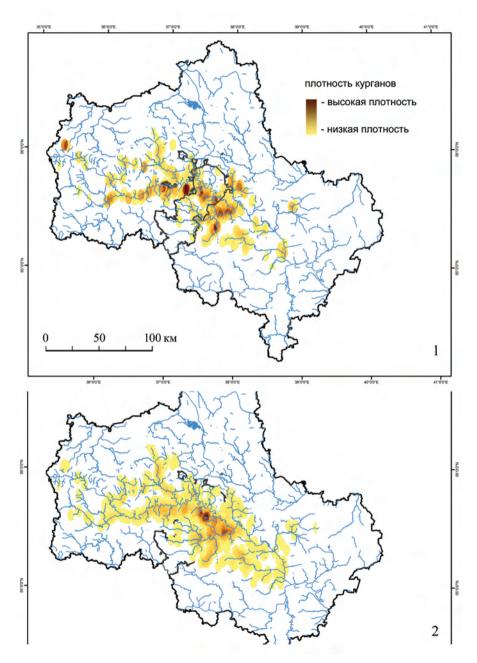

Рис. X. Генерализованные карты курганов бассейна Москвы-реки с радиусом чувствительности точек 5 км

I — с учетом числа курганов в группах (карта интенсивности освоения ландшафта); 2 — без учета данных о количестве курганов в группе (карта плотности памятников)

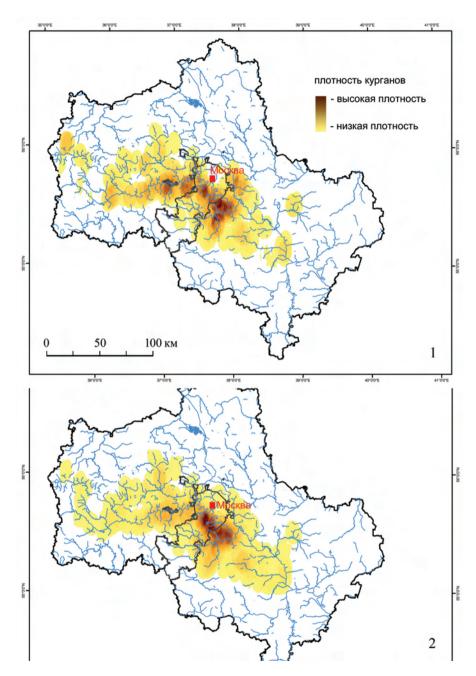

Рис. XI. Генерализованные карты курганов бассейна Москвы-реки с радиусом чувствительности точек 10 км

1 — с учетом числа курганов в группах (карта интенсивности освоения ландшафта); 2 — без учета данных о количестве курганов в группе (карта плотности памятников)

Статья Д. С. Коробова, В. Ю. Малашева, Й. Фассбиндера «Предварительные результаты раскопок на курганном могильнике Левоподкумский 1 близ Кисловодска»

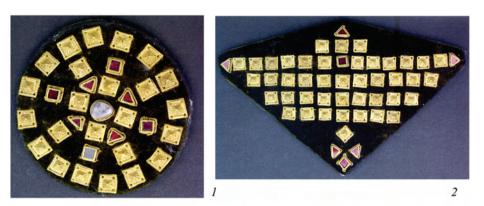
Рис. XII. Находки из кургана 1 (1, 3, 5–7), 2 (4) и погребения I (2, 8)

1—2, 5 — фибулы, 3—4 — 14-гранные бусины; 6 — накладка; 7 — кольцо с зажимом; 8 — бусина. 1, 2, 7 — бронза; 3—4 — золото; 5 — золото, стекло, сердолик; 6 — серебро; 8 — стекло

Статья А.В. Мастыковой «"Княжеский" костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов»

Рис. XIII. Предметы и реконструкция одежды из погребения Хохфельден (реконструкция по: *Hatt*, 1965. P. 250; L'Or des princes barbares, 2000. P. 127)

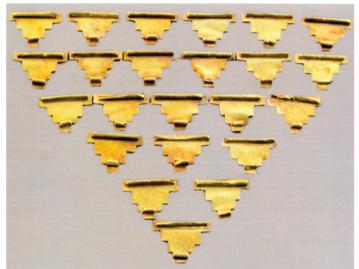

Рис. XIV. Золотые бляшки из погребений вандальского времени в Северной Африке

3

1, 2 – Кудиат-Затер (Kudiat-Zateur); 3 – Тубурбо-Мажюс (Thuburbo-Majus).

1, 2 – по: Ben Abed, 2008; 3 – по: Ghalia, 2008

Рис. XV. Золотые бляшки из погребения с Золотой маской, 1837 г. (по: Тайна золотой маски, 2009. № 16, 17, 19, 20, 22, 26)

Рис. XVI. Джурга-Оба, погребение 29 (по: Ermolin, 2012. Fig. 3)

Рис. XVII. Джурга-Оба, погребение 40 (по: Ermolin, 2012. Fig. 5)

Статья К. Н. Скворцова, А. Н. Хохлова «Погребение всадника конца V — первой половины VI в. из могильника Шоссейное Калининградской области (предварительное сообщение)»

Рис. XVIII. Элементы конского оголовья, выполненные в I германском зверином стиле из погребения № 36 могильника Шоссейное

1, 2, 5, 6 – четверики; *3, 4* – налобные подвески

Статья О.В.Зеленцовой, Л.В.Яворской «К вопросу об особенностях ритуальных действий с животными в погребальных обрядах муромы (по археозоологическим материалам Подболотьевского могильника)»

Рис. XIX. Положение коня в погребении 60

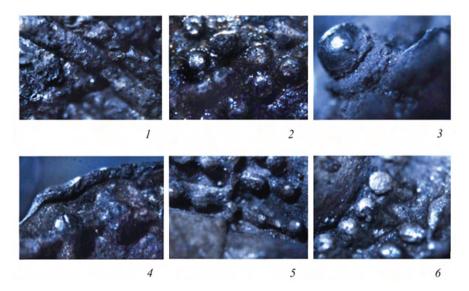

Рис. ХХ. Результаты трасологического исследования поверхности ювелирных изделий

I — смещение линий орнамента на боковых швах лунничного ложноплетеного височного кольца № 83 (× 4,5); 2 — литая «зернь» на поверхности браслета № 210 (× 4,5); 3 — зернь на подушечке на одной из нитей ажурной пронизи № 923 (× 4,5); 4 — облои по краю монетовидной привески № 1344 (× 4,5); 5 — смещение створок литейной формы на бусине № 1398 (× 4,5); 6 — имитация зерни на бусине № 1398 (× 4,5).

Статья О. М. Олейникова «К вопросу о назначении свинцовых грузиков X-XV вв.»

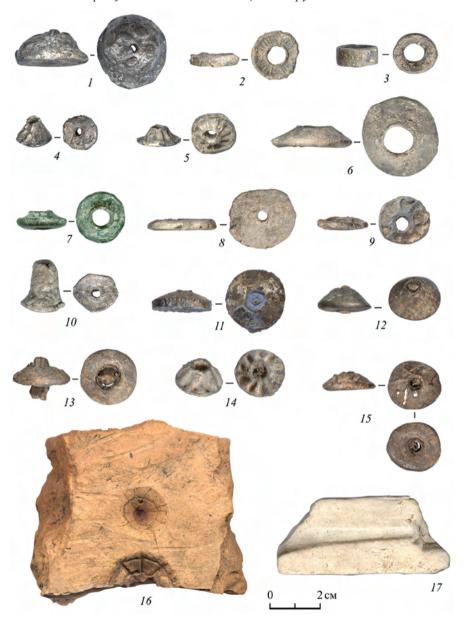
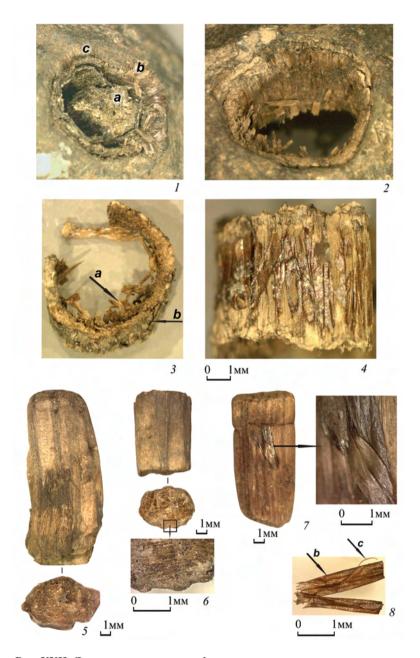

Рис. XXI. Морфологические типы свинцовых грузиков и литейные формы из раскопов Великого Новгорода

I – полусферический (Лук-2/4-236); 2 – колесовидный орнаментированный (Лук-2/1-66); 3 – цилиндрический (Лук-2/6-38); 4 – конусовидный орнаментированный (Лук-2/1-223); 5 – конусовидный орнаментированный с валиком у основания (сплющенность) (Лук-2/7-2а); 6 – конусовидный неорнаментированный (Лук-2/4-96); 7 – конусовидный орнаментированный с валиком (сплющенность) (Лук-2/3-202); 8 – плоский (Лук-2/1-75); 9 – плоский орнаментированный с небольшим валиком (сплющенность) (Лук-2/2-187); 10 – конический высокий (Лук-2/1-67); конические грузики с фрагментами деревянных стержней в отверстии: 11 – Лук-2/4-30; 12 – Лук-2/4-176; 13 – Лук-2/4-177; 14 – Лук -2/4-7; 15 – Лук-2/4-212; литейные формы: 16 – Лук-2/7-33; 17 – Дес-1/12-166. 1–10, 12–15 – свинец; 11 – железо, лужение; 16 – керамика; 17 – песчаник

Puc. XXII. Деревянные стержни с фрагментами растительных волокон в отверстиях свинцовых грузиков

I — фрагмент деревянного стержня (a) и растительных волокон: пластинчатых (b) и волоскообразных (c) в отверстии грузика (Лук-2/4-212); 2—4 — грузик (Лук-2/7-89б) с фрагментами деревянных (a) и растительных волокон (b) в отверстии; деревянные стержни из отверстий грузиков: 5 — Лук-2/4-177; 6 — Лук-2/4-161; 7 — деревянный стержень с растительными волокнами из отверстия грузика Лук-2/4-176; 8 — пластинчатые (b) и волоскообразные (c) растительные волокна из отверстия грузика (Лук-2/2-234)

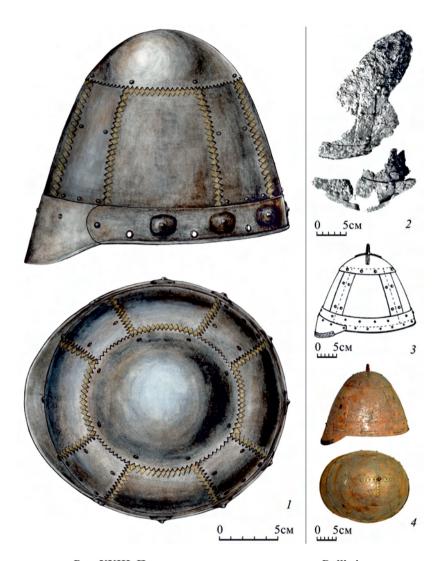

Рис. XXIII. Прусские составные шлемы типа Dollkeim

I – реконструкция шлема из воинского захоронения № 19 С могильника Кляйнхайде; 2 – фотографии фрагментов шлема из могильника Коврово (быв. Dollkeim, Kr. Samland) (по: архив Р. Гренца, г. Шлезвиг, Германия); 3, 4 — реконструкция шлема из могильника Коврово (по: 3. Gaerte, 1929. S. 301. Abb. 242a; 4. фонды Римско-Германского Центрального музея в Майнце, фото автора)

Статья В. В. Миненко, А. В. Яганова «Археологические исследования на территории Карачевской крепости XII–XVII вв. в 2012 г.»

Рис. XXIV. Месторасположение Карачевской крепости и собора Михаила Архангела с предполагаемой реконструкцией плана домонгольского храма по материалам раскопок 2012 г.